

ОГОНЁК

№ 42 ОКТЯБРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

**МЫ ВЕРИМ В ЖИЗНЬ
И БОРЕМСЯ ЗА НЕЕ**

Н. С. ХРУЩЕВ

**БЕРЕГ ДОБРЫХ УЛЫБОК
Дж. ОЛДРИДЖ — МОЙ ДРУГ ЮРА
ТРАССЫ ГОЛУБЫХ ОГНЕЙ**

*Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!*

ОГОНЁК

№ 42 (1739)

16 ОКТЯБРЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

МЫ ЗА РАЗОРУЖЕНИЕ! — заявляют трудящиеся Нью-Йорка.

Фото Г. Боровика.

Всегда наступают рассвет

Генрих БОРОВИК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

Битва за правду

Идет битва за правду. Она идет по всему земному шару. Когда в Индонезии еще один человек овладевает искусством составлять из букв слова — это еще одна победа в битве за правду. Когда кубинский крестьянин, взрыхляя жирную землю бывшей латифундии, впервые в жизни осознает, что он трудится на себя, — это борьба за правду. Когда целинники несут в закрома нашей Родины урожай, невиданный прежде, — это тоже битва за правду. В этой битве участвуют народы. В этой битве нет фронтов и тылов, потому что она везде.

Вот уже почти четыре недели главное звено этой борьбы — здесь: в США, в Нью-Йорке, на острове Манхеттен, где возвышается здание Организации Объединенных Наций.

На завтраке, данном в честь Председателя Совета Министров СССР журналистами, аккредитованными при ООН, Никиту Сергеевича Хрущева спросили: чего он достиг, по его мнению, в Нью-Йорке — как в ООН, так и вне ее. «...Мы посеяли здесь хорошие семена, — сказал Н. С. Хрущев, — семена мира и дружбы, разоблачили ложь и сеяли семена правды. И как бы сейчас кое-кто громко ни кричал, чтобы заглушить голос правды, все равно на это не хватит голоса. Правду не убить! Правда будет торжествовать. Когда она восторжествует, — для этого надо иметь терпение.

Мы не прекращаем борьбы за правду, мы ее начали и будем продолжать. Победа будет на нашей стороне... Правда за нами. Правда победит!»

Борьба за правду начата не сегодня. Она идет не первый год. Но сейчас она вступает в решающую стадию.

Вы помните, что 7 лет назад за предложение Советского Союза восстановить законные права Китайской Народной Республики в ООН голосовало лишь десять стран. В прошлом году их было двадцать девять, а в нынешнем число стран, требующих обсудить вопрос о представительстве народного Китая в ООН, возросло до тридцати четырех.

Вы помните, когда Советское правительство объявило о своем решении послать в качестве главы советской делегации на XV сессию Генеральной Ассамблеи ООН Председателя Совета Министров СССР Никиту Сергеевича Хрущева, реакция вначале растерялась, а потом развязала бешеную кампанию за изоляцию главы Советского правительства. Но правда и разум взяли свое. И очень скоро сами «изолирующие» с завидной поспешностью пересматривали свои позиции, чтобы не оказаться изолированными.

Битва за правду идет в главном вопросе современности, в вопросе всех вопросов — о разоружении и мире.

Сражение за правду идет в колониальном вопросе. Предложение Советского Союза о полной и немедленной ликвидации всех форм и проявлений колониализма вдохнуло новые силы в пламенных борцов за освобождение от колониального угнетения.

Битва за правду — особого рода битва. В ней заранее известен победитель. Но главное — добиться, чтобы торжество правды наступило как можно скорее, чтобы ни один лишний день паутина лжи, мрака и бесправия не опутывала народы, чтобы под прикрытием этой черной завесы не тратились огромные средства и энергия человечества на орудия, которые могут уничтожить эти средства и эту энергию. Чтобы как можно скорее, раз и навсегда покончить с самой возможностью войны.

Глава советской делегации Н. С. Хрущев и министр иностранных дел СССР А. А. Громыко направляются на заседание Генеральной Ассамблеи ООН.
Фото ООН.

Знаменосцем борьбы за правду снова предстал перед всем миром глава Советского правительства — Н. С. Хрущев. Его невероятная энергия, его оптимизм, уверенность в конечной победе разума, света над тьмой вселяют бодрость духа во все народы. Как бы ни была ночь темна, всегда наступает рассвет. Какие бы усилия ни прилагали реакционеры против наступления дня, он придет. Придет для всего человечества.

По тринадцатому каналу

Кафе на 42-й улице около Бродвея. Длинный, прямоугольный зал, исчезающий в красном полумраке и сигаретном дыму. Наверное, человек сорок сидят за столиками. Между столиками мечутся официанты в белых полотняных шапочках с карандашами за ухом. 7.30 вечера — бойкое время. Люди приходят сюда после рабочего дня, пьют пиво, кока-колу, молоко и разговаривают. Разговаривают равнодушно и горячо, медленно и быстро, смеясь и угрюмо, с соседом, с официантом.

Два человека на экране телевизора ведут подчеркнуто энергичный и несколько нервный разговор друг с другом, обращаясь ко всем сразу. Собственно, разговор этот обращен даже ко всей Америке.

Те двое в экране телевизора — это кандидаты в президенты от республиканской и демократической партий — Никсон и Кеннеди. Они выступают сегодня в студии телевидения «Нэшнл бродкастинг компани» из Вашингтона, и «Великие дебаты» транслируются по второму каналу. Телевизор установлен высоко, так что всем может быть виден экран.

Оба кандидата стоят друг против друга за двумя трибунами. Напротив них сидят четыре корреспондента, которые поочередно задают вопросы кандидатам, а те по очереди отвечают.

Я наблюдаю за экраном и за посетителями, что сидят за столиками, входят и выходят, курят. Между ними и теми, на экране,

нет контакта, нет ниточки. Видимо, когда-то она порвалась, эта духовная ниточка. Во всяком случае, только изредка поднимет кто-нибудь голову, равнодушно скользнет взглядом по экрану телевизора и снова углубится в разговор с соседом.

Нет, я не хочу сказать, что предвыборная борьба оставляет американцев совершенно равнодушными. Американцы — веселые, увлекающиеся, азартные люди. Им, конечно же, интересно, кто победит — демократы или республиканцы. Но американцев не меньше интересует, кто выиграет в чемпионате по регби или бейсболу. А если спросить, какая в общем разница, кто победит — команда Бостонского университета или молодцы из Сан-Франциско, — в ответ получишь улыбку или пожатие плеч.

...Кафе шумит, как улей. Ответы кандидатов тонут в гуле голосов.

Через два дня, в воскресенье 9 октября, я зашел в кафе на 42-й улице, чтобы снова посмотреть телевизионную передачу. По 13-й программе должен был выступать Никита Сергеевич Хрущев.

На этот раз телевизионный экран был потушен. Я попросил официанта включить приемник. Тот кивнул на менеджера — человека в черном костюме, сидящего за кассовым аппаратом.

— Какую программу хотите вы смотреть? — спросил менеджер.

— Тринадцатую.

Он подозрительно покосился на меня со своего высокого стула.

— А что там такое по тринадцатой?

— Выступление Хрущева.

— Хрущева! — Менеджер присвистнул и, ловко отсчитав кому-то сдачу, сказал: — Но ведь больше никто не просит...

— Я тоже хотел бы послушать, — присоединился ко мне пожилой человек в коричневой кепке. Он стоял рядом и слышал наш разговор.

— Вы еще ничего не заказали, — мрачно бросил менеджер.

— Хорошо, дайте бутылку пива, — улыбнулся человек в кепке.

2 октября на загородной даче советского представительства при ООН в Гленкове состоялась встреча Н. С. Хрущева с заместителем премьера временного алжирского правительства К. Белькасом (первый слева).

Н. С. Хрущев выступает на встрече с журналистами в ООН.

— Эй! Телевизор утром, кажется, был не в порядке?... — с надеждой крикнул менеджер официанту.

Официант, видно, не поняв интонации, ловко вскочил на стул и повернул ручку регулятора. Экран засветился.

— О'кэй! — сказал официант сверху.

Менеджер недовольно пожал плечами:

— Включи им тринадцатую программу, если хотят. Только негромко...

На экране появилось спокойное, чуть улыбающееся лицо Никиты Сергеевича Хрущева. Человек пятнадцать перебрались поближе к телевизору, почти все остальные повернули головы в сторону приемника.

«...В прошлом году я был гостем вашего правительства, — говорил Н. С. Хрущев —... Я хотел и лично установить дружественные отношения с вашим президентом...»

— Громче! — раздался чей-то

голос. — Сделайте громче, ничего не слышно.

Официант влез на стул и повернул ручку громкости вправо.

«...Когда однажды мы сидели с ним за столом, — продолжал говорить Н. С. Хрущев, — пили кофе, он ко мне обратился с такими словами: май френд...»

...Я сказал: хорошо и ответил президенту — мой друг, май френд...

...Что же сделало ваше правительство после этого. Перед тем, как нам встретиться в Париже, ваше правительство послало шпionский самолет «У-2» в пределы нашей страны...»

Я смотрел на тех, кто слушал слова Никиты Сергеевича. Стих шум в кафе. Застыл молодой официант, облокотившись на стойку, люди перестали болтать о своих делах. Какая-то невидимая нить протянулась от голубого экрана к этим очень разным людям, собравшимся в длинном прокуренном зале.

Нацелены объективы фото-, кино- и телекамер, наготове авторучки...

— Мы прервем передачу на 1 минуту и 10 секунд,— вдруг предложил ведущий, обращаясь к Н. С. Хрущеву.

И тут же на экране появилось изображение колючей проволоки и какого-то мрачного солдата. «Слушайте передачи радиостанции «Свободная Европа»,— начал диктор.— Угнетенные народы за железным занавесом...».

Вначале те, кто сидел рядом со мной, не поняли в чем дело. Потом кто-то засмеялся. Несколько человек неодобрительно зашумели. Парень в спортивной куртке произнес:

— Это нечестно! Игра не по правилам!..

Минута и десять секунд подлости прошли. Потом Никита Сергеевич продолжал спокойно и уверенно отвечать на вопросы.

Я поискал глазами менеджера. Его не было. Через минуту он вошел с улицы, и за ним появились, громко разговаривая и смеясь, четверо молодых людей. Они уселись за столик и продолжали нарочито громко смеяться, не обращая внимания на телевизор.

Кто-то тронул одного из них за плечо и попросил:

— Нельзя ли потише!

— Мы в кафе! — зашумели четверо.— Мы платим деньги и разговариваем, как хотим!

Один из них встал со стула, на-

свистывая, подошел к музыкальной машине и, опустив в щелку десятицентовую монету, нажал кнопку. На все кафе заревел Элвис Пресли — король рок-н-ролла. Пританцовывая и ухмыляясь, парень вернулся на свое место. Никто не сказал ему ни слова. Это было его право — право на свинство.

Как только пластинка кончилась, к машине направился другой парень из четверки и, опустив монету, снова нажал кнопку.

Люди теснее придвинулись к телевизору, стараясь услышать слова вопросов и ответов. Кто-то толкнул меня в плечо. Это был менеджер.

— Долго еще будет длиться программа? — спросил он.

— Не знаю.

— Никто не хочет слушать...

Человек в коричневой кепке обернулся и, посмотрев на менеджера тяжелым взглядом, сказал:

— Зачем ты врешь? Тебе «посоветовали» это сделать, скажи прямо.

Менеджер отошел, недовольно пожав плечами.

Снова был перерыв на минуту и десять секунд. Снова на экране появилось изображение колючей проволоки. Парень в спортивной куртке куда-то исчез. Потом он вернулся.

— Я ходил звонить в телевизи-

онную компанию... Ничего не вышло: занято...

(На другой день я узнал, что в компанию в тот вечер звонили сотни американцев, возмущенных нечистоплотным поведением устроителей передачи.)

Передача продолжалась. Продолжал надрываться Элвис Пресли. Продолжали громко шуметь четверо шалопаев. Но они и менеджер видели: те, до кого долетали слова Н. С. Хрущева, не оставались равнодушными. Они улыбались его шуткам, серьезнели, когда он становился серьезным, — ниточка контакта существовала, и ее невозможно было разорвать.

Я обратил внимание, как постепенно менялось выражение лица г-на Саскайнда, ведущего программу. В начале передачи он был улыбка и старался выглядеть спокойным, хотя заметно было, что он нервничает. Потом улыбки его стали все более неестественными, натянутыми. Наконец они исчезли вовсе.

Снова подошел менеджер и тронул за плечо человека в кепке.

— Я не могу больше держать телевизор включенным. Мне это дорого обходится...

Менеджер мигнул официанту. Тот выключил телевизор.

Человек в кепке допил стакан пива. Аккуратно поставил его. Встал со стула. И молча двинулся

Рабочие-негры В. Кларк (крайний слева), К. Когинс (крайний справа) и дочь В. Кларка Холда в гостях у Н. С. Хрущева. Американские рабочие рассказали Н. С. Хрущеву о тяжелой жизни негров в Соединенных Штатах.

к выходу. За ним так же молча двинулись остальные — парень в спортивной куртке и еще несколько человек из тех, кто слушал телевизор. Никто из них не сказал ни слова: это право хозяина — включать или выключать телевизор. Он платит за это деньги. Но мне не хотелось бы быть в этот момент на месте менеджера.

Я поспешил в отель, где в вестибюле стоял телевизор, послушать окончание передачи. Но не успел. Никита Сергеевич уже кончил отвечать на вопросы.

Теперь на экране в бой вступила стая комментаторов, которые должны были, по мысли устроителей передачи, выручить г-на Саскайнда, если в полемике с Н. С. Хрущевым Саскайнду придется жарко. Так и получилось. Десяток комментаторов, как стая гончих псов, бросился по следу...

Но такова уж сила правды: даже среди этих мастеров выворачивать чужие слова наизнанку не было единства. И здесь нашлись люди, на которых сильные, правдивые слова Н. С. Хрущева подействовали как отрезвляющий душ.

Стая комментаторов начала лаять вразнобой и в конце концов, сбившись со следа, понуро побрела по дороге пустых рассуждений, вроде того: мешает ли подобным беседам переводчик или не мешает. Слышны были только истерические повизгивания Маргариты Хиггинс и двух-трех ее сторонников. Остальные решили держать себя более солидно.

Что ж, господа, битва за правду — дело серьезное. В этой битве вралю в конце концов всегда прищемят хвост.

Как бы ни была ночь темна...

Три темнокожих человека разговаривают с Никитой Сергеевичем Хрущевым. Двое мужчин и одна девушка. Все трое волнуются, говорят немного сбивчиво, все трое смотрят на Никиту Сергеевича с выражением какой-то большой надежды в глазах... Чувствуется по разговору, что они пришли к Никите Сергеевичу не просто в гости, они пришли как к родному человеку рассказать о своих горестях, посоветоваться с ним.

Эти трое — Вильям Кларк, его дочь Холда и Кларенс Когинс.

После их беседы с Никитой Сергеевичем Хрущевым я прошу Вильяма Кларка рассказать об этой встрече.

— Я мечтал увидеть господина Хрущева еще в прошлом году, ко-

гда он приезжал в Штаты с визитом, — рассказывает Кларк. — Я читал о его выступлении в ООН, видел его по телевидению. Мне он очень понравился — сам простой, говорит просто, будто беседует с друзьями, и то, о чем он говорил, было всем нам по душе... Нам захотелось поблагодарить его, сделать что-нибудь приятное. Мы посоветовались в семье и решили пригласить его к себе в гости. Нам показалось, что раз он простой человек, то ему будет приятно встретиться с простыми людьми. Написал я письмо, послал... Но, наверное, таких приглашений были тысячи, а может быть, и больше. Конечно, он не смог приехать тогда. Я получил письмо из Советского посольства, что председатель Хрущев с удовольствием воспользовался бы приглашением, но, к сожалению, программа его очень перегружена...

И вот он приехал в США снова... Я читал о его выступлении в ООН. Он говорил о разоружении и колониализме. Я узнал, что он говорил и о неграх в Соединенных Штатах...

Желание пригласить его когда-нибудь к себе в дом не оставляло меня. Но теперь я узнал, что это совершенно невозможно. Ведь я живу за Гудзоном, а Хрущева ограничили в передвижении Манхэттеном... И я написал ему письмо, чтобы он знал, как о нем думают простые люди, такие, как я и моя дочь...

Вы, может быть, даже не подозреваете, что значит для нас выступление Хрущева! Даже только одно его пребывание здесь! Мы все, люди небелой кожи, страдаем в Штатах от сегрегации. Моего деда линчевали только за то, что он черный. И дом его сожгли. Сожгли из-за того, что он осмелился зайти в ресторан, где сидели белые. Мой отец до сих пор не умеет читать и писать. Ему не дали учиться потому, что у него черная кожа. Говорят, что это только на Юге. Да, действительно, на Юге сегрегация сильней.

Когда я говорю о страданиях моей семьи, некоторые мне объясняют: это потому, что ты родился в штате Джорджия, на Юге. Но это ерунда. Я родился в Соединенных Штатах! В Соединенных Штатах Америки. Разве у вас в стране права человека разные в зависимости от того, где он живет — на Юге или на Севере? Он живет в Советском Союзе — и это главное. А я живу в США — в этом

причина страданий таких людей, как я.

Ведь не Верховный суд США встал на защиту негров, а Хрущев! Именно из-за того, что здесь сейчас Хрущев, у нас прекратились негритянские погромы. Меньше бросают бомб в наши церкви и в наши школы. Расисты боятся Хрущева, боятся, что он снова скажет правду им в глаза...

Теперь вообще расисты действуют осторожней. Они реже расправляются с нами открыто. У них новая тактика. Просто они лишают нас средств к существованию. Негры умирают с голоду, а мир не знает об этом. Разве будут писать в газетах о том, что какой-то чернокожий Джон или Том околел с голода! И внимания не обратят... Обо всем этом мы решили рассказать Хрущеву, — закончил Вильям Кларк.

Через несколько минут три темнокожих человека выходили из здания советского представительства. Дежурящие у входа американские журналисты не схватились за ручки и фотоаппараты. Они иронически о чем-то перешептывались между собой, не одарив гостей Никиты Сергеевича своим вниманием.

А зря. Ведь всего несколько дней назад газета «Нью-Йорк Таймс», сообщив о том, что «Правда» и «Известия» поместили обзоры писем простых американцев Никите Сергеевичу Хрущеву, высказала сомнение по поводу существования этих писем и их авторов. «Все наши попытки разыскать авторов этих писем, — заявила газета, — не увенчались успехом».

Среди писем, цитировавшихся в обзоре, приводилось и письмо Вильяма Кларка.

Но, может быть, все-таки Кларк — исключение? Может быть, как торжественно, с видом оскорбленной невинности, заявлял г-н Уодсворт с трибуны Генеральной Ассамблеи, все американские граждане имеют одинаковые возможности в «самой демократической в мире» стране?

Через несколько часов после встречи с Кларком, проходя по 42-й улице, я увидел вереницу людей с плакатами. Они пикетировали один из магазинов компании Вулворт. «Не покупайте у компании Вулворт. Она поддерживает сегрегацию»; «Дискриминация не имеет морального оправдания»; «Компания Вулворт не обслуживает людей с черной кожей» — вот что было написано на плакатах.

Люди, входящие в магазин компании Вулворт, почти не обраща-

ли внимания на пикетчиков. Видимо, к таким картинам привыкли.

Я тоже зашел в магазин, но не для того, чтобы купить что-нибудь. Я разыскал менеджера. Им оказался Винсент Робертс — худощавый средних лет человек с золотым зубом во рту. Узнав, откуда я, и услывав мой вопрос о пикетчиках, менеджер возмущенно всплеснул руками.

— Что вы, господин репортер! Что вы, никакой сегрегации мы не проводим! Ни на Севере, ни на Юге.

Я протянул ему листовку, только что подобранную на тротуаре. На ней было написано: «Пожалуйста, не покупайте товаров в компании Вулворт. Эта компания поддерживает сегрегацию на Юге. Негров не обслуживают в заведениях Вулворта. Жители Юга устраивают мирные демонстрации против этой несправедливости. Но их встречают

массовыми арестами, слезоточивыми газами, изгнанием их детей из школ.

Мы пикетируем в поддержку борьбы за равноправие.

Чем могут помочь люди на Севере? Политика Вулворта делается в Нью-Йорке и может быть изменена из Нью-Йорка. Вы можете помочь заставить компанию Вулворт изменить политику:

отказываясь покупать у Вулворта;

присоединяясь к пикетам перед входом в соседний с вами магазин Вулворта;

подписав призыв — не покупать у Вулворта, пока компания не изменит свою политику».

— Ну, это мелочи, — натянуто улыбнулся Робертс, и во рту его блеснула золотая коронка. — Разве это сегрегация?!

Он, видимо, шутил, но от этой шутки одного из многочисленных служащих компании расистов мне стало не по себе...

Когда вы будете читать эти строки, Никита Сергеевич Хрущев уже вернется в Москву. Почти четыре недели пробыл он здесь, в Нью-Йорке, ведя титаническую борьбу за правду, за мир. Эта борьба принесла огромную моральную и политическую победу Советскому Союзу, всему лагерю стран социализма. Она принесла моральную победу всем, кто стоит за мир.

Но силы, противодействующие миру, правде, оказывали жесточайшее сопротивление. 11 октября в золотисто-голубом зале заседаний Генеральной Ассамблеи разыгралась новая битва. В са-

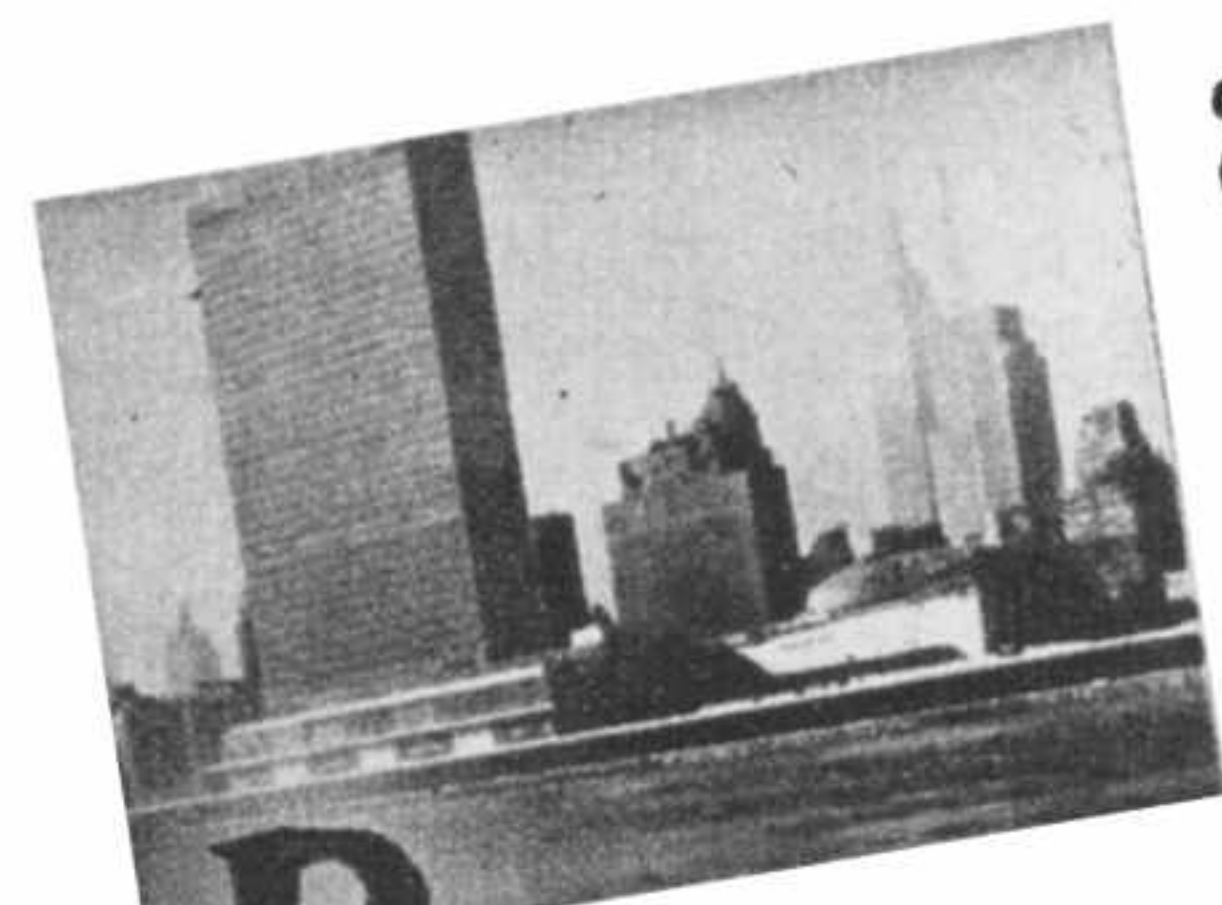

Фото ООН.

Вокруг ООН

Здание ООН не отличишь от американских небоскребов. Кое-кому в Соединенных Штатах, видимо, хочется, чтобы форма соответ-

ствовала содержанию, чтобы в этом здании все шло на американский лад.

На снимках (слева направо): Каждое утро у здания ООН по традиции поднимают флаги государств — членов Организации Объединенных Наций.

В библиотеке ООН.

Мойщик окон здания Организации Объединенных Наций. Ему совсем не безразлично, как решаются вопросы внутри этого здания! Ушли делегаты. Теперь можно подкрепиться и поварам. Если бы некоторые делегаты больше прислушались к мнению вот таких простых людей, все вопросы решались бы проще и быстрее, а главное — правильнее.

мом начале заседания выступил глава Советского правительства. «В современных условиях,— заявил Н. С. Хрущев,—проблема разоружения является самой кардинальной, от ее решения зависит обеспечение прочного мира. Любые вопросы, какую бы важность они ни имели, не могут сравниться с этим вопросом, от которого зависит быть или не быть новой мировой войне».

Речь Никиты Сергеевича Хрущева, простая и ясная, продиктованная глубокой заботой о будущем нашей планеты, вызвала бешеные нападки со стороны тех, кто держит курс на развязывание сил войны.

И тогда снова на трибуну поднялся Никита Сергеевич Хрущев. Искренне и страстно он обратился к делегатам Генеральной Ассамблеи, к тем, кому народы доверили самое святое — решение судьбы мира.

К сожалению, Генеральная Ассамблея ООН далеко еще не представляет чаяний народов. Еще есть среди делегатов такие, которых мало волнуют вопросы мира; еще действуют рычаги политического и экономического давления, приводимые в движение апологетами гонки вооружений. В итоге голосами делегатов, послушных американскому диктату, Ассамблея отклонила предложение Советского Союза о том, чтобы обсудить вопрос о разоружении не в политическом комитете, а на пленарных заседаниях Ассамблеи.

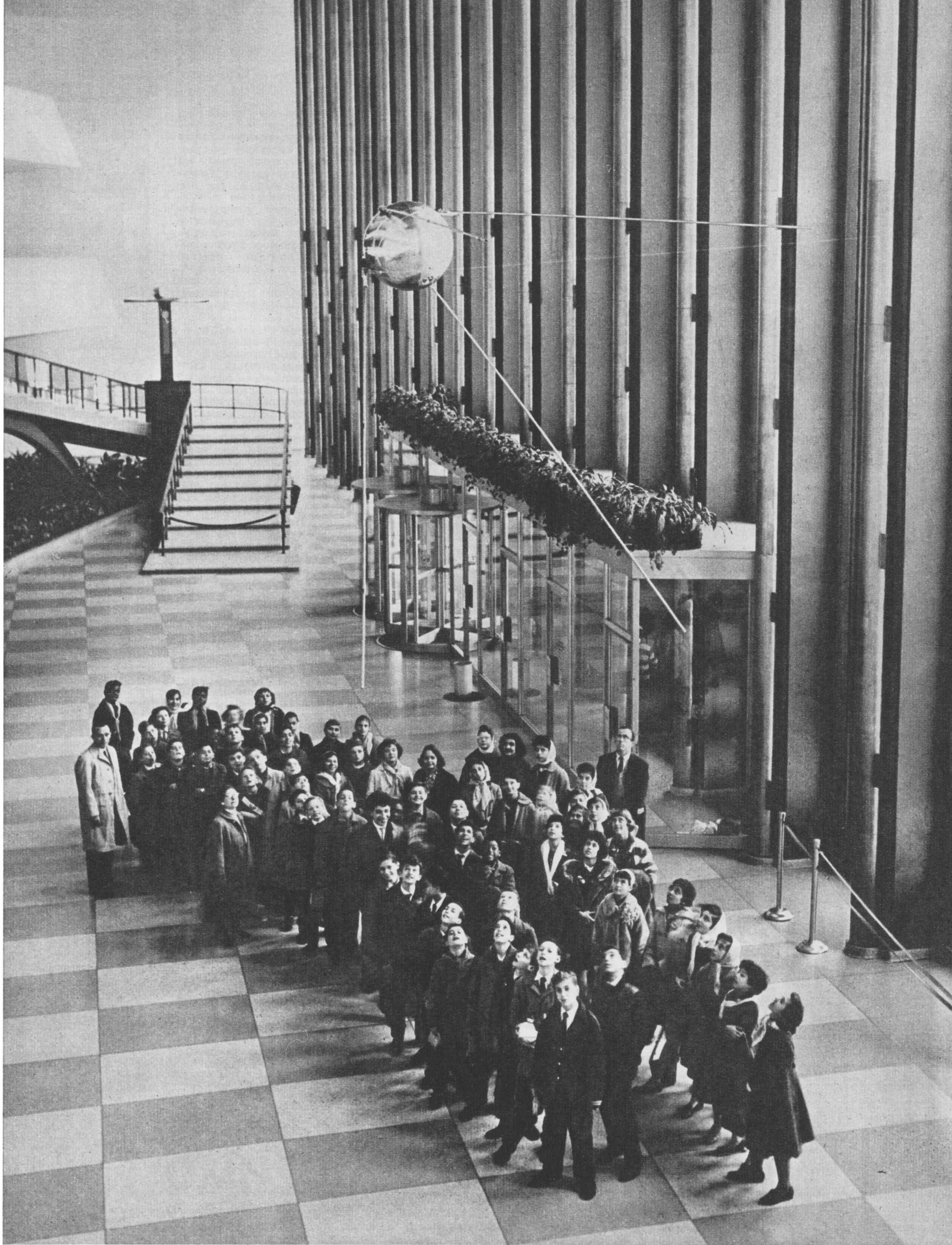
☆ ☆ ☆

Я пишу эти строки, когда над Нью-Йорком спустилась ночь. Пронзительно воя, пронесаясь по улицам полицейские машины. Бензиновая гарь, смешавшись с липким, влажным воздухом, надолго застревает в громадных ущельях улиц. Пустыми стеклянными глазницами глядят небоскребы на город, в котором сосредоточено столько богатства и нищеты, столько силы человеческого ума и духовной немощи. Ночь без единой звездочки...

Но я знаю, там, далеко на востоке, в Москве, в этот час уже занимается утро. Настает новый день. Новый день борьбы за правду, счастье и мир. И он принесет победу, обязательно принесет победу!

Как бы ни была ночь темна, всегда наступает рассвет!

Нью-Йорк, 12 октября.

Советский спутник — точнее, его модель, — в вестибюле здания ООН. Он неизменно вызывает восторг посетителей.

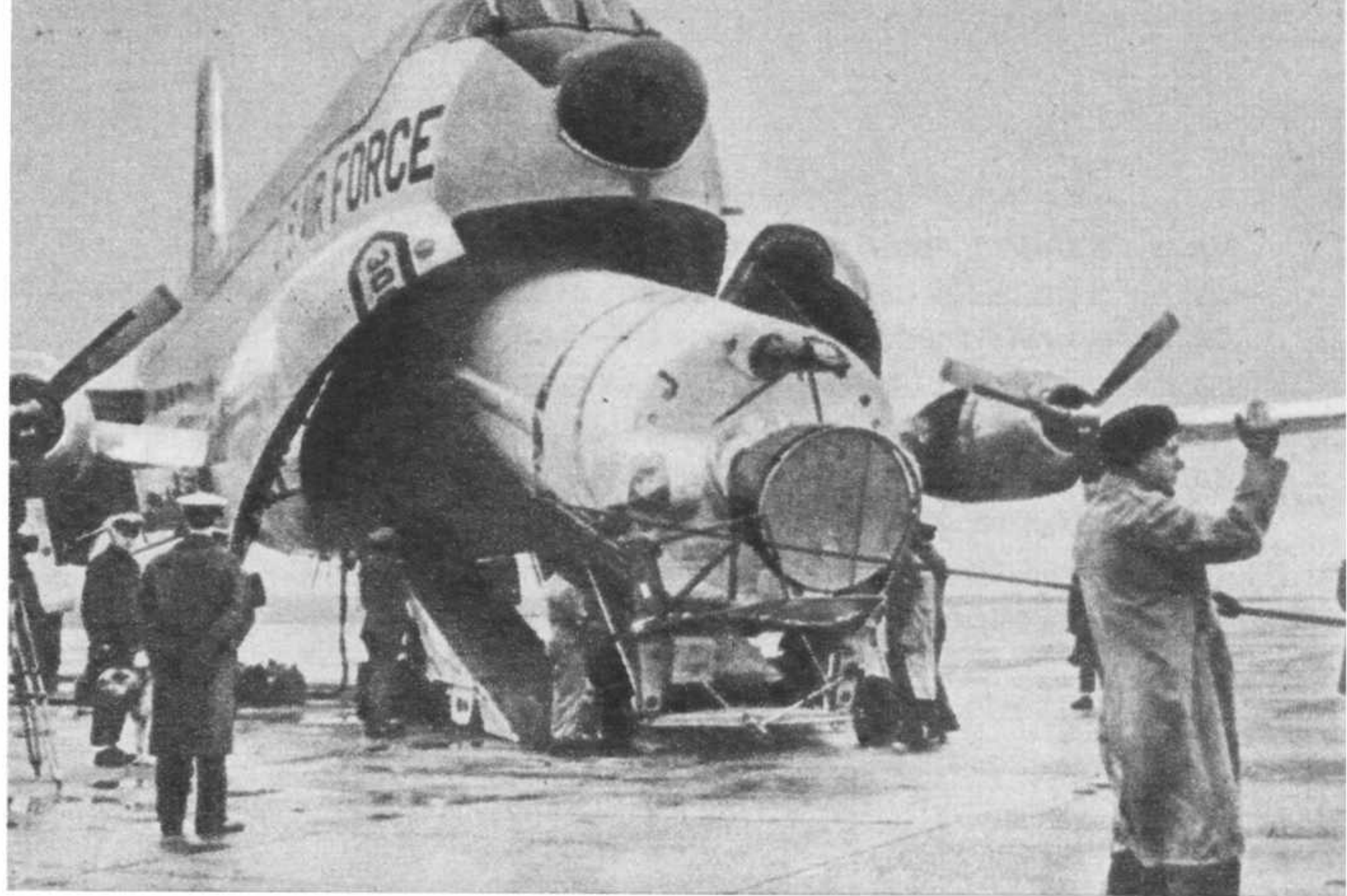
В повестке дня

Самая важная проблема нашего времени — разоружение. Империалистические государства сорвали обсуждение этой проблемы на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи. Но советское предложение о полном и всеобщем разоружении остается в повестке дня — такова воля народов мира. Посмотрите этот снимок. Вздрыбленная земля: это по планам Пентагона на территории США, в штате Колорадо, строят подземные стартовые площадки для ракет «Титан».

На другом снимке — самолет военно-воздушных сил США, доставивший в Англию управляемый снаряд «Тор». Англия — один из многих американских «союзников», которым отведена роль ракетодома. Ракеты, атомные и водородные бомбы американского производства стали угрозой для всех обитателей нашей планеты. Авантюрная политика Пентагона и преступное желание военных магнатов сохранить свои прибыли от гонки вооружений — вот что мешает миру стать на путь всеобщего и полного разоружения. Советский Союз, поддерживаемый всеми миролюбивыми народами, борется за то, чтобы всеобщее и полное разоружение стало реальностью наших дней.

Советский Союз потребовал, чтобы сессия Генеральной Ассамблеи ООН обсудила провокационные действия США против нашей страны. Вот он, американский воздушный шпион самолет «У-2». На таком самолете Фрэнсис Пауэрс по воле своих хозяев предпринял акцию против мира, сорвавшую совещание в Париже. Следом за «У-2» американские организаторы провокаций послали в советское небо самолет «РБ-47». И они все еще не унимаются! На обложке американского журнала «Юнайтед Стейтс энд Уорлд Репорт», который вышел уже после разоблачения полета «У-2», надпись: «У-2» должны летать снова». Журнал цинично сообщает, что это «точка зрения группы официальных лиц, занимающих видные позиции в военных кругах и госдепартаменте». Недавно из сообщений американских агентств стало известно, что США возобновили полеты «близ России» с баз, расположенных в Англии. Долг ООН — осудить американские провокации!

Эту африканку арестовали в Найроби, главном городе английской колонии Кения, за то, что она вышла на демонстрацию с плакатом: «Земля — наше национальное достояние».

Медленно, зло огрызаясь, уходит в прошлое колониализм. Всеми силами пытаются империалистические державы сохранить колониальное ярмо на шее народов Африки, Азии, Латинской Америки. Кения еще не добилась независимости, кенийцы еще ведут мужественную, неравную борьбу за освобождение.

Но и те страны, которые перестали быть колониями, становятся объектом грязных интриг колониальных держав. Конго — пример того, как империалисты стараются навязать новые формы зависимости народам, освобождающимся от колониализма. На снимке внизу запечатлен примечательный момент: бельгийский офицер

Интервью «Огонька»

ЭТО НЕОСПОРИМО

Профессор Джон БЕРНАЛ,
лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами»

XV сессия Генеральной Ассамблеи ООН — событие исключительного значения, тем более что собралась она в обстановке возросшей напряженности: вспомним хотя бы международные осложнения вокруг Кубы, Конго. Эта сессия свидетельствует о серьезных усилиях, предпринимаемых человечеством для того, чтобы справиться с создавшейся международной обстановкой, пока еще не поздно.

В результате инициативы, проявленной г-ном Хрущевым, в Нью-Йорке собралось до тридцати глав государств и правительств. Это само по себе сделало сессию ООН чем-то совершенно новым в мировой истории. Впервые руководящие деятели почти всего мира встретились вместе в одно и то же время, чтобы на глазах у всех народов обсудить проблемы, имеющие самое жизненное значение не только для сегодняшнего дня, но и для будущего.

Озабоченность состоянием мировых дел сквозила в выступлениях большинства делегатов в общей дискуссии. Их речи вращались вокруг двух вопросов: разоружения и положения колониальных и слаборазвитых стран. Основные положения, которые ясно и исчерпывающе были начертаны в выступлениях премьер-министра Хрущева, встретили вопреки некоторым выступлениям полное признание у участников сессии. Это путь к мирному сосущество-

ванию, к тому, чтобы окончательно отказаться от «холодной войны».

Выступление Н. С. Хрущева отразило тот факт, что на данном отрезке времени в мире существуют три группы государств: капиталистические, социалистические и нейтралистские. Последняя группа в Организации Объединенных Наций значительно укрепилась после того, как тринадцать африканских стран получили независимость, по крайней мере политическую. Это залог того, что вопрос об улучшении уровня жизни в этих обездоленных частях мира будет наконец поставлен во всем его объеме.

Н. С. Хрущев выдвинул перед Ассамблеей тезис, что помощь слаборазвитым странам должна оказываться из средств, которые образуются от сокращения ассигнований на вооружения. В свое время я привел в моей книге «Мир без войны» некоторые детали данных, относящиеся к этому вопросу. Премьер Хрущев поставил этот вопрос перед международным форумом в качестве прямого и ясного предложения.

Каковы бы ни были окончательные итоги сессии ООН, одно ясно — она оставит след, который сохранится надолго.

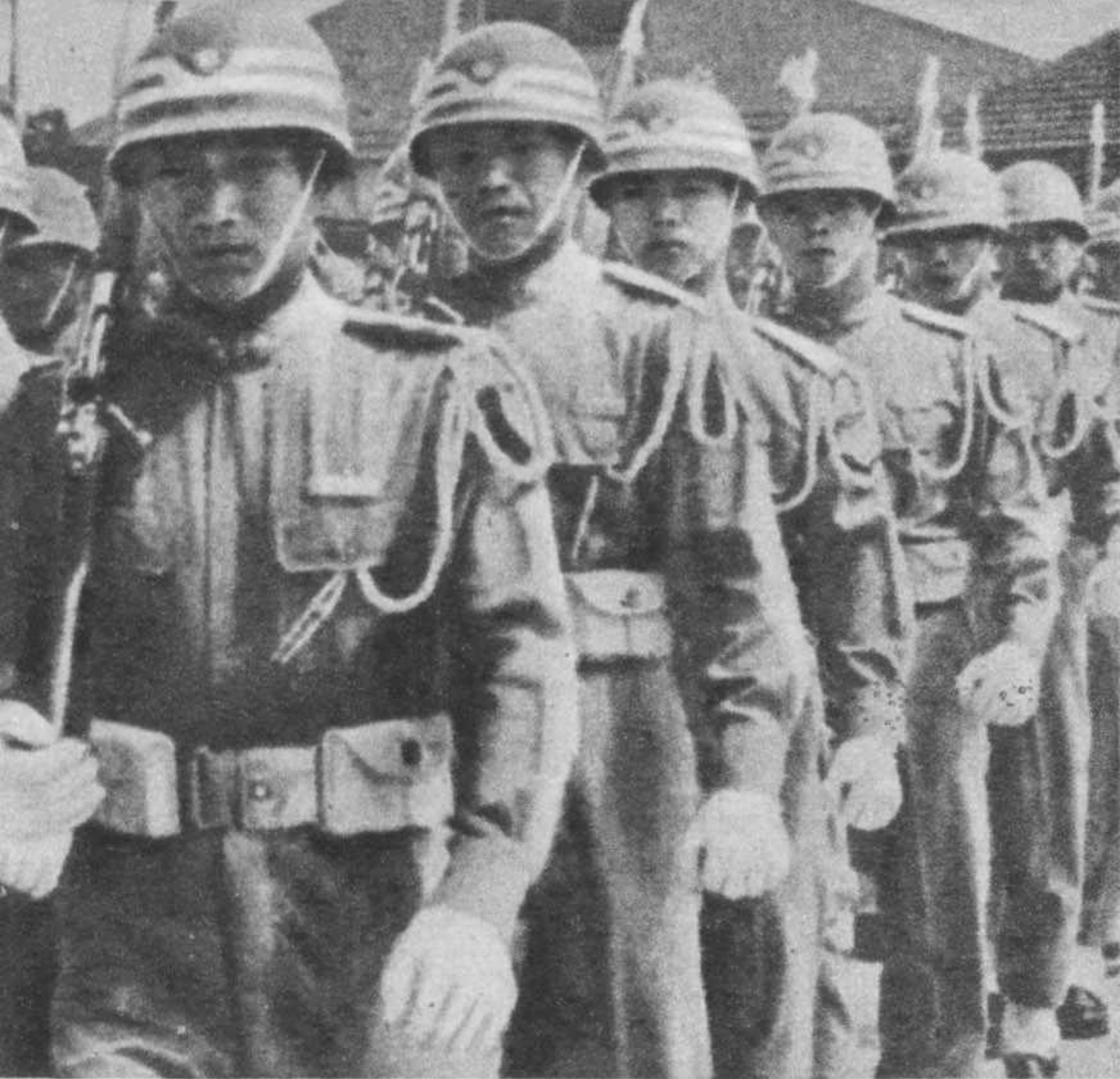
Лондон, октябрь.

ПОКОНЧИТЬ С ПОЗОР

За окном гостиницы трудовой шум советской столицы. Он доносится и сюда, в номер, где остановился гость из Ирана — председатель Высшего особого военного суда Республики Фадиль аль-Махдауи. Гость полон впечатлений от поездки по Советскому Союзу.

— Незабываемое впечатление оставил у меня Баку, — говорит Фадиль аль-Махдауи, — особенно городок нефтяников, расположенный прямо на море. Ведь нефть — основа экономики Ирана, и у нас тоже обнаружены ее месторождения под морем. Правда, сейчас нашу нефть высасывают монополии английских, американских и других колонизаторов. Однако недалеко то время, когда мы освободимся от засилья иностранных нефтяных королей, граблящих страну «на основании» несправедливых соглашений, заключенных задолго до народной революции 14 июля.

Несмотря на то, что наша поездка была очень напряженной по времени, — продолжает г-н Махдауи, — мы внимательно следили за работой XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Советский Союз, страны социалистического лагеря и ряд других государств прилагают немалые усилия для того, чтобы достичь взаимопонимания. Искренние предложения Советского правительства о всеобщем и полном разоружении направлены на ликвидацию «холодной войны» и укрепление всеобщего мира. В то же время империалисты, особенно американские и английские, стараются отвлечь внимание сессии и всей мировой общественности от главно-

обучает марионеточного «правителя» провинции Катанга Моиза Чомбе стрельбе из пулемета. Вкладывая оружие в руки своих наемников, колонизаторы надеются удержать свою власть и свои привилегии. Но все меньше остается поработанных стран на карте земного шара. Настала пора полностью и окончательно ликвидировать позорный колониальный режим, сделать независимыми все колониальные страны и народы. К этому призывает человечество предложенная в ООН Н. С. Хрущевым «Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам».

Шагают американские наемники. Их глава Чан Кай-ши, запродавший Тайвань под американскую базу, служит Соединенным Штатам верой и правдой. Вот почему США, используя послушное большинство в ООН, добились снятия с повестки дня вопроса о восстановлении законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций! Но едва ли американская дипломатия может засчитать эту «победу» в свой актив. Наоборот, этим актом США лишены раз подчеркнули свое пренебрежение к мировому общественному мнению и к здравому смыслу. Великий народный Китай займет свое законное место в ООН!

Эта фотография касается походов генерального секретаря ООН в Конго. Он запечатлен здесь в окружении представителей войск ООН. Даг Хаммаршельд использовал вооруженные силы Организации Объединенных Наций для того, чтобы попытаться навязать новое иго конголезцам. В Конго генеральный секретарь ООН проводит политику бельгийских колонизаторов и Соединенных Штатов Америки. И не только в Конго: вся деятельность Хаммаршельда служит интересам государств, входящих в военные блоки западных держав.

Чтобы ООН могла функционировать нормально, в ее исполнительном органе должны быть представлены все группы государств — члены ООН. СССР предложил единственно разумное и справедливое решение — упразднить пост генерального секретаря и создать исполнительный орган из трех человек, которые представляли бы империалистические, социалистические и нейтральные государства.

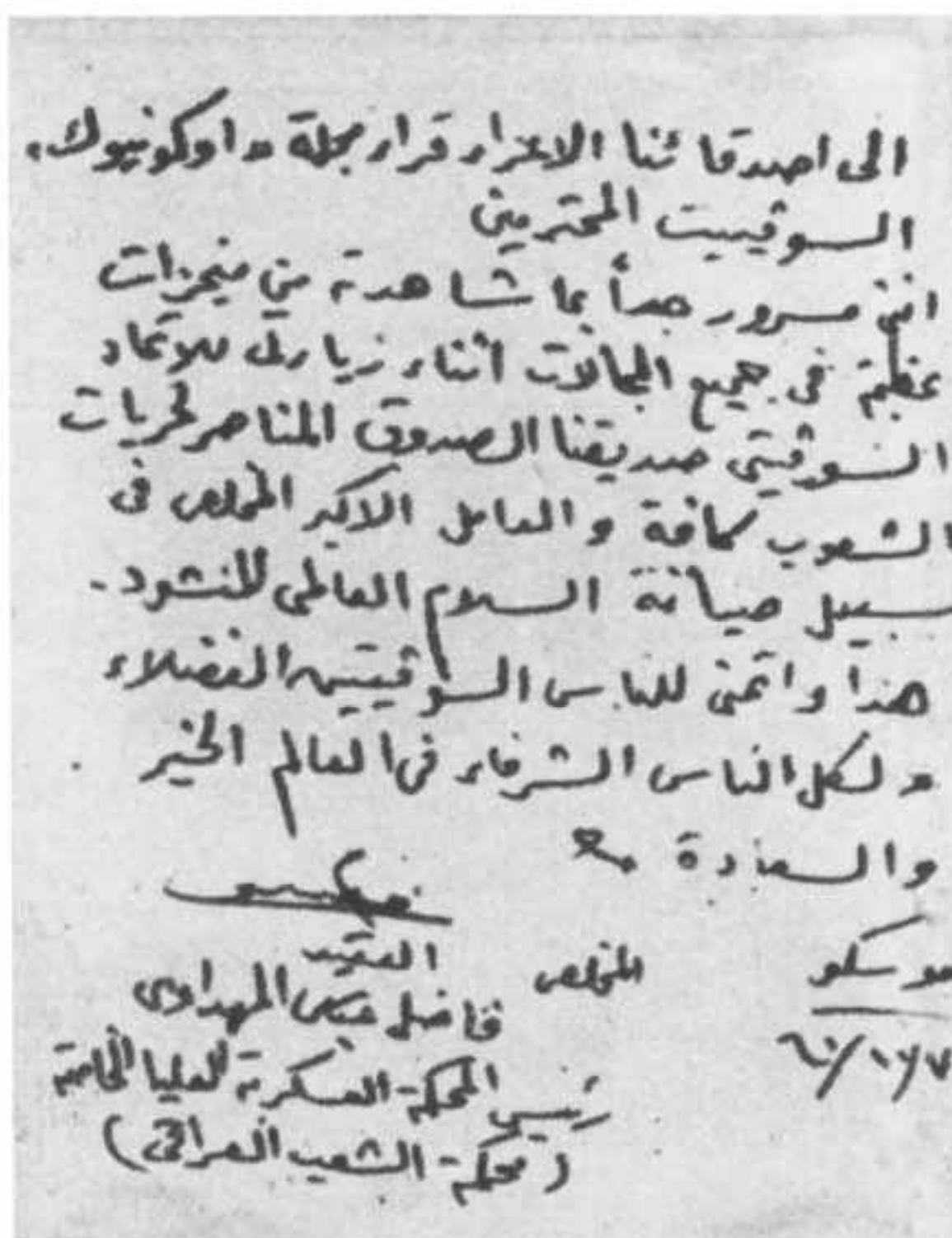
ОМ КОЛОНИАЛИЗМА!

го вопроса современности — вопроса о разоружении, а также от своих агрессивных действий против народов Алжира, Кубы, Конго.

Самый яркий пример таких происков — агрессия Бельгии в Конго, совершаемая с благословения и при попустительстве генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда, действия которого не имеют никаких оправданий. Он продемонстрировал свою приверженность к империализму и враждебное отношение к конголезцам. Поэтому он не имеет морального права действовать от имени ООН. Генеральный секретарь ООН должен быть беспристрастен и одинаково относиться ко всем странам, независимо от существующего в них политического режима. Однако трудно себе представить нахождение такого человека на посту генерального секретаря ООН так же, как, скажем, не представишь человека, исповедующего одновременно мусульманство, христианство и буддизм. Мы приветствуем призывы главы Советского правительства — навсегда покончить с позором колониализма. Это отвечает чаяниям всех поработанных народов.

Не вызывает сомнения тот факт, что права великого Китая в ООН должны быть восстановлены. С комедией «представительства» Китая чанкайшистской марионеткой не может согласиться ни один здравомыслящий человек. Представительство КНР в ООН необходимо для создания устойчивого положения в мире.

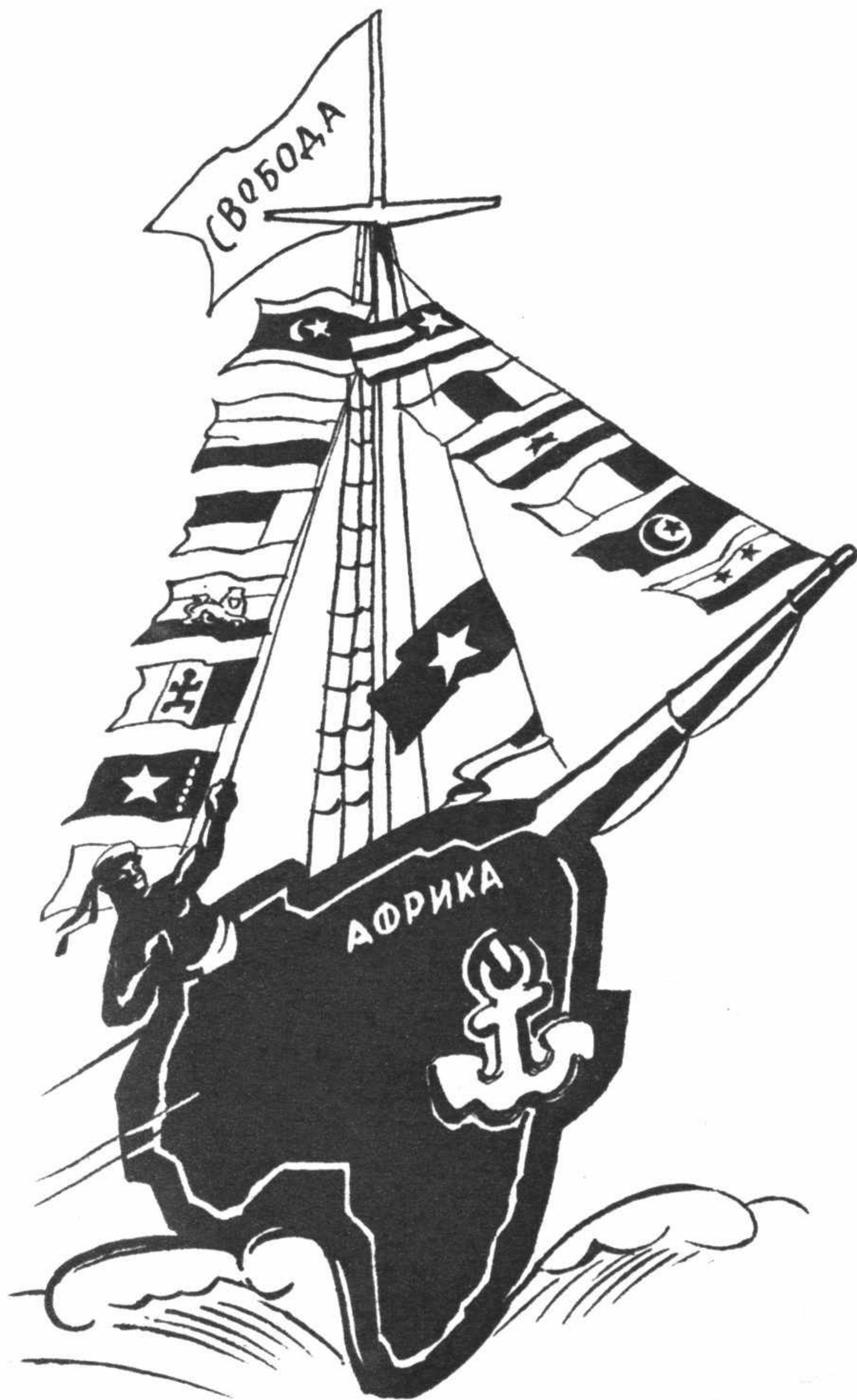
Заканчивая беседу, г-н Махдауи написал не-

сколько слов читателям «Огонька»:

«Я был очень рад увидеть во время настоящего визита великие свершения нашего верного друга Советского Союза, который защищает свободу всех народов и является самым энергичным и преданным борцом за сохранение всеобщего мира.

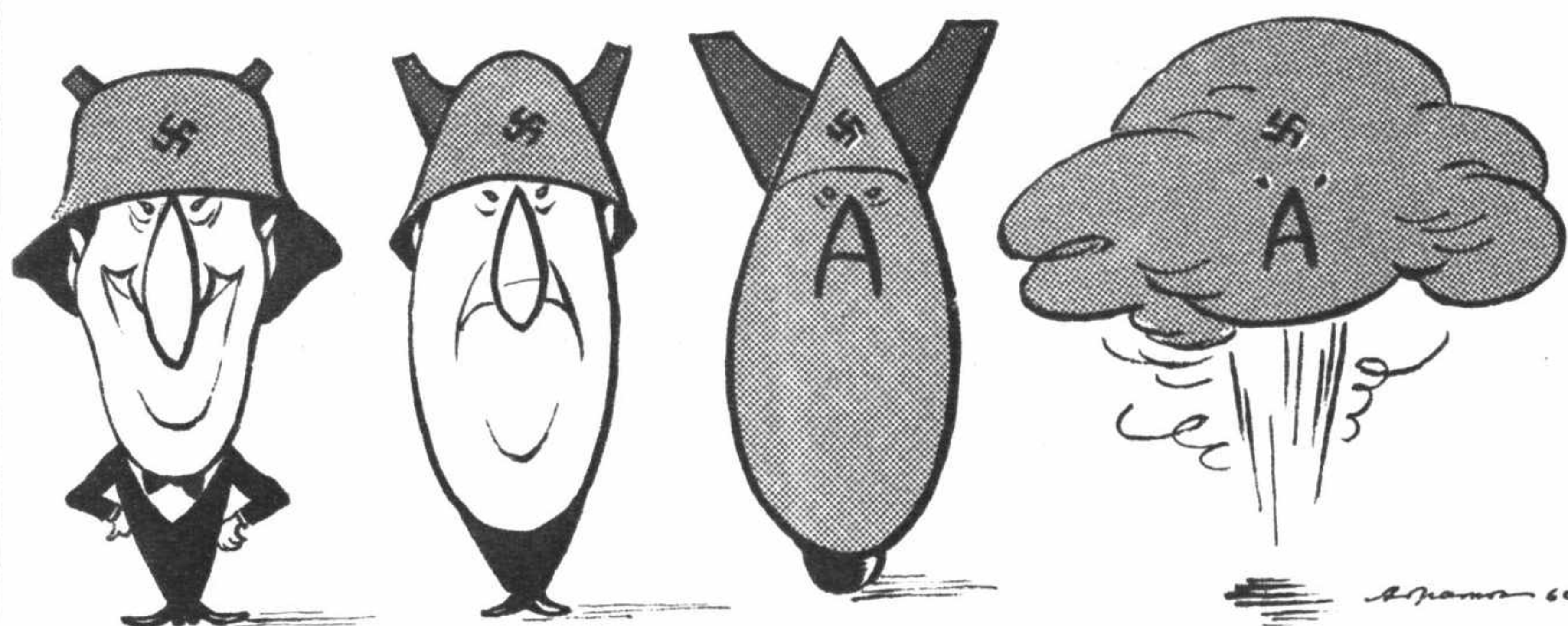
Я желаю замечательным советским людям и всем честным людям мира, счастья и всяческих успехов».

Счастливого плавания под новыми флагами!

Рисунок М. Ушаца.

Западногерманская БОННба.

До какого положения может довести Бонн атомное перевооружение.

НАТОмобиль колонизаторов.

Рисунки М. Абрамова.

Если автоматический спуск у фотоаппарата сработает, получится хороший снимок на память.

БЕРЕГ ДОБРЫХ УЛЫБОК

Фото И. ТУНКЕЛЯ и В. ТЮККЕЛЯ.

...Южный берег Крыма удостаивался тысячи самых лестных сравнений — от «жемчужины» до «кузницы здоровья».

Но взгляните еще раз на обложку этого номера, с которой так хорошо улыбаются миру две девочки — Сурия Дадашева из Азербайджана и Лойла Ларсен из Норвегии, посмотрите на цветные снимки, рассказывающие о буднях замечательного пионерского лагеря Артека, и вам, наверное, захочется назвать Южный берег Берегом Добрых Улыбок.

Эти улыбки на ребячьих лицах — как искры, и высекает их дружба.

Здесь случаются и слезы. Самые горькие, самые жгучие, оставляющие на губах вкус моря. И всегда по одной и той же причине —

из-за того, что в конце концов наступает срок прощаться с верными друзьями, с синей гладью воды и лазурью необъятного, как мечта, неба.

И, наверное, побывавшим в Артеке мальчикам и девочкам из Финляндии и Соединенных Штатов, из Индонезии и Венгрии, из Польши и Чехословакии снятся по ночам красочные сны. Видится им оранжевое пламя пионерских костров, и веселый, пестрый хоровод, и неожиданно открывшаяся в походе, поразившая воображение картина природы, и следы от босых ног на раскаленной полоске пляжа...

Вот несколько записей, оставленных в Артеке ребятами из разных стран.

Бьерне БЁТКЕР (Дания):

*Hvis man får venner i Artek,
varer dette venskab evigt.*

Кто сдружился в Артеке, тот сдружился на веки.

Цырил КОСТИК (Чехословакия):

*Budu na něj už život vzpomínat.
Býval Kostiuk Cyril Kostik*

Я всю свою жизнь буду вспоминать об Артеке.

Эллен МОЙСПО (Финляндия):

*voi, kuinka vaikea teistä on
erota, olette osa sydämläini*

Ох, как трудно с вами расставаться! Вы часть моего сердца.

Адам ВНЕНК (Польша):

*Morze, wcale nie czarne, a błękitne
jak polskie niebo.*

Море вовсе не черное, а голубое, как польское небо.

*Adam Wnienk
Bydgoszcz*

Юлия ХОРВАТ (Венгрия):

*A románcos kirándulás nagyon nehéz és nagyon
érdekes volt. Nekem sokat segített Valéria Balmas
Monika Júlia.*

Поход на Роман-Кош был очень труден и очень интересен. Мне здорово помог Валерий Балмашов.

Франсуа СТРОС (Франция):

В Севастополе я пел «Парижского гамена», и это всем понравилось. Мне подарили цветы.

*A Sébastopol j'ai chanté
"Un Gamin de Paris"
Et ça a plu à tout
le monde
et m'a même donné des fleurs*

Корнелия КОЖОКАРУ (Румыния):

*În numai câteva minute am
devenit prietenii.*

В несколько минут мы стали хорошими друзьями.

Маргарита ДИМИТРОВА (Болгария):

*Тет почти в ден ние трябва
да ядем.*

Пять раз в день мы должны есть.

Иба АЙДИТ (Индонезия):

*Kita menang main snayper
snayper.
Anak-anak kita menang main...
Hura!*

Наши ребята выиграли в «Снайпер». Ура!

Маргарита БУРКХАРД (ГДР):

*Unser beliebtes Spiel Ritsch-ratsch-rum-die-bum.
tanzen alle unsere Freunde.*

В наш любимый «Рич-рач-рум-ди-бум» играют все наши друзья.

Десять записей на десяти разных языках. И сколько же в этих коротеньких телеграфных фразах непосредственности, сколько тепла и добрых чувств!

О. ПЧЕЛКИН

На вкладке:

Концерт очень понравился!

Веселая игра.

Валюта, Кошка и Бревню

Рассказ

Юрий ЛАПТЕВ

Рисунки А. КАНЕВСКОГО.

Прежде чем приступить к серьезному делу — к описанию того, что произошло на Оке-реке, вблизи села Нижние Коростели... июля 1960 года,— необходимо уделить несколько строк толкованию слова «Валюта». В данном случае это не фунты стерлингов и не доллары, не иены и не тугрики — словом, ничего похожего на бумажки с водяными знаками иностранного происхождения. Валюта — это самый обыкновенный советский школьник. По моральному облику — отличник в высоком понимании этого слова, по семейному положению — младший и всеми любимый сын паровозного машиниста Ильи Михайловича Коростелева. Пионер, как вы сами понимаете.

Наружность у Валентина Ильича Коростелева ничем особенно не примечательна: крепенький такой паренек, с лицом, на котором пока что выделяются выпуклые, тугие щеки и свое-нравный, явно не ладящий с остальными волосами вихор, который его старшая сестра называет «божьем бантиком». Нелепо: комсомолец — и вдруг божий! А еще студентка — будущий хирург!

Из-за нее же, неугомонной пересмешницы Инки, Валентина Ильича вместо Вали или Валюши в многосемейном кругу Коростелевых стали звать Валютой. Началось это в канун зимних каникул, когда он принес и, ничуть не бахвалясь, положил на краешек накрытого к обеду стола табель с радующими родительское сердце отметками. А сам собрался было пойти сполоснуть перед едой руки, что давно уже делал без всякого понуждения. Но его задержала мать: Анна Дмитриевна обняла своего горделиво насупившегося сынишку и растроганно воскликнула:

— Валюнчик ты мой! Золото ты мое ненаглядное!

Ну, а Инка, по-видимому, из мелкой зависти (у самой, небось, никогда не было столь полноценного табеля), прицепилась к словам матери:

— Вот теперь, мамочка, я понимаю, почему вы дали своему любимчику такое ценное имя: ну, конечно же, Валентин происходит от слова «валюта»!

А мать с отцом — нет того, чтобы опровергнуть вздорное измышление дочери,— только посмеялись.

С тех пор и пошло: «Валю-Валюта, где ты?.. Я тут!»

Даже обиднее, чем «божьи бантики».

Но, к счастью мальчика, в селе Нижние Коростели, где прошли детские и юношеские годы Ильи Михайловича Коростелева и куда вот

уже третье лето подряд выезжал «погостевать к бабе Гаше» его младший сынок, никто даже не подозревал, что к Валентину Ильичу прилипла такая обидная для юного пионера кличка. Здесь все его звали, как и положено: Валечкой, Валец, — а сама баба Гаша, уважавшая внука за его не по годам солидное поведение, начитанность и рассудительность, частенько называла мальчика даже полным именем: Валентин. Это радовало Валюту примерно так же, как впервые купленные ему отцом длинные брючки или «взрослый» портфель с двумя звонкими застёжками — подарок сестры ко дню рождения.

Нравилось мальчику и старинное приокское село, неторопливо сбегавшее двумя порядками домов к широкому плесу реки. И жизнь на селе после городской сутолоки и учебных забот казалась просторной и доброжелательной; здесь, пересекая широкую, убранную садами и палисадниками улицу, не надо было крутить головой сначала налево, потом направо или на перекрестке выжидательно пялить глаза на светофор. В Нижних Коростелях никто не запрещал гулять по газону; да оно и не газон здесь называлось, а трава. А уж про то ни с чем не сравнимое удовольствие, которое могут доставить отдыхающему мужчине школьного возраста шепотун-лес и молчаливица-река, не зря пишется во всех хрестоматиях и книгах.

А сколько хороших песен сложено про осанистые дубы да кудрявые березки, про свежий ветер-ветерок да родники гремучие!

Жизнь вольготная, что и говорить!

Разве доступны пионеру, проживающему на самом прекрасном проспекте столицы, в квартире со всеми удобствами, такие «неудобства», как, скажем, спать на сене в тесном соседстве с хлопотливыми, просыпающимися спозаранку курами и сыто вздыхающей буренкой? Или за отсутствием ванны утреннее купание в реке, еще сонливо хлюпающей под сходящими, когда приходится долго прыгать по песку сначала на одной ноге, потом на другой, чтобы не испачкать порточки?

А еда — обыкновенная картошка, распаренная в духовитом жару русской печи и политая сметаной или варенцом, — куда вкуснее той же картошки, сваренной или поджаренной на газе! Пшеничная каша — тоже в городе ешь по необходимости, а здесь совсем другой вкус, даже смешно сравнивать!

И работа на колхозных огородах и ягодниках (доброхотная помощь колхозу пионерской организации) нисколько не обременительна; день-то среди лета — что зимой неделя, на все времени хватит.

Вот и в эту субботу; еще только четвертый час пополудни, а Валюта успел уже дважды искупаться, посидеть с удочкой, правда, без пользы, но с пользой провести «трудчас», а за-

тем досыта наиграться в местную разновидность лапты, игру с воинственным названием «Пуляй в бежачего, не тронь лежащего!».

Естественно, что после такого насыщенного разносторонней деятельностью дня, очень знойного к тому же, перед обедом потребовалось еще раз освежиться. Тем более, что до реки, если идти улицей, минут пять степенного ходу, а напрямик, задами, раз — и у воды.

Честно выполняя данное матери обещание — купаться только на «пастушьем броду», где отлогий берег далеко выдается в реку песчаной косой и нет ни донных родников, ни колдобин, — Валюта не без сожаления отстал от ватаги приятелей, предпочитавших купаться на Тришкином яру, и, забежав на минутку домой сказать бабе Гаше, направился через огород к ослепительно желтому, с запекшейся после ночного дождя корочкой песчаному мысу. Берег реки в этот жаркий час был почти пустынен. Только пониже сходней стоял забредший по пузо в воду престарелый мерин Вездеход, прозванный так потому, что на нем в осеннюю и весеннюю распутицу доставляли из района в село кинокартины, газеты и почту; на сходнях лениво шлепала вальком по белью пожилая женщина, а на том месте, где обычно купался Валюта, сидел в песке гладкий, тяжелый и неподвижный, как прибрежный валун, парень Лаврентий Ненашев. Рядом на разостланной газете лежали аккуратно уложенные желтые брюки и шелковая голубая тенниска.

Ненашев был личностью поистине примечательной: заведующий клубом и библиотекарь, он же баянист и фотохудожник, он же кино-механик и спортивный инструктор — в общем, «самостоятельный культкомбайн», как прозвали его комсомольцы.

Правда, как это частенько бывает со столь разносторонне одаренными людьми, обилие обязанностей создавало Лаврентию широкую возможность, формально отвечая чуть ли не за всю воспитательно-развлекательную работу на селе, иногда целыми днями бездельничать, прикрываясь своей излюбленной фразой: «На такую многоступенчатую должность не культурник нужен, а Фигаро вездесущее!»

Он вообще считал себя непревзойденным остряком — этот «деятель культуры» и неотразимый сердцеед из села Нижние Коростели.

И если бы не этот случай...

Когда Валюта неслышно приблизился к Ненашеву, тот блаженно обсыхал после купания; сидел, обхватив мускулистыми руками колени, подставив под жаркие лучи солнца бугристую спину, усеянную крупными веснушками и мелкими каплями воды.

Мальчик постоял минутку выжидаяще, потом спросил:

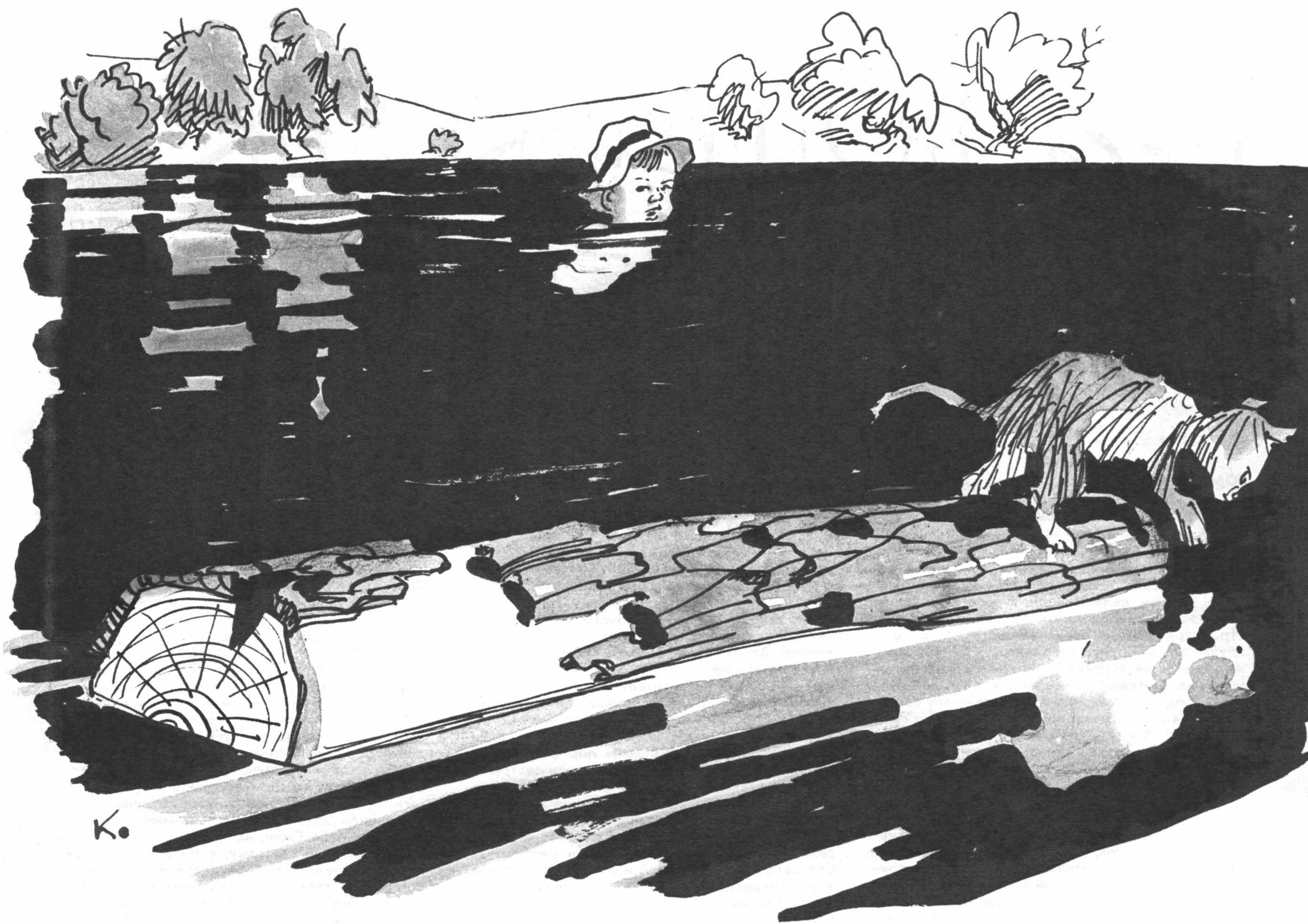
— Вы, извините, уже искупались?

— Извиняем. Уже, — разморенно буркнул Лаврентий.

На вкладке:

В походе на Роман-Кош.

Только что они встретились — и уже друзья!

К.

— А как вода?

— Течет уже третьи сутки. И довольно мокрая,— по-прежнему не глядя на Валюту, отозвался Ненашев.

— Сегодня утром вода была сравнительно прохладная,— вновь попытался завязать разговор общительный Валюта.

Ненашев приподнял от согнутых колен голову и, пренебрежительно скосив на мальчика свои неподходящие для здорового парня томные, «завлекательные» глаза, ответил не относящейся к делу шуткой:

— Утро вечера мудренее, а девушка бабушки ядренее! Такие-то дела, кнабе.

Валюта почтительно улыбнулся.

— Тогда, если разрешите, я тоже искупаюсь.

— А если не разрешу? — Ненашев уже заинтересованнее оглядел вежливо стоявшего в трех шагах от него коренастого паренька в голубых трусиках и плетеной панамке.

— Тогда не буду,— просто ответил Валюта и подождя немного, пояснил с присущей ему обстоятельностью: — Мне, видите ли, мама не разрешает купаться без наблюдения со стороны взрослых. Я, видите ли, еще недостаточно хорошо плаваю.

— Вот оно что, не вода, видите ли, мужику страшна, а мутерша! — Ненашев насмешливо сощурился. — Ну, ну, ныряй, коли так, а когда начнешь пузыри пускать, подавай СОС. Этвас!

— Постараюсь вас не беспокоить,— сказал

несколько обиженный Валюта и направился к воде.

Но, уже ступив на мокрую кайму отмели, он задержался и встревоженно вытянул шею, всматриваясь: внимание мальчика привлекло плившее по середине реки массивное, низко осевшее в воду бревно, и даже не само бревно, а шмыгавшая по нему взад-вперед кошачья фигурка. Жаркая, застойная тишина над рекой изредка нарушалась жалобным мяуканьем.

— Ой, что это?!

— Обыкновенность: по-нашему — кот, а по-немецки — каце,— снова не преминул проявить свое остроумие Ненашев.

— Да, да, ди каце,— рассеянно подтвердил Валюта и, тут же повернувшись к Лаврентию, испуганно воскликнул: — Но ведь она может утонуть!

— Навряд, едва ли,— равнодушно отозвался Ненашев, вырисовывавший на песке оттопыренным большим пальцем ноги какую-то сложную геометрическую фигуру. — А утонет — тоже не велика потеря: кошка, хочешь знать, в нашем колхозном производстве — самое бесполезное животное. Хуже собаки; та хоть добро сторожит от расхищения. И лает сверх того. Хунд.

— Неправда! — горячо возразил Валюта. — То есть кошки, конечно, не лают, но зато они уничтожают вредителей — грызунов! А кроме того... — Мальчик напряженно помолчал, сообщая, какую еще пользу приносят колхозному

хозяйству кошки, и, не придумав, неожиданно свернул на другое: — Вы, очевидно, забыли, что даже лев относится к семейству кошек. А ведь он царь зверей: лев! И тигры тоже и леопарды...

Между тем бревно поравнялось с отмелью, и кошка, словно почувствовав, что, может быть, в эту минуту решается ее судьба, испустила душераздирающий вопль.

— Несчастное животное! — расстроенно воскликнул Валюта и, подбежав к Ненашеву, заговорил умоляюще: — Ведь вы замечательно плаваете, Лаврентий Константинович! И на боку и саженками — я сам видел. Ну что вам стоит... Если хотите, я тоже поплыву вместе с вами...

Однако ни просьбы, ни заискивание мальчика не тронули Лаврентия. Смешно! Чего ради он, интеллигентный человек, полезет в воду из-за какой-то драной кощенки? Была охота! Ненашев и Валюте сказал так:

— Яволь-уволь, парнище! Небось, приспичит, так и сама выплывет, поскольку царь зверей! Да и ждут меня в одном месте.

Лаврентий потянулся к брюкам.

— Не знал я, что вы такой... бесчувственный,— сказал Валюта, отвернувшись, постоял минуту, что-то напряженно обдумывая, а затем нерешительно зашагал по кромке берега, не отрывая взгляда от плывущего вниз по течению реки бревна и понуро замершей на бревне кошки.

Иногда хорошие и совсем не злые от приро-

ды дети проявляют чуть ли не жестокость по отношению к мелкой живности, но значительно чаще бывают безмерно жалостливыми. Так и тут; даже трудно объяснить, почему вдруг у Валюты возникло просто непреодолимое желание выручить из беды эту невзрачную кошку, худую до костлявости, какой-то линялой расцветки, с надорванным и неровно сросшимся ухом.

Мальчик шел вдоль самой воды и плакал, сам не замечая слез; вот когда он пожалел, что не умеет плавать так, как в Нижних Коростелях плавали не только взрослые парни, вроде Лаврентия Ненашева, но и сверстники Валюты, тот же Николка Шелепень, непоседливый сынок школьной сторожихи, покинутый отцом. Конечно, по умственному развитию и поведению Николка значительно уступал Валюте, но зато он — единственный из всех сельских ребятшек — мог по-кошачьи вскарабкаться на самую вершину древней ветлы, нависшей над Тришкиным яром, и, скрутив в тугой узел свою сухощавую мальчишескую фигурку, камнем бухнуться в темную, лениво крутящуюся под крутизной берега воду. И плавал Николка саженьками так, будто река сама выталкивала его на поверхность, как утенка или сухую камышинку.

И не хочешь, да позавидуешь! Нет ничего обиднее для человека, чем сознание собственной неполноценности. Конечно, хорошо иметь безупречный табель, но ведь даже умнейший человек Карл Маркс ответил своим дочерям, что прежде всего ценит в мужчине силу. А Владимир Ильич плавал и нырял на глубокое Женевском озере, наверное, ничуть не хуже Николки. Валюта сам об этом читал, но тогда не придавал этому серьезного значения. А зря!

И все-таки мальчик решил.

Свершить этот подвиг — а иначе поступок Валюты расценить нельзя — ему помогло то, что ниже села Ока делала крутую излучину и плывшее по течению реки бревно начало приближаться к левому, постепенно набравшему крутизну берегу. Все ближе, ближе...

Когда остался какой-нибудь десяток метров, Валюта от радостного возбуждения даже стянул с головы панамку и обнадеживающе помахал ею кошке, которая, тоже, по-видимому, от волнения, то нетерпеливо топталась на месте, царапая когтями мокрую кору, то подбегала к самому краю бревна и, боязливо тронув лапой воду, сразу же испуганно отдергивала ее.

— Сейчас, сейчас, кисонька...

Как бы подбодряя сам себя, Валюта крепко натянул на голову панамку и пошел решительно, но неловко, ступая босыми ногами по каменистому, круто уходящему под воду откосу берега. Погрузившись в чуть слышно сипевшую реку выше пояса, мальчик на секунду задержался: ему снова припомнился строгий наказ матери, да и самому стало страшно. Вода здесь казалась темнее и холоднее, чем на песчаной отмели, а по ногам то и дело пробегали обжигающе-холодные струйки сочащихся из-под каменистого берега родников.

Может быть, вернуться?

Нет, пионер не может быть трусом!

И Валюта, вскинув над головой руки и на секунду зажмурив глаза, ринулся грудью вперед и поплыл, с чрезмерной старательностью шлепая по воде руками и болтая ногами.

Ну, доплыть до бревна оказалось не так уж трудно. Валюта даже не устал, только запыхался немного. Но когда мальчик судорожно уцепился за скользкий край бревна, он снова растерялся: а что делать дальше? Это на мелком месте можно было бы взять на руки кошку и перенести ее на берег, но здесь, когда Валюта всем своим оцепеневшим от напряжения существом ощущал под собой большую, слозно затягивающую глубину реки и сам боялся, как бы не соскользнули с бревна руки, переправить на берег кошку оказалось задачей просто невыполнимой. В довершение всего бревно, на котором теперь плыли вниз по течению Оки уже два живых существа, течением снова начало отходить от берега. Все дальше, дальше...

«Что же делать? Что делать?.. Может быть, самому вскарабкаться на бревно? А потом что?.. Или, пока не поздно, плюнуть на кошку и плыть обратно? Один-то он, конечно, добе-

рется до берега. В крайнем случае можно перевернуться на спинку — так плыть легче...»

Между тем кошка, как бы разгадав малодушные мысли Валюты, опасно подобралась к нему и стала тереться лобастой головой о руки мальчика, уже начавшие затекать от напряжения.

Да и все его тело стало грузнуть, наливаясь тягучей и противной, сковывающей движения тяжестью. И только мысли в голове, быстрые и отчетливые, но, казалось бы, не имеющие никакого отношения к тому, что сейчас испытывал мальчик, беспорядочно сменяли одна другую. Вдруг вспомнилось, что еще вчера вечером он оставил на огороде под осинкой библиотечную книгу «Белеет парус одинокий». Интересно: догадалась бабушка убрать? Гладкое, снисходительное, насмешливое лицо Лаврентия Ненашева тоже почему-то всплыло в памяти: «Яволь-уволь, парнище!». И то припомнилось, что у Лаврентия над бурой от загара потылицей белела не тронутая солнцем полоска: очевидно, парень только сегодня подстригся «под бокс».

Ну, совсем никчемные мысли!

Да и все вокруг стало для мальчика чужим и ненужным: еще утром казавшаяся такой приветливой река и ослепительно белый, огибающий вдали речную излучину теплоход, как бы злорадно подмигивающий Валюте вспыхивающими на солнце окнами, да и само солнышко, еще недавно даже чересчур горячее, сейчас только слепило глаза холодным светом. И кошка...

«Ну, чего ты мурлычешь, дура? Ведь все из-за тебя... Подожди, киса, подожди, сейчас мы с тобой...»

А что мы с тобой? Теперь уже и одному Валюте не доплыть до берега. А тут еще скользкое бревно начало крутиться на стрежне, как живое, словно стремясь скинуть с себя одеревеневшие руки мальчика.

«Мамочка, я больше никогда не буду...»

Она — эта чуть угловатая, не по-девичьи размашистая и твердая в движениях дочь бакенщика Василия Кочергина — чем-то напоминала Валюте сестру Инку. Даже удивительно: у Инки глаза карие, а у Маруси — не поймешь какие; на воду глядит — вроде серые, хмуристые, а на солнце — веселой рыжиной отливают глаза и шурятся, как у кошки. И лицо Марусино против Инкиного скуластее и грубее. Правда, носы что у той, что у другой, как шутливо определял отец Валюты, «рязанской выточки». И волосы у обеих нестриженные, скрути в одну косу, сольются, как два прихотливо выюющих-

ся родничка. Но больше всего схожести у двух девушек, как вскоре сообразил Валюта, было в характере, одинаково напористом и смешливо-задорном. Такие девчата-комсомолки себе цену знают! Так что Инка, можете быть уверены, будет отличным хирургом, а Маруся, та и сейчас уже хороший специалист: шутка сказать, единолично обслуживает двадцать четыре ткацких станка — значит, каждый день может порадовать обновками несколько сотен городских и сельских модниц!

Наверное, потому и руки Маруси, бесцеремонно и вместе с тем бережно втянувшие мальчика через корму в узкую, очень верткую лодчонку, напомнили Валюте руки отца — сноровистые и хваткие, не остывающие даже на морозе руки рабочего человека.

А кошка перескочила в лодку самостоятельно и сразу же, усевшись рядом с Валютой на лавочку, принялась облизывать шершавым языком подмоченную шерстку на боку.

— Издалека плывете, друзья-приятели? — спросила Маруся, свертывая в жгут полурасплетшуюся косу и с веселым любопытством переводя взгляд с мальчика на кошку.

— Нет. В Нижних Коростелях мы живем. Я лично. У папиной мамы. Агафья Яковлевна Коростелева, может быть, знаете? — ответил Валюта, заикаясь и, несмотря на жару, зябко подрагивая всем телом. Помолчал, боязливо поглядывая на уплывающее бревно, и добавил, кивнув головой на кошку: — А она... Даже не могу объяснить вам, почему эта кошка очутилась на бревне.

— Созорничал кто-нибудь из... — Маруся чуть было не сказала «из пацанов», но не сказала: обидишь еще собеседника. Свернула разговор на другое: — А я надумала: дайкось фонари в бакенах осмотрю и засвечу пораньше, чтобы отцу вечером не утруждаться; он сегодня чем свет в район укатил аккумуляторы перезаряжать. Да и сама я хочу вечером до клуба добежать; там Ненашев новую кинокомедию будет прокручивать, в семь и в девять. «Русский сувенир» называется.

Разговаривая, Маруся села за весла, осмотрелась и, резко табаня одним веслом, развернула лодку против течения.

— Совсем неинтересная картина, — сказал Валюта.

— Брось!

— Честное пионерское! Моя сестра ее смотрела, Инка. Они вшестером смотрелись с лекции в «Ударник» на утренний сеанс, а потом ругали друг друга: и чего, говорят, дураки, торопились! Не смешно ни капельки, будто все понарошку.

Валюта глубокомысленно помолчал, а затем по своему обыкновению подкрепил суждение не очень ему понятным, но к стати припомнившимся ходовым изречением:

— Искусство не должно отрываться от жизни!

— Что так, то так,— поддакнула Маруся, несколько удивленная такой эрудицией своего собеседника — круглощекого и глазастого паренька. — А Лаврентий наш говорил, что там замечательно играет Орлова. И еще в «Сувенире» этом снимается молодая артисточка — так та будто бы здорово походит на меня. Одно лицо, говорит. Особенно когда смеется.

— Напрасно вы верите ему! — сказал Валюта с неожиданной горячностью.

— Кому?

— Вашему Ненашеву.

От удивления девушка даже грести перестала.

— А ты откуда его знаешь? — спросила она, обеспокоенно насторожившись.

Прежде чем ответить, мальчик взглянул на кошку, ласково погладил ее, а потом очень сбивчиво, заново все переживая, рассказал Марусе про свою сегодняшнюю встречу с Лаврентием и про то, что произошло с ним после этой встречи.

— Эх, и глупый ты! — сказала Маруся, с повышенным вниманием выслушавшая рассказ мальчика. — А если бы утонул?

На этот вопрос Валюта ничего не ответил. И только когда лодка, проскрежетав днищем по каменистому дну, пристала к берегу, произнес учтиво припомнившуюся фразу:

— Я вам премного благодарен.

— За что?

— Ну как же, ведь вы сами говорили... Только, пожалуйста, никому об этом не рассказывайте.

— Заметано! — смеясь, пообещала Маруся.

Она легко перескочила на берег, втянула лодку, зачала ее цепью за толстенный суховатый обрубок, затем вынула из уключин весла, достала из-под носового настила корзинку, укрытую лопушками, бидон, босоножки.

— Ну, а вы, лихие мореплаватели, чего сидите, как в кино? Сами теперь доберетесь до дому или проводить вас за ручку?

— Ну что вы!

Валюта вскочил и сразу же вновь плюхнулся на скамейку, потому что лодка резко качнулась. Поднялся уже осматрительнее, балансируя руками, выбрался на берег и снова удивил свою спасительницу не по возрасту галантным обращением:

— Теперь я должен помочь вам.

— Чего бы?

— У вас много вещей. И весла. Неудобно. Если разрешите, я донесу хотя бы корзинку. Вы далеко живете?

Маруся снова рассмеялась:

— Вот так кавалера я выудила! Живой Тимур!

— Ну что вы!

Хотя Валюте польстили слова девушки, он и виду не подал.

«Летняя резиденция фонарного заправицы», как называла Маруся крохотную бревенчатую избушку, где в течение навигации жил ее отец, приютилась в небольшой седловинке Монастырского взгорья — самой высокой части берега Оки. В солнечное утро, когда еще не замутнен испарениями земли воздух, отсюда виден на десятки верст причудливый извив равнинной реки, неторопливо струящей свои светлые воды по разнородным лугам и полям, огибая редкие высоты, поросшие лиственным мелколесьем, а вдалеке круто сворачивающей к югу от преградившей ей путь могучей лесной заставы. Там синей грядой окаймил горизонт заповедный Надеждинский бор — одно из немногих древних лесных угодий, вовремя взятых под защиту человеком от человека же.

С одной стороны избушки сушились на гладко выструганных распялках сети, с другой — пахуче курилось на солнцепеке днище новой, только что проконопаченной и густо осмоленной плоскодонки. В конце полянки, в затихше под двумя раскидистыми вязами, уютно разместилось несколько ярко раскрашенных ульев.

Когда Маруся и Валюта выбрались по крутой тропке на взгорье от реки, Лаврентий Ненашев сидел возле низенькой, заложной ба-

дажом двери избушки на перевернутом кверху днищем ушате и курил сигарету с золотым ободком, вставленную в резной мундштук, изображавший не то пуделя, не то фавна.

— Привет и гутен морген вам, поскольку к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила! — бойко оттаранил Лаврентий заранее обдуманную фразу, поднимаясь с ушата и картинно отводя в сторону руку с мундштуком. Сказал, хохотнул и даже облизнулся, очень довольный своей находчивостью.

Однако, как это с удовольствием отметил Валюта, цветистое приветствие осталось без ответа.

— А в четверг куда вас носила эта неведомая сила? — спросила Маруся.

И хотя девушка задала этот вопрос без видимой заинтересованности, парень отозвался с повышенной поспешностью и горячностью:

— Так я и знал! Неужели же вы, Марья Васильевна, верите...

— Нет, не верю! — резко перебила Лаврентия Маруся. И еще раз подтвердила: — Не верю!.. Никому. А вам, Лаврентий Константинович, меньше всего!

— Понятно! — сказал явно сбитый с толку Ненашев и сердито выхлопнул из мундштука окурки.

А Маруся повернулась к Валюте, взяла из его рук корзинку и сказала ласково:

— Большое спасибо тебе, Валюша!

Затем, возможно, что и в пику Лаврентию, нагнулась и звонко чмокнула мальчика сначала в одну тугую щеку, затем в другую.

— Хочешь, угощу земляничкой?

— Благодарю вас, — сказал Валюта, несколько смущенный таким поведением девушки: кавалер все-таки! — Вы знаете, что в такую жару ягоды не рекомендуется есть до обеда?

Маруся рассмеялась, потрепала мальчика по плечу своей маленькой ладонью.

— Молодец ты, Валя! Вот бы мне такого... братика! — Маруся чуть было не сказала «сынка».

Это подчеркнуто сердечное обращение девушки к Валюте вызвало у Ненашева чувство, похожее на ревность. Глупо, конечно, но иначе трудно объяснить, почему вдруг этому обычно преуспевающему ухажеру захотелось принизить в глазах «отвадившей» его красотки осчастливленного ею паренька.

— В самый раз: тебе бы такого братика, а братик притащит в дом вот такого котика. Красота! Счастливое семейство. Глюклихе фамилие! — сострил Ненашев и захохотал, тыча мундштуком то в Валюта, то в прикорнувшую

у ног мальчика действительно неказистую кошку.

Ну, никак не ожидал Лаврентий, что этот тихий и почтительный паренек в плетеной панамке и голубых, не просохших еще трусиках проявит такую сердитую находчивость.

— Совсем и не смешно! — сказал Валюта огрубевшим от обиды голосом. — Если человек не любит и не жалеет животных, он и сам не заслуживает уважения. Об этом Тургенев написал целую книгу «Муму». А у Толстого есть «Холстомер».

То есть на удивление начитанный мальчик был младший сынок паровозного машиниста Ильи Михайловича Коростелева!

Валюта вежливо поклонился Марусе и, даже не взглянув больше на Ненашева, зашагал по малохоженной тропке, сердито посапывая.

Кошка, тоже не удостоив Лаврентия взглядом, сначала пошла степенно, потом затрусилась вслед за мальчиком.

— Вот это сказанула малявка! По-немецки — варум, а по-турецки — шурум-бурум! — снова попытался сострить Ненашев, озадаченный словами Валюты.

И снова острота не прозвучала.

— Да, замечательные были писатели — что Тургенев, что Толстой! — сказала Маруся, провозжая взглядом мелькавшую между деревьями маленькую фигурку мальчика.

— Знаем. Читали! А чего им было и делать по ясным полянам, как не писать, помещикам! — заговорил неожиданно озлившись Лаврентий, тоже считавший себя знатоком изящной словесности. — «Муму», извольте радоваться! «Холстомер»! Нет, ты мне не о жеребце, а об угнетенном герое труда напиши такую жалостливую книгу; вот я тебе спасибо скажу! Я ведь не такой, как этот огарок мамин! — Ненашев зло мотнул головой вслед Валюте. — Сегодня он над кошкой хнычет, а завтра к какой-нибудь зажиточной старушке подъедет все на той же жалости. Конечно, ваше дело женское, но у меня... нет у меня симпатии к таким лирикам!

— А кому же, интересно, вы симпатизируете, Лаврентий Константинович... в настоящий момент? — спросила Маруся, вскользь оглядывая Ненашева недовольно сощурившимися глазами.

Девушка распустила косу и начала переплетать ее.

— Излишний вопрос: уж кому-кому, а вам-то это хорошо известно, Марья Васильевна, — с непостижимой быстротой сменив гнев на приветливость, сказал Ненашев.

— Значит, Любе Тропининой?

— При чем тут Люба? — Ненашев даже руками развел удивленно.

— Уже ни при чем стала? Давно ли? Неужто Дуська, завхозова племянница, лучше?

— На черта она мне сдалась, эта рыжая сучонка! — Лаврентий снова озлился. — Вот люди: наплетут на тебя невесту что, а ты попробуй выпутайся!

— Так ведь и я такая же.

— Какая?

— Как рыжая сучонка Дуся. Мне даже стыдно слушать вас, Лаврентий Константинович.

Маруся резким движением перекинула за спину туго заплетенную косу и, закинув руки, начала закручивать ее вокруг головы.

— Эх!.. Мне ведь что обидно, Марусенька, — заговорил Ненашев каким-то умиленно воркующим голосом, нерешительно приближаясь к девушке и не отрывая сразу разомлевшего взгляда от ее небольшой, туго напряженной груди. — Неужели же ты — такая умница! — не видишь?..

— Чего?

Вместо ответа Лаврентий наметанным движением обхватил одной рукой выгнувшийся стан девушки, другой откинул ее голову и...

— Не на такую напал!

Впрочем, это и без слов было понятно: сильная и своенравная девушка была дочь бакенщика Василия Кочергина. А тут еще озлилась не на шутку...

В общем, когда быстро шагающий по прибрежной тропе Лаврентий Ненашев нагнал Валюта, мальчик, вежливо отступивший в сторону, чтобы дать дяде дорогу, очень удивился.

Все лицо Лаврентия было расцарапано в кровь, словно в него только что вцепилась кошка. Такая же, какую держал на руках Валюта, но, конечно, не столь беззащитная.

Сенсация века

В. ВЛАДИМИРОВ

Полстолетия тому назад в витрине «Палас-театра», в театральном сердце Лондона, появился большой, выразительно написанный портрет балерины работы английского художника Хавилленда. На портрете стояла надпись по-русски: «Анна Павлова, 1910». Павлова была в то время уже широко известна в Европе и Америке. «Русские сезоны» в Париже шли ежегодно с 1909 года и были революцией в истории балетного искусства во всем мире. Представление о том, что русское балетное искусство «заимствовано из Европы», рассеялось. Знаменитый французский композитор Лало писал в газете «Тан»: «Русские танцы бесконечно разнообразнее и выразительнее наших балетов. Сценический танец в России еще очень близок к народному, к нему обращается за помощью классическая хореография, заимствуя сочность, акцент, осмысленность, которые давно уже утрачены у нас. Вот почему русское искусство танца остается естественным и самостоятельным».

Анна Павлова выделялась как звезда первой величины. Ее описывали так: «Тоненькая девушка, ростом немножко выше среднего. У нее чарующая улыбка и красивые, чуть грустные глаза; длинные, стройные, очень красивые ноги с необыкновенно высоким подъемом; фигура изящная, хрупкая и такая воздушная, что казалось, она вот-вот оторвется от земли и улетит».

Лучшим номером Павловой был «Умиравший лебедь» Сен-Санса, поставленный известным балетмейстером М. Фокиным еще в 1905 году в Петербурге. Этот лирический танец вошел в биографию Павловой как символ всего

ее творчества. Когда в январе 1931 года в Лондоне узнали о смерти Павловой, в театре «Аполлон» шел балетный спектакль. В антракте дирижер обернулся к зрительному залу и объявил: «Сейчас оркестр исполнит «Умиравшего лебедя» в память Анны Павловой». Поднялся занавес, и на затемненной сцене среди серых сукон под музыку задвигалось световое пятно прожектора. Сноп света как бы повторял движения балерины. Весь зал поднялся и стоял молча до последнего такта.

В 1910 году Павлова была в полном расцвете сил. Она выступала в Лондоне с бывшим солистом Большого театра М. Мордкиным. В репертуаре были танцы «Ванханалия» на музыку Глазунова, «Русский танец» на музыку Чайковского и Рубинштейна, «Умиравший лебедь» и другие номера. Гастроли Павловой в Лондоне вызвали подлинную сенсацию. Русскую балерину называли «божественной Анной». Вот выдержка из распространенной лондонской газеты от 23 июня 1910 года: «Такого искусства Лондон еще не видел — оно стало настоящим культом. Люди ходят смотреть на их танцы снова и снова; они так изумительны, что их мало увидеть один раз... В «Паласе» и раньше выступали всемирно известные артисты, но это были сенсации сезона; на этот раз мы являемся свидетелями сенсации века».

Сама Павлова не раз говорила, что за границей ее по-настоящему оценили не в Париже, а в Лондоне.

Но, помимо Павловой, в то же самое время в Лондоне выступали и другие русские танцовщицы: в театре «Ипподром» шел балет «Лебединое озеро» с О. Преображенской, а в «Коллизее» — «Жизель» с Т. Карсавиной. Один английский критик озаглавил свою статью «Вторжение русских танцовщиц в Лондон». Он считал, что это «вторжение» полезно для европейской сцены.

В то время среди зрителей театра «Палас» был Сол Юрок, прозванный «американским импрессио № 1», который несколько лет спустя организовал гастроль русского балета в Америке и продолжает заниматься этим делом до нынешних дней. (Он был организатором известной поездки балета Большого театра в США в 1959 году.) «Где бы ни появлялась Павлова, я всюду следовал за ней», — вспоминает Юрок. Он же иронически сообщает, что Павловой случалось выступать в американских мюзик-холлах рядом с учеными слонами, акробатами, китайскими фокусниками и иллюзионистами...

Западный «культ звезд» всегда был чужд русскому балету. Иностранцы критики не раз отмечали удивительную дисциплину и преданность искусству, царящую в среде русских артистов. «О чем думают эти стилизованные мальчики и свежие кроткие девочки русского балета до поднятия занавеса?» — задавала вопрос французская газета. И отвечала: «О своем искусстве, и только о нем... Мысль о всем произведении в целом тяготеет здесь над всеми, большими и маленькими. Все верят в него, как верится в двадцать лет».

Павлова в интервью, данном корреспонденту «Огонька» в 1910 году перед поездкой в Лондон, подчеркивала, что, готовя новую роль, «становишься как-то добрее, делаешься сосредоточенной, серьезной... Читаешь со вниманием либретто, слушаешь музыку, советуешься со старшими, пробуешь дома и на репетициях танцевать и играть на разные лады и круглые сутки носишься с тем образом, который неизвестно откуда живет в твоём воображении». На вопрос корреспондента, что едят балерины, Павлова ответила, смеясь: «Вы думаете, что мы питаемся одними конфетами да воздушными пирогами? Как раз наоборот, все мы любим простые русские кушанья. Мое любимое — селедка, щи, черный хлеб с маслом, мятные пряники...» И дальше балерина говорила о своей сложной, непрерывной работе, начиная с класса в 9 часов утра и кончая вечером спектаклем и ночным чаепитием, «иначе дома кажется как-то неуютно»...

Прошло пятьдесят лет. Русский балет сохранил свои традиции. Нет ничего неожиданного в том, что имена замечательных советских балерин облетели земной шар и снова русская «правда в движениях» приносит советским артистам дружные и заслуженные аплодисменты всего мира.

В. ГОРОХОВ, А. УЗЛЯН

Вечер,

В Ленинграде мы стали завсегдатаями вечернего кафе на Выборгской стороне. На разных этажах большого здания блистали чистотой, манили легким, веселым уютом маленькие залы. Зал «У Белки и Стрелки» украшен портретами прославленных четвероногих космонавтов, изобретательно и ярко расписан молодыми ленинградскими художниками.

В другом зале на некоторых столиках были гостеприимные надписи: «Здесь все знакомы». Тебе нравятся эти ребята, эти девушки, садись с ними, и ты станешь своим в компании, коротающей вечер.

А над столом администратора, над вереницей телефонов другая надпись: «Здесь о вас помнят». Ты можешь позвонить, тебе сюда могут позвонить. Ты здесь — тебя разыщут, нет тебя — запишут, что хотели тебе передать твой друг, подруга. Тут можно оставить записку, книгу, конспекты лекций.

И еще кафе, где в зал вынесена обычная кухонная плита, где сами посетители готовят еду, где подняли бы на смех эту «левую» девицу, которая, видите ли, считает мещанством умение приготовить обед. Варил, жарил, пекли здесь не только девушки, но и молодые люди. Судьей был пожилой, опытный повар, адвокатами — молодые мужья или молодые жены. Веселая это была кухня!

кафе

Были в том доме и другие кафе — каждое со своим особым лицом, со своим кругом посетителей, в каждом осенние цветы на столах, свежие утренние газеты, негромкая легкая музыка.

Впрочем, ничего этого не было...

Мы действительно побывали недавно в Ленинграде и действительно стали там завсегдатаями одного из вечерних кафе, на Выборгской стороне — проспект Маркса, 45. Именно там в беседах с молодежью старейшего заводского района Ленинграда разыгрывалась наша фантазия о кафе «хороших и разных».

И пусть еще нет по указанному адресу описанных нами кафе, пусть слишком велик для вечернего кафе зал выборгской фабрики-кухни, — все равно тут рождается новое.

Еще нет у этого кафе ни своего имени, ни своих устоявшихся традиций, еще только запланированы цветы, и разноцветные лампы, и пестрые скатерти, и все же сюда каждый вечер тянутся выборжцы. Приходят одиночки и пары. Приходят молодые и пожилые, приходят компаниями, бригадами, студенческими группами.

В зале чисто, очень чисто, опрятно. Приветливые и расторопные офи-

и мы...

Все вкусно! Что выбрать?

цианты. Меню дешевое, разнообразное: бульон, пирожки, салаты, курица, легкие вина, кофе, мороженое. Официантки не стоят у тебя над душой. Можно за чашкой кофе спокойно сразиться в шахматы. Можно не торопясь листать газеты и журналы, можно слушать магнитофонные записи, присесть к роялю, тихо под гитару попеть. Бывают здесь вечера заводов и фабрик, с самодеятельностью и танцами, провожают ветеранов на пенсию, встречают праздники, гуляют в дни свадеб и дни рождения.

Мы были в кафе, когда к выборжцам приехали гости из Ленинградского Дома моделей. Сотрудница Дома рассказывала о моделях осеннего сезона, их демонстрировали тут же в зале.

Здесь были молодые люди, одетые со вкусом, но не было стилиаг, каких еще нет-нет да и встретишь на Невском проспекте. Здесь были люди дельные, но не было тут деляг, таких развязных «бизнесменов», тунеядцев, одного из которых как раз в эти дни карали общественным судом неподалеку отсюда, на «Красном выборжце».

И, конечно, не таким уж трудным оказалось развязать разговор о кафе.

— Каким должно быть ваше кафе? — спросили мы у выборжцев в один из этих вечеров, когда, сдвинув столики, объединили незнакомых между собой людей: токарей, сдавших смену, рабочих-студентов, отмечавших новый учебный год в вечернем институте, инжене-

В вестибюле кафе.

— Пирожки печь — это тебе не на гуслях играть!

Цейтнот.

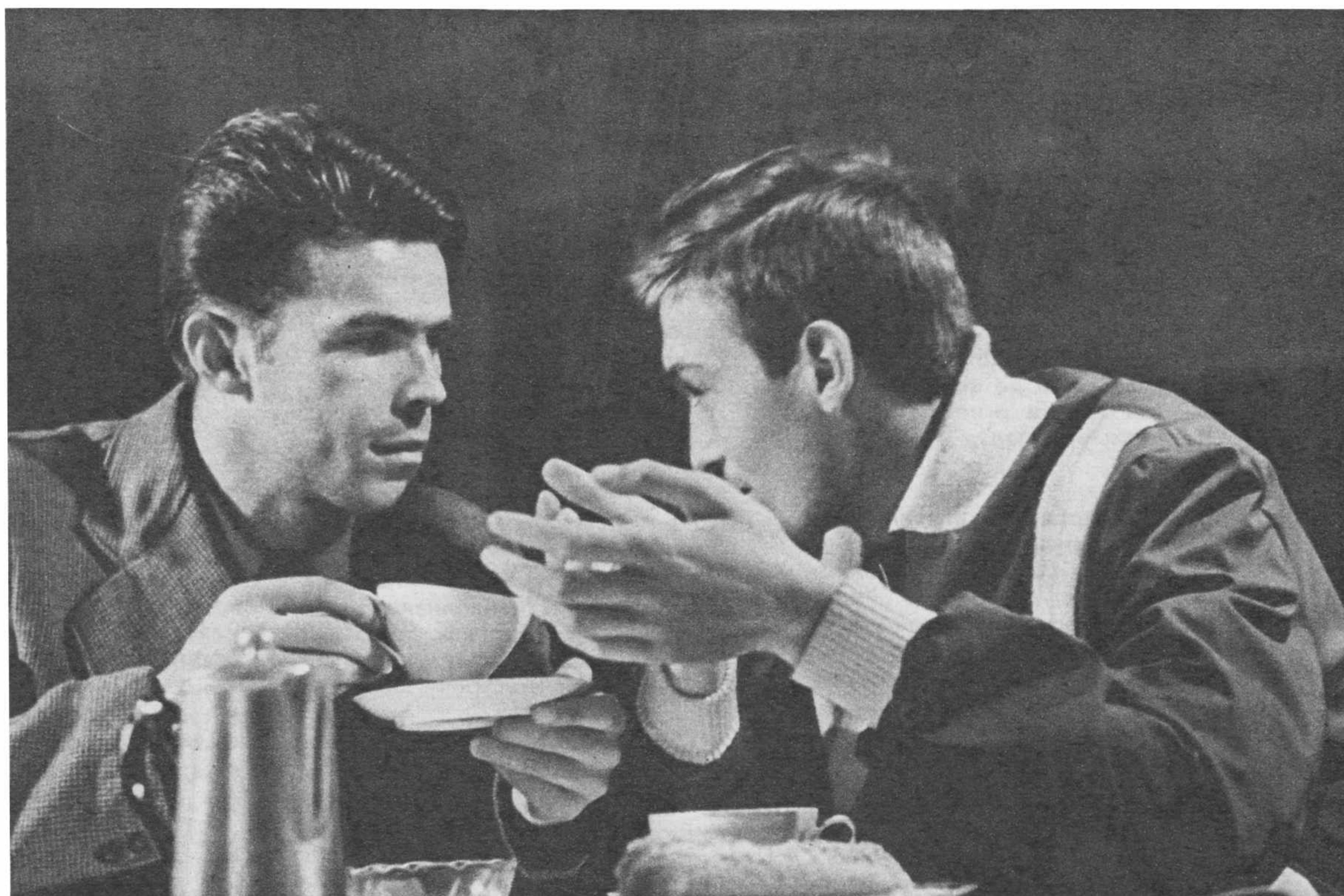

Ленинградский Дом моделей показывает...

Мне нравится... А вам?

За окном дождь, в зале — моды, а у них свой «разговор».

ров, технологов, работниц текстильных фабрик. Отовсюду слышалось: «Чтобы каждому было интересно!», «Чтобы всегда было интересно!»

— По-моему,—сказал токарь Василий Самсонов,—наше кафе должно быть вот таким: пришли ребята в кафе, играет джаз, танцуют. Потанцевали, разошлись. Пришли на следующий день большой компанией, танцев нет. Сели, подкрепились бульоном, выпили кофе, хотели уйти. Сюрприз: поэт читает свои стихи. Хорошие стихи, хорошо читает. Не с эстрады, а здесь же, за одним из столиков. Пришли еще через день — ребята поют под гитару.

— Многие из нас работают и учатся. Отстаем мы, по правде ска-

зать, от журналов, за книгами не успеваем как следует следить. А пусть ребята из инициативной группы кафе, посоветовавшись с другими, подготовят вырезки — самые интересные статьи. Пусть выставят увлекательную книжку на витрине. Несколько книг. Возьмешь ее здесь, начнешь читать потом... И вот так, чтоб каждый день что-нибудь новое, чтоб каждый вечер отличался от предыдущего. Это, конечно, трудно, но ведь хорошо!

Мы слушали Василия Самсонова, и нам захотелось в следующие приезды в Ленинград бывать в этом кафе. Слушая, как мечтают молодые выборжцы, мы поверили, что на проспекте Карла Маркса, 45, всегда будетлюдно и весело.

И в Ленинграде поют «Подмосковные вечера».

Что нового в газетах?

Ленинград, 11 часов вечера.

ДАЛЬНИЕ СЕЛА

☆ ☆ ☆

Как я тех ценю и уважаю,
Кто, лопату смолоду любя,
Целый день копаются, сажая
Деревца не только для себя!

Сыплется с них пот соленый
градом.
Кожа на руках — коре под стать.
Невозможно, стоя с ними рядом,
К делу их святому не пристать.

Но зато приезжаем на диво
Вся земля меняет свой убор
Там, где битый щебень да крапива
Глаз кололи до недавних пор.

К нам на юг весна приходит рано,
Все полянки травкой просторчив,
Тополей зеленые фонтаны
Вдоль широкой улицы включив.

Хорошо бывает в полдень жаркий,
Если крыши накалятся жечь,
Из дому уйти и в сонном парке
На скамейку дальнюю присесть!

Ветки низко над тобой нависли.
Где-то рядом слышен смех детей.
И на ум одни приходят мысли:
Что еще бы сделать для людей?

В поезде

Люблю стародавние были,
Когда, начиная рассказ,
Вдруг молвят: «Мы иначе
жили,
Не то что, положим, сейчас...»

Им вовсе живется не худо,
Зачем бы уж что-то хулить?
Но есть вот у старого люда
Привычка бывшее хвалить.

Но только хоть словом попробуй
Задеть сокровенное их,
Как в синих глазах хлебоборов
Колючки появятся вмиг.

Усмотрят в невинном вопросе
Такое, чего в нем и нет.
— Вы это о нашем колхозе?
Ну, это уж бросьте, сосед!

А поезд идет понемножку,
Во всем уподобясь коню,
Что любит привал и кормежку
Раз двадцать, не меньше, на дню.

Все дальше в степные глубины,
Где села синеют в дыму,
И дружески машут рябины
С безлюдных околиц ему.

Павел КУСТОВ

Сельская почта

Кони сыты, кони бойки.
Шей изгиб могуч и крут.
С колокольчиком на тройке
Почту сельскую везут.

И метнется вдруг прохожий
От заснеженных коняг,
Что тюки из грубой кожи
Мчат по тракту на санях.

В зимний день, когда в районе
Все промерзнет до корней,
Людям кажется, что кони
И надежней и верней.

Где-то хлопают моторы.
Где-то «ЗИЛ» в сугробы врос.
Но почтовую контору
Не страшит любой мороз.

Комья мерзлые сбивая,
Там, где рысь да волк живет,
Мчит тройка огневая,
Колокольчик воздух рвет.

☆ ☆ ☆

В моей любви к текучим рекам,
Хоть я давным-давно седой,
Есть связь, наверно, с нашим
веком,
С его вседневной суетой.

О, как бывает сердце радо,
Когда еще издаля
Я слышу, как, тесня преграды,
Гремит и бесится река!

Зимой и летом, все едино,
Среди снегов иль желтых трав,
Лишь напоровшись на плотину,
Она смиряет буйный нрав.

Там, где тайга, как темь ночная,
Глядишь, родился городок.

И вот вся прыть, вся злость речная
Ушла за миг в электроток.

А в города, где пыль да камень,
Река, что бешено текла,
Войдет неслышно ручейками
Живого света и тепла.

Была раздольна и красива,
Порой упряма и люта.
И вот, умножив нашу силу,
Ушла куда-то без следа.

Мне по душе степные села...

Мне по душе степные села,
Где пусто среди бела дня.
Равнины облик невеселый
Поныне трогает меня.

Не обездолены, не нищи —
Крепки дома и тучен скот,
Здесь полотна, овчин и пищи
Не на один, быть может, год.

И все ж степная грусть извечна,
Как ни привольно здесь житье!
По вечерам сверчок запечный
Напоминает про нее.

Она и близких и неблизких
На спевках сводит, как родню.
И в песнях юной трактористки
Звучит, плывя навстречу дню.

С чего бывает грустно людям
Там, где трава шуршит, как жечь?
Но дознаваться мы не будем,
А примем все таким, как есть.

Грустите, ежели грустится,
Пока кизячный вьется дым.
А хлеб-то все-таки родится,
И этот хлеб мы все едим.

Отцы и деды наши пели,
Как ни томила их страда.
И композиторы доселе
Идут за песнями сюда.

☆ ☆ ☆

Прост в еде он, крепко спит
ночами.
На работе спор и деловит,
Две войны имеет за плечами,
А гляди, как молод он на вид!

Средством, зная, каким-нибудь
владея,
Что стирает прожитого след,
Мой герой цветет и молодеет,
Дожив до пятидесяти лет.

Трактористка не одна, я знаю,
В бригадира тайно влюблена.
Только все краснеют да вздыхают...
Грех, девчонки: у него жена!

Та, что в бой солдата снаряжала,
Дома в нем не чаяла души,
И детей таких ему рожала —
Прямо хоть картину с них пиши.

Пропадая в поле дни и ночи,
С девушками строгость он блюдет.
Различает, как графолог, почерк —
Борозду, что каждая ведет.

Растирая ком земли в ладонях,
Сматривает он, то ласков, то сердит...
Мчатся девки на железных конях,
Аж округа стонет и гудит.

Им, двадцатилетним, страх
неведом.
Где-то стан курится, недалек.
И земля почти за ними следом
Выгоняет к солнцу стебелек.

Герой выставки — наш современник

На этот раз художники Украины щедро зачерпнули из современной жизни, смело пошли по ее широким и светлым дорогам. Это наглядно видишь на художественной выставке в Киеве, подготовленной к декаде украинской литературы и искусства в Москве. Само ее название весомо и емко — «Советская Украина».

В трех зданиях размещено около двух тысяч произведений — живопись, скульпту-

ра, графика. Но дело, конечно, не в количестве!

Стремясь связать свое творчество с жизнью народа, украинские художники выезжали на заводы, стройки, в колхозы, совхозы, научные центры. В великих трудовых делах советских людей черпали они темы для своих творений.

Поэтому-то на выставке нет безразличных посетителей. У одних экспонатов лю-

буются мнениями, у других подолгу молча стоят, и третьим возвращаются несколько раз. Зрители видят в произведениях художников свою жизнь: подавляющее большинство выставленных работ посвящено сегодняшнему дню.

На полотне, в бронзе и граните мы видим живущих рядом с нами людей, своим трудом прославляющих Родину: Мамаю и Махоту, Гиталова и Савченко, Чижа и

Сидору, Посмитного и Буркацкую, Рыльского и Стельмаха, братьев Коломийченко, видим картины о бригадах Кольчика, Северинова, о звене Долинюк...

Художники Украины воспевают Коммунистическую партию, ее бессмертного вождя В. И. Ленина, показывают народ как творца истории.

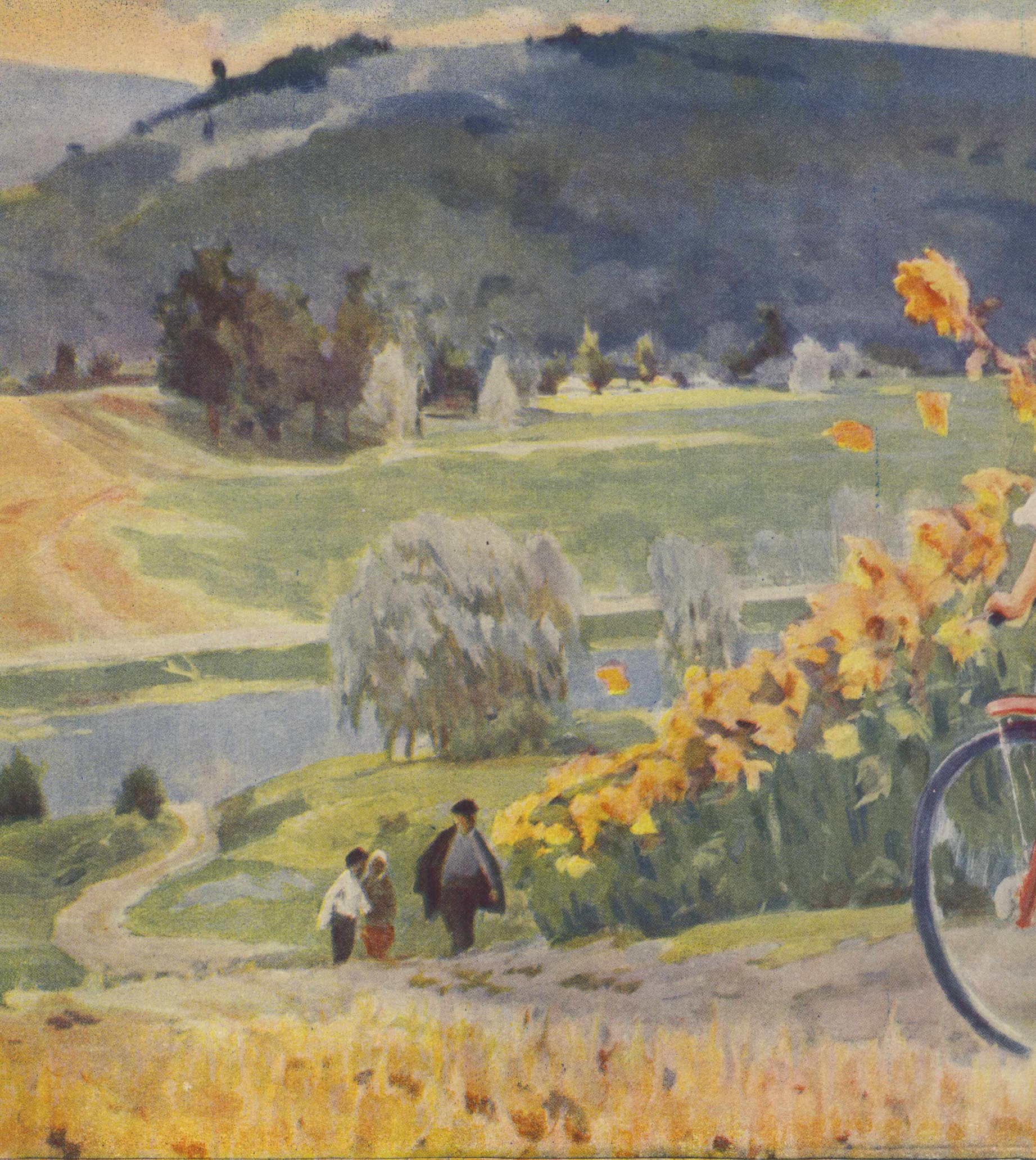
Немало полотен посвящено советской молодежи. Да и среди самих участников вы-

ставки рядом с мастерами старшего и среднего поколений в большую творческую жизнь вступает молодежь. Более половины участников выставки — художники в возрасте до 35 лет. Может быть, и этим во многом объясняется тематическое богатство выставки, разнообразие почерков, свежесть произведений, которые в дни декады увидит Москва.

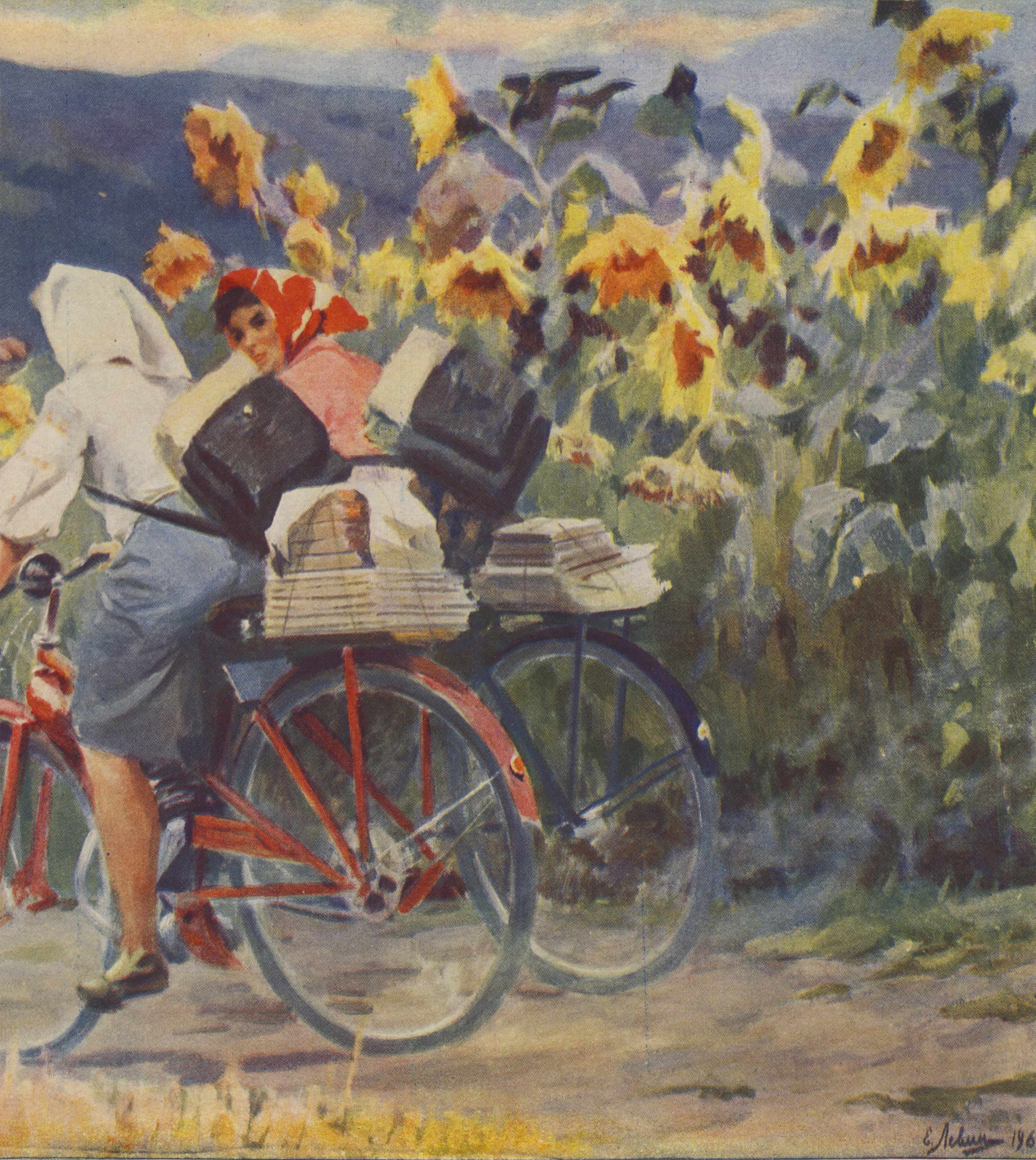
Дм. ПРИКОРДОННЫЙ
Киев.

А. А. Попов. СТРОИТЕЛИ НОВОГО ПОРТА.

Е. Н. Левин. ПОДПИСЧИКАМ.

И. А. Тихий. АИСТЫ.

В. В. Кушнир. ПЛОТОГОНЫ.

1936 год. Город Сталино. На конференцию собрались ученые, инженеры заводов, проектных и научно-исследовательских институтов. Приехали видные академики: металлурги М. А. Павлов и А. А. Байков, химик Н. Д. Зелинский. Обсуждаются вопросы развития газовой промышленности.

Легко представить, как мы, молодые тогда инженеры, недавно окончившие Донецкий углехимический институт, волновались, готовясь представить на обсуждение этой конференции проект газового кольца Донбасса. Еще на третьем курсе института профессора В. С. Крым и И. Е. Коробчанский привлекли наше внимание к новой тогда проблеме — газификации. Они предложили нам разработать проект газоснабжения города Сталино, используя коксовые газы. А главное, и это нас особенно увлекло, мы сами сможем участвовать в осуществлении своего проекта.

Правда, для этого надо будет пойти на строительство и оставить на год институт, а потом уж защищать реализованный проект. Но что означает в молодости год, когда ждет такое увлекательное дело!

Прошло с тех пор много лет. Но я хорошо помню тот осенний вечер, когда запылал факел газа, впервые поступившего по подземным сетям в квартиры...

Завороженные фантастическим для тех дней зрелищем, люди долго не расходились, любуясь языками пламени этого неведомого ранее в здешних местах источника тепла.

Газ! Он всегда считался извечным коварным врагом шахтеров, причиной тяжелых аварий, гибели людей. И вдруг этот газ пришел в квартиры шахтеров как друг человека.

Ресурсы коксового газа достигали в 1935 году почти трех миллиардов кубометров, а доменного — в шесть раз больше. Но и потери этих газов были велики — около миллиона тонн условного топлива¹. И вот на конференции разгорелись жаркие споры: достаточно ли излишки газа на коксохимических заводах, чтобы газифицировать города и целые отрасли промышленности? Тогда крепко бытовала теория «замкнутого баланса» металлургических предприятий, согласно которой всех ресурсов газа хватает только для металлургии. Если так, то к чему, как говорится, огород городить. Мы уж было приуныли, но в защиту нашего проекта выступили крупнейшие ученые страны М. А. Павлов и А. А. Байков.

Поддержал и академик Н. Д. Зелинский: он обратил внимание на то, что газификация создает прочную базу для развития химической промышленности. В общем проект кольцевания газопроводами получил полное признание. Мы, молодые инженеры, ликovali: победа! Но, увы, радость была недолгой. В Наркомате тяжелой промышленности существовал тогда Главгаз, и, как это ни парадоксально, именно там практически не поддерживали идею газификации Донбасса.

¹ Для сравнения все виды топлива пересчитываются на условную теплотворность в 7 тысяч больших калорий в килограмме, отсюда и термин «условное топливо».

Ю. БОКСЕРМАН

ДОРОГИ ГОЛУБОГО ОГНЯ

Записки инженера

Вначале я и мои товарищи — энтузиасты природного и коксового газов — терялись в догадках. В чем дело? «Главгаз — против газа». Вскоре все стало ясно.

Есть два пути развития газовой индустрии. Основа первого — твердое топливо и главным образом уголь; база второго — природные газы, залегающие в недрах земли, газы коксовые, нефтяные, добываемые на промыслах. Руководители тогдашнего Главгаза признавали единственно реальным первый путь. «У нас огромные запасы угля», — утверждали они, — и газовая промышленность должна развиваться на базе его переработки...» Это была официальная точка зрения, об этом писали в учебниках, научных журналах. Появилось множество проектов сложнейших комбинатов по получению газа из твердого топлива — в Коломне, Подмоскowie. На их строительство тратились большие деньги. Но ни одно из этих предприятий не оправдало себя экономически и не было закончено, и Главгаз, просуществовав много лет, не создал ни одного газового завода.

Казалось бы, довоенный этот эксперимент, дорого обошедшийся государству, должен был кое-кого образумить. Но и после войны некоторые специалисты усиленно настаивали на том, что газ целесообразнее всего получать, перерабатывая уголь. Точка зрения эта бытует и сегодня. Построили даже несколько предприятий.

Всякий спор решает практика — критерий истины. Так вот о чем она говорит, эта практика.

Природный газ, доставленный из Ставрополя в Москву по газопроводу в 1300 километров, стоит теперь 25 рублей за тонну условного топлива, а та же тонна газа, полученная из углей на построенном в Подмоскowie бассейне Щекинском газовом заводе, стоит 660 рублей.

Пять хороших газовых скважин дают столько же топлива, сколько одна шахта, а затрат потребуются в десятки раз меньше! Природный газ — самое дешевое, чудесное топливо, горит без копоти и дыма, дает высокую температуру, достаточную, чтобы плавить металл, стекло. Из него можно получить просто и дешево множество химических продуктов. Он преобразует технологические процессы промышленности, улучшает условия труда и жизни людей...

Теперь, оглядываясь назад, невольно спрашиваешь себя: почему же господствовало такое явно неразумное направление? Причин много. Основная беда заключалась в том, что, по существу, не велись разведки газа, а следовательно, не открывались новые крупные месторождения. Это и порождало неверие в возможность широкого использования природных газов.

Первенцы

...Война. 1942 год. Стране не хватает топлива. Проблема топлива не сходит с повестки дня заседаний Государственного Комитета Обороны. И вдруг радостная весть с Волги: недалеко от Куйбышева

геологи нашли месторождение газа. Государственный Комитет Обороны принимает решение: срочно построить газопровод. Но как быть: нет труб, нет опыта, почти нет нужных механизмов? Нашли выход: демонтировали на юге бездействующий нефтепровод и за год соорудили газопровод длиной в 160 километров. Думается, что в ту пору построить его было куда труднее, чем, скажем, соорудить теперь трубопровод протяженностью в несколько тысяч километров...

Поздно ночью строители зажгли факел газа, а наутро он поступил в цехи заводов.

Примерно в то же время вблизи Саратова в маленькой, разбросанной на холмах деревушке Елшанка разведчики открыли еще одно богатое газовое месторождение. Почти рядом, под Сталинградом, велась ожесточенная битва. Саратовцы должны были во все возрастающих количествах поставлять сталинградцам оружие и боеприпасы. Но не хватало топлива, заводы простаивали. И на помощь пришел газ — меньше чем за месяц был сооружен газопровод от Елшанки до Саратова. И вот уже запылало пламя в топках электростанций, в печах заводов, в газовых плитах квартир.

Так два города на Волге в тяжелую военную пору первыми широко применили природный газ, и думается, именно это привлекло к нему внимание, укрепило его позицию в топливном балансе страны.

Еще не закончилась война, а Государственный Комитет Обороны принял решение о сооружении газопровода из Саратова в Москву протяженностью в восемьсот километров. Десятки тысяч людей вышли на эту стройку, чтобы летом 1946 года волжский газ пришел в Москву.

Необычайно трудным был первый год эксплуатации газопровода. Магистраль испытывали под высоким давлением водой, но затем удалить ее полностью не удалось. Зимой оставшаяся в трубах вода соединялась с газом, образуя так называемые гидраты — снег и лед, иногда почти полностью забивавшие трубу. Пойди найди в засыпанной снегом степи эти аварийные участки, чтобы затем разрезать трубу, удалить лед! В отдельных местах рвались стыки труб. Аварии надо было ликвидировать, не прекращая подачу газа в Москву. Это был героический труд людей — они ни разу не подвели столицу.

А строители уже перебазировались на новую трассу — из Карпат в Киев.

Уже на первом этапе стройки газопровода из Карпат мы поняли, что нельзя такую ответственную операцию, как сварка труб, выполнять вручную. Никита Сергеевич Хрущев, внимательно следивший за нашими делами, знал об этой трудности. И в одной из бесед с нами, работниками газовой промышленности, он посоветовал:

— Рекомендую вам встретиться с Евгением Оскаровичем Патон. Поговорите с ним о возможности создания автоматов для сварки труб.

Академик Евгений Оскарович Патон горячо взялся за разработку автоматов для сварки труб в полевых условиях. Через несколько месяцев на трассе появился сын академика — Борис Евгеньевич Патон. Такой же неутомимый, как

и его отец, он приехал к нам уже с готовым автоматом для сварки труб под слоем флюса. Новый автомат сразу зарекомендовал себя куда лучше привезенных на строительство газопровода Дашава — Киев американских агрегатов, которыми так кичились фирмы США. Автоматы Патона давали прочный шов, а стыки труб, сваренные американской машиной, рвались.

Сооружение газопровода из Карпат в Киев уже близилось к концу, и оставалось проложить лишь сто километров, когда вдруг работы приостановились: мы никак не могли получить недостающих десяти тысяч тонн труб. Из Киева шли телеграммы в Москву, но из Госплана отвечали: труб нет. Тогда товарищ Н. С. Хрущев поехал на завод имени Ильича в Жданове и рассказал рабочим трубного цеха о положении с газопроводом.

Газ будет иметь огромное значение, сказал товарищ Н. С. Хрущев, для экономики Киева, всей нашей республики, улучшит и благоустроит быт жителей столицы Украины и областей, через которые проходит газопровод.

И в короткий срок трубы были изготовлены и доставлены на трассу.

Никита Сергеевич неоднократно подчеркивал: газопроводы прокладывают для того, чтобы улучшить быт и условия труда советского человека. Как-то весной 1957 года Н. С. Хрущев позвонил к нам, в Главгаз, и поручил побыстрее разработать предложения о снабжении газом Ленинграда и Горького. Рабочие Кировского и Сормовского заводов при встрече с Никитой Сергеевичем попросили его ускорить газификацию этих крупных промышленных центров. Просьба их была выполнена в короткий срок.

Едва завершилось сооружение газопровода Дашава — Киев, как возникла мысль продлить его до Москвы. И вот уже строители пробиваются через брянские леса, болота к столице. Карпатский газ пришел в Москву...

Газ — всюду

Природный газ уже «шествовал» по многим городам страны, а сторонники газификации угля все еще упорствовали. Они добились раз-

решения построить большой газовый завод в Подмосковном угольном бассейне. Построили. И что же? Оказалось, что тонна условного топлива здесь обходится в шестьсот с лишним рублей — это в 27 раз дороже природного газа. И по предложению Тульского обкома партии было принято единственно правильное решение — превратить завод в химический.

Но и это не поколебало сторонников искусственного газа. Они по-прежнему твердили, что ни о каких больших запасах природного газа не может быть и речи. И самостоятельные поиски его не поощрялись — их вели попутно с разведкой на нефть. Но вот забили мощные газовые фонтаны. Как тут будешь спорить?..

Да, спорить было трудно. На полную мощность работает газопровод Саратов — Москва. С берегов Волги потянулись новые мощные газопроводы в Пензу, Горький, Ярославль, Череповец. Вслед за саратовцами и сталинградцами порадовали страну — и у них найден газ! Правда, и тем и другим надо значительно усилить разведки, в особенности саратовцам. Их обогнали разведчики недр Украины, Северного Кавказа, Узбекистана, Туркмении, Сибири.

На Северном Кавказе, вблизи Ставрополя, нашли месторождение, равного которому не было еще в нашей стране.

Как известно, в 1956 году Москва получила ставропольский газ.

Вслед за ставропольским месторождением появилось Шебелинское — недалеко от Харькова, а затем и знаменитое Газли, близ Бухары, — одно из богатейших месторождений газа в мире. Оживают теперь Каракумы: завершается сооружение трубопровода в Ташкент, Чирчик, проектируется мощная трасса на Урал. Вспыхнули новые яркие звезды на карте газовых месторождений СССР: Якутия, Туркмения — Кызылкумы, Тюменская область — Березово. В горах, в тайге, степи, пустыне зажглись огни вышек, вырвался из недр дремавший десятилетиями миллионы лет чародей — природный газ.

На XXI съезде КПСС было принято важнейшее решение о коренной перестройке топливного баланса страны: в центр внимания самые дешевые виды топлива — природный газ и нефть.

Добыча газа увеличится за семилетие в пять раз и достигнет в 1965 году ста пятидесяти миллиардов кубометров. Это столько же топлива, сколько дают три крупнейших угольных бассейна страны — Донецкий, Подмосковский и Печорский.

Газовые магистрали протянулись на десятки тысяч километров. С Северного Кавказа газ подается на расстояние более двух тысяч километров — в Москву и Ленинград. Из Краснодарского края — в Донбасс. Отсюда же пойдет магистраль в Москву, ее сооружение заканчивается. Лишь она одна даст столько топлива, сколько добывается во всем Подмосковном угольном бассейне.

Из Шебелинки газ идет во все концы Украины, во многие края Российской Федерации. Из Карпат в конце этого года газ поступит в Белоруссию, а затем в Прибалтику. Из Баку через горы газ пришел в Армению и Грузию. Из Бухары — в города Средней Азии, а скоро в Казахстан и на Урал.

Мы научились хорошо и быстро прокладывать «дороги голубого огня». Создана новая техника, имеются высокопроизводительные машины, механизмы. А главное — выросли замечательные мастера. За год они успевают соорудить самые крупные газопроводы. Кажется, только-только обосновались, обжились немного, а уже надо ехать на новую стройку. Так и кочуют по просторам страны целые поселки трубопроводчиков, с передвижными — на колесах — жилыми домиками, столовыми, красными уголками. К слову сказать, таких домиков все еще мало. Побольше бы их!

Над городами чистое небо...

В 1959 году геологи пробурили около миллиона метров разведочных скважин, открыв новые месторождения газа с запасами более семисот миллиардов кубометров — это почти столько же, сколько получено нами за минувшие сорок лет. Теперь запасов газа, по нынешнему уровню добычи, хватит на десятки лет.

Газом уже пользуются жители 350 городов. В Москве 40 процентов всего расходуемого топлива составляет газ. В ближайшие два года все предприятия столицы пе-

рейдут на использование газа. А ведь совсем недавно Москва ежегодно выбрасывала в воздух до двенадцати тысяч тонн золы.

В Ленинграде железная кровля выходит из строя в пять-шесть раз быстрее, чем где-нибудь в сельской местности; краска на фасадах домов сохраняется не дольше полтора-двух лет; деревья гибнут ранее обычного. Кто виноват? Причину надо искать все в том же — дым, зола, сера. Но скоро и здесь бездымное топливо изменит лик города. Оно повышает коэффициент полезного действия электростанций, удешевляет электроэнергию. Оно свершает революцию в химии, черной металлургии, цементной промышленности. Из него получают азотные удобрения, синтетический каучук, пластмассы, ткани.

Известно, что американские металлурги пытались заменить в доменных печах кокс газом. То, что не удалось американцам, сделали советские люди на заводе имени Петровского. Один из молодых представителей династии металлургов Коробовых, Илья Иванович Коробов, вместе с учеными Института металлургии Академии наук СССР успешно провел этот смелый эксперимент. Теперь на газе уже работают сорок доменных печей. Это значит, что за семилетие будут получены дополнительно, без капитальных вложений, миллионы тонн металла. Добавьте к этому пять-шесть миллионов тонн цемента — за счет перехода с угля на газ; учтите еще и то обстоятельство, что на стекольных заводах без газа вообще не могут обойтись. Конечно, как и во всяком новом деле, появляются на предприятиях всякие «закавыки». Вот, например, Никопольский южнотрубный завод. Его печи «пожирают» тысячи тонн мазута, до зареза нужного другим потребителям. А ведь это предприятие еще с прошлого года должно было отапливаться шебелинским газом. Не спешат никопольцы, с мазутом оно как-то легче, уже все налажено, никаких тебе забот. А тут — газ!

...Все знают, что голубые огонь-

Везут трубы на трассу газопровода.

Фото Д. Минскера.

ки газа дают высокую температуру. Но мало кому известно, что он может давать... и холод. Газ выходит из недр земли под давлением 150—200 атмосфер, а трубопровод может принять его только с давлением в 60 атмосфер. Теряется без пользы 100—140 атмосфер.

Сотни пропадающих атмосфер— это огромное количество бесплатного холода. Нельзя ли пустить его в дело? Можно. На принципе использования перепада давления построены первые холодильные установки вблизи Киева и Альметьевска (Татария). Здесь получили в холодильниках температуру минус двадцать—тридцать градусов. К сожалению, эта новинка еще не нашла широкого распространения.

А в сельском хозяйстве! И сюда, правда, пока еще робко, начинает проникать газ. В Киеве, в Московской области, в Коми АССР его используют в теплицах, ускоряя выращивание овощей, повышая их урожайность. Когда газ горит, он дает не только тепло, но и влагу, углекислоту, являющуюся хорошим удобрением. Появилась новинка: сжиженный газ. Одного баллона этого газа хватает для семьи на месяц.

Близкое будущее

Жизнь подтвердила все наши расчеты об огромной экономии, которую получит народное хозяйство от использования природного газа. Только за 1959 год эта экономия составила примерно три миллиарда рублей. За семилетие применение газа и нефти даст экономию в 125 миллиардов рублей— одна только эта сумма достаточна для того, чтобы осуществить весь семилетний план строительства предприятий большой химии и газовой промышленности.

У нас есть все основания для большого замаха, смелых планов. Подсчитано, что в недрах страны имеется не менее пятидесяти—шестидесяти триллионов кубометров природного газа— в два раза больше, чем в Америке. Они позволяют увеличить добычу газа до 270—320 миллиардов кубометров в ближайшие 15 лет.

Мы имеем все возможности в ближайшие годы опередить США по добыче газа и занять первое место в мире. Характерно, что для увеличения добычи газа с тридцати до ста пятидесяти миллиардов кубометров Америке понадобилось более двадцати лет, у нас этот скачок осуществится за семь лет.

Запасов нам хватит на многие десятки лет. Иногда наши оппоненты, пытаясь все же выдвинуть на первый план уголь, говорят:

— Запасов угля у нас на сотни лет! Надо беречь газ для правнуков, а пока использовать уголь...

С этим никак нельзя согласиться. И без того потеряно немало времени. Наши богатства лежали в земле, не приносили никакой пользы, а в капиталистических странах быстрыми темпами развивалась добыча природного газа...

А все-таки как же быть с грядущими поколениями? Хватит ли для них газа? Да, хватит— и для внуков и для правнуков. Ведь, по существу, мы сделали только первые шаги в разведке наших подземных газовых богатств. И уже какие результаты! А фронт разведки ширится с каждым днем.

В капиталистических государствах сейчас идет борьба между конкурирующими фирмами, которые ведают выработкой и использованием электроэнергии и газа.

У нас не может быть специфичной для капиталистической экономики проблемы: газ или электричество?

Широкая электрификация и газификация народного хозяйства— вот линия партии и правительства. При этом подача газа на тепловые станции позволяет получить дешевую электроэнергию. Значит, сами работники газовой промышленности помогают энергетикам быстрее внедрить электричество в быт, промышленность.

В ближайшие годы природные газы будут все шире и шире применяться во всех отраслях промышленности, в химии, в быту жителей городов и поселков страны. Для этого построят разветвленную сеть магистральных газопроводов— единое большое кольцо страны. Густой, разветвленной сетью предстанут теперь на карте страны «дороги голубого огня». Из центральных диспетчерских пунктов ими будут управлять вычислительные машины.

Наша газовая промышленность развивается на совсем иной, чем в США, основе. Обычно в зарубежной литературе рекламируется небывало широкая сеть газопроводов США— сотни тысяч километров. Непосвященный человек может подумать— вот это размах!

Но внесем ясность. Американцы применяют в основном диаметры труб в 500—600 миллиметров. Мы же сразу пошли по пути сооружения газопроводов из труб диаметром 720—1 020 миллиметров. Никто в мире, кроме нас, пока еще не умеет строить трубопроводы диаметром в метр.

При диаметре труб в полметра, наиболее широко распространенном в США, по газопроводу можно передать в год менее двух миллиардов кубометров, а при диаметре в метр— до одиннадцати миллиардов кубометров. Вот и посудите, где же действительно технический прогресс, а где только видимость такого прогресса. Ведь мы решаем проблему роста (по сравнению с американской) производительности газопровода более чем в пять раз и при этом экономим сотни тысяч тонн металла.

Автоматы и газ! Они шагают рядом. Проектируются автоматы, дающие возможность сжигать газ без участия людей. Уже появляются газовые плиты с такими чудесными приборами, которые позволяют хозяйке поставить на зажженную плиту суп и уйти по своим делам. Суп будет сварен отличным образом, а газ вовремя погашен...

Газовые котельные на замке— их уже теперь много в Москве, Ленинграде. Приборы регулируют горение газа и дают тепло в квартиры.

Мы научимся передавать по трубопроводам газ, превращенный в жидкость,— в таком виде он занимает объем в шестьсот раз меньший...

Дороги голубого огня! Сколько радости несут они людям, какие разительные перемены вызывают в жизни городов и поселков! Пусть же пользуется дарами природы советский человек в полную меру!

В ЗАЛАХ ВСЕГДА БЫЛО ЛЮДНО

Портрет Владимира Ильича Ленина на фоне первой полосы газеты «Правда» с сообщением о движении межпланетной автоматической станции и огромной фотографией невидимой стороны Луны.

Землю
всю
охватывая разом,
видел
то,
что временем закрыто.

Эти строки из поэмы Маяковского сразу вспоминаются, когда смотришь на плакат «Ленин» польских художников Р. Шайбо, И.С. Загурских. Он был удостоен первой премии на конкурсе, объявленном варшавским музеем В. И. Ленина и Союзом польских художников к 90-летию со дня рождения вождя мирового пролетариата.

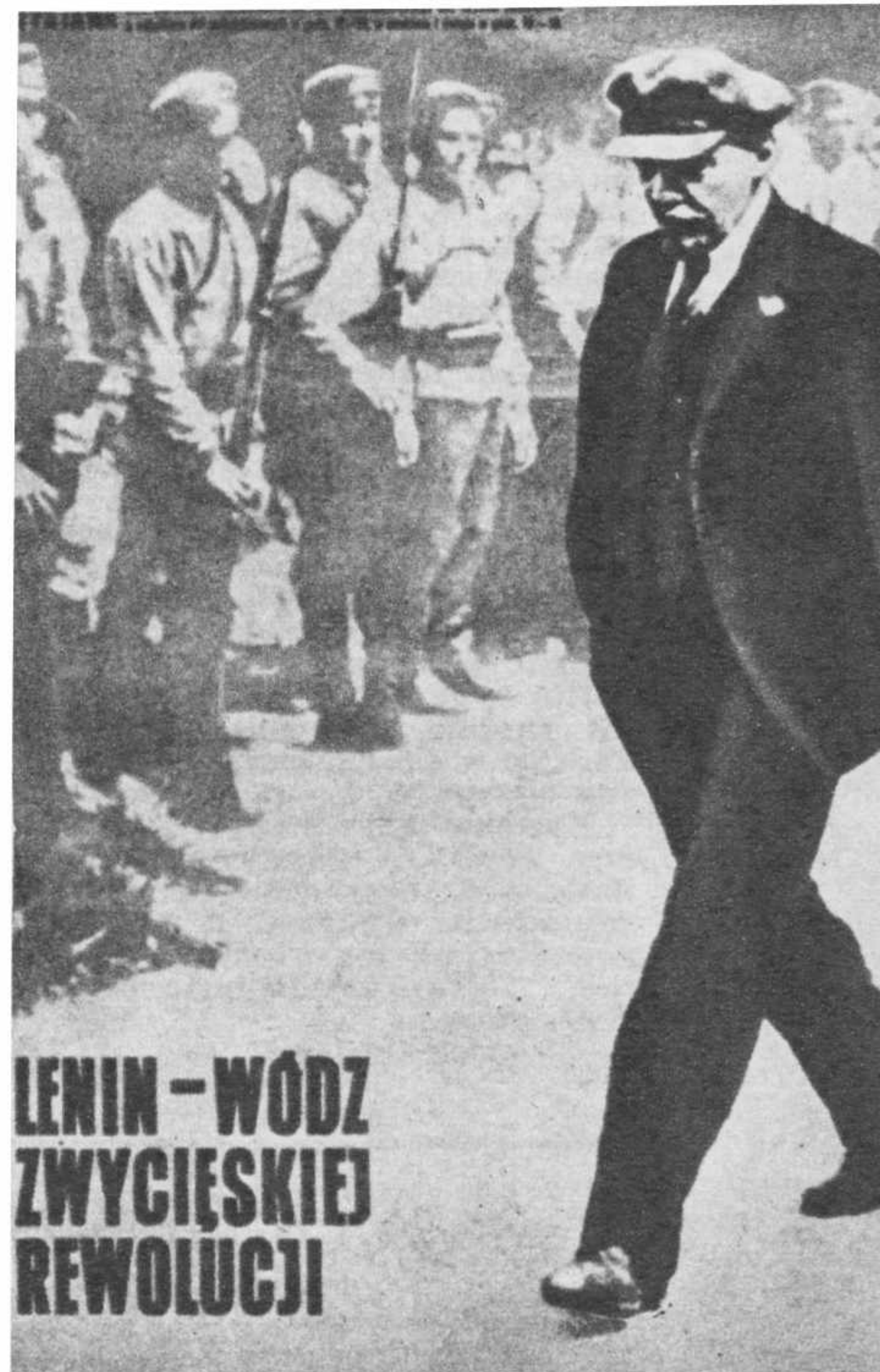
Сто семьдесят художников-графиков Польши приняли в нем участие. Лучшие работы конкурса демонстрировались в залах Музея революции в Москве.

Великая тема, которой посвящены плакаты, требует документальной точности и торжественной формы. Возможно, поэтому в основу большинства плакатов лег фотомонтаж.

На выставке экспонировались работы художников многих стран, из варшавского музея В. И. Ленина.

«На этой выставке плаката Ильич такой, каким он был в жизни, каким мы видели его в годы боевой нашей юности»,— записали в книге отзывов старые большевики. А школьники с Полтавы словно почувствовали теплоту ленинских глаз, сердечность ленинской улыбки. «Этот светлый день запомнится нам на всю жизнь, обещаем вырасти достойными продолжателями великого дела Ленина»,— детским почерком вывели слова клятвы юные ленинцы.

В. КУЛИКОВ,
Б. ОЛЬШЕВСКИЙ

LENIN - WÓDZ
ZWYCIĘSKIEJ
REWOLUCJI

УЛЛУБИЙ БУЙНАКСКИЙ

Осенью этого года народы Дагестана отмечают семидесятилетие со дня рождения своего верного сына, героя гражданской войны коммуниста Уллубия Буйнакского.

Выросший в горах, Уллубий Буйнакский хорошо знал жизнь и нужды своих земляков. На революционный путь вступил он, будучи студентом Московского университета. Здесь он стал большевиком. В истории университета сохранились страницы, рассказывающие о том, как в начале 1911 года студенты объявили политическую забастовку против реакционной профессуры. Забастовку возглавила социал-демократическая фракция, в которой активную роль играл Уллубий Буйнакский. Царское правительство расправилось с бастовавшими студентами: более тысячи из них были исключены из университета, в том числе и Уллубий Буйнакский.

Летом 1917 года Буйнакский ведет партийную работу среди трудящихся Хамовнического района Москвы. Но из родного Дагестана шли тревожные вести: там создавался контрреволюционный союз духовенства, помещиков и буржуазии, пытавшихся задуть попытку трудящихся горцев добиться свободы. Осенью 1917 года Уллубий Буйнакский приезжает в Темир-Хан-Шуру, в самое логово врагов. Отсюда он направляется в Петровск-Порт, чтобы собрать и противопоставить контрреволюционному заговору вооруженные отряды рабочих, солдат и горской бедноты. Но город вскоре был захвачен националистами.

В апреле 1918 года на помощь трудящимся горцам Дагестана прибыли военная флотилия из Баку и крупный отряд рабочих из Астрахани во главе с Буйнакским, Буровым и Ляховым. Петровск-Порт был освобожден. Советская власть восторжествовала почти во всем Дагестане.

Однако на территорию Дагестана осенью 1918 года ворвались германские и турецкие войска, затем протянули сюда руки и английские империалисты. Уллубий Буйнакский через Астрахань направился в Москву. Вскоре под руководством С. М. Кирова был разработан план разгрома контрреволюционных сил в Дагестане. В марте 1919 года Буйнакский с группой товарищей вновь прибыл в Дагестан. Здесь были созданы ими подпольный областной комитет Коммунистической партии и военный совет. В нелегальных условиях за короткий срок была организована восьмидесятысячная Красная Армия, подготовлено восстание, но обком и военсовет внезапно были арестованы. Над коммунистами состоялся военно-шариатский суд. Уллубий Буйнакский и его товарищи были приговорены к расстрелу и казни.

На суде Уллубий Буйнакский сказал: «Я твердо убежден в победе Советской власти и Коммунистической партии и готов умереть за их торжество».

Народы Дагестана помнят и любят своего героя — коммуниста Уллубия Буйнакского, прозванного еще при жизни «Красным орлом». В его честь названа главная улица столицы Дагестана, а город Темир-Хан-Шура переименован в Буйнакск.

П. ЧУМАК

И НАДЕЦ

Рассказ

Альберто МОРАВИА

Рисунок А. ЛИВАНОВА.

Для тех, у кого работы нет, безработица — это одно, а для тех, у кого она есть, — совсем другое. Для безработного она, как болезнь, от которой ему надо поскорее избавиться, не то он помрет. А для того, кто работает, — это эпидемия, и он должен ее остерегаться, если не хочет заболеть, то есть стать безработным. Ну, а я могу считать всю свою жизнь, начиная с шестнадцати лет, одной сплошной болезнью с перерывами на то время, когда бывал здоров. Вот однажды утром, рассуждая об этом с другими малярами в вилле на шоссе Кассия, где мы тогда работали, я и сказал:

— Видно, на этом свете только чиновникам хорошо живется... Поступает такой чиновник на службу двадцати лет, работает до шестидесяти и уходит на пенсию... Никто его не увольняет, никто не твердит о кризисе... Он не боится, что его каждую минуту могут рассчитать. Да здравствует чиновник!

Услышав эти мои слова, Гаспарино, пожилой каменщик, заметил:

— Так что ж, значит, все должны стать чиновниками, и каменщики тоже?

— Конечно, все должны стать чиновниками.

— А ты знаешь, что бы тогда было? Теперь каменщиков берут на работу, чтобы строить дома, а тогда, наоборот, стали бы строить дома, чтобы дать работу каменщикам. А кто бы потом жил в этих домах? Каменщики?

Прямо, можно сказать, философский спор. Но он тут же прервался, потому что Энрико, один из наших маляров, вдруг веско заявил:

— Вот именно каменщики!

Мы все так и остались с открытыми ртами. А он, будто тут же раскаявшись в том, что сказал, отошел в сторонку и закурил. Вокруг все были люди простые, они смотрели на него и покачивали головой, словно говоря: «Да в уме ли он?»

А поскольку я уже давно приглядывался к этому Энрико и имел на его счет особое мнение, то немного погодя отвел его в сторонку и напрямик спросил:

— Скажи-ка, ты случайно не какой-нибудь переодетый шах персидский?

С видом превосходства он улыбнулся и, в свою очередь, спросил:

— Почему ты так думаешь?

А был он белобрысый, очкастый, узкоплечий. Я мог бы сразу его осадить, сказав, что маляры обычно ребята здоровые, профессия у них нелегкая, требует немалой силы. Но вместо того я просто сказал, что он не такой, как все. И тогда он открыл мне всю правду.

Он не маляр, он изучает общественные науки. Его отец — богач, ему принадлежит огромный магазин тканей на улице Национале. Но Энрико отцовских денег не желает. Он хочет жить собственным трудом, как мы, рабочие, хочет узнать до конца нашу жизнь и испытать все, что испытываем мы.

— С какой же это целью? — резко спросил я.

Он на минуту замялся, потом ответил:

— С целью изучения...

Я вспылил:

— Изучай ее сколько угодно, но одного тебе никогда не испытать, если даже ты заново родишься на свет.

— Чего же?

— Того, что испытывает безработный. Вот, скажем, закончив эту виллу, мы останемся без работы, так оно, вероятно, и будет. Что же получится? Я, как и другие маляры, окажусь на улице со всеми своими потрохами. А ты отправишься домой к своему папаше и будешь чувствовать себя еще лучше прежнего.

Все с тем же видом превосходства, который начинал действовать мне на нервы, Энрико немедленно ответил, что готов стать и безработным.

Я также не задержался с ответом:

— Молодец! Но для тебя это будет просто игра, как для ребят, которые играют в индейцев. А настоящие индейцы — это мы, настоящие рабочие, настоящие безработные. Ты же всегда будешь только изображать индейца, у тебя по-прежнему останется в запасе папаша со своим большущим магазином, и это будет поддерживать твой дух, даже если ты станешь подыхать с голоду из щепетильности. А дух для безработного — это все, милый мой!

На этот раз он не нашелся, что ответить, и с деланной непринужденностью пригласил меня выпить стаканчик вина. Я согласился, на том разговор и кончился.

Мы отделяли виллу, построенную на холме, недалеко от шоссе Кассия. Это была большая вилла. Окружавшую ее землю обрабатывала крестьянская семья, которая жила как раз у подножия холма. У этих крестьян я был всего несколько раз, но старшую дочь Ириде знал хорошо, потому что она сама частенько приходила на виллу, то принося нам вино или фрукты, а то еще под каким-нибудь предлогом. С виду Ириде можно было принять за городскую синьорину, однако нутро у нее было крестьянское. Была она, что называется, типичной итальянской девушкой: крутой, выпуклый лоб, круглые черные глаза, задранный вверх носик и красивый большой рот, в котором, когда она улыбалась, блестели мелкие белые зубы. Высокая, стройная, с длинной талией, полной грудью, с тонкими щиколотками и запястьями, она приходила к нам с бутылкой вина и стаканами. Переходя из комнаты в комнату, она угощала вином нас, маляров, работающих на подмостках. А не то усаживалась на подоконник — стульев в комнатах не было — и проводила с нами время, болтая о разных разностях.

Верите ли, в Риме она побывала всего два-три раза с родителями, и ей очень хотелось пожить там подольше, чтобы узнать городскую жизнь. Однажды в отчаянии она заявила мне:

— Придется мне на днях поступить в прилуки, чтобы распрощаться с этой пустыней.

Я ответил, что с ее внешностью она могла бы найти себе занятие получше. И тут же увидел, как она расцвела, полная надежды. Не теряя времени, я назначил ей свидание на вечер. Она согласилась, и так началась наша любовь.

Только не думайте, что Ириде была несерьезной девушкой. Она охотно встречалась со мной, но только так, как это принято в деревнях: на улице, у изгороди, в то время как мимо одна за другой проносились машины. Сколько я ни предлагал ей прогуляться по полям или посидеть где-нибудь на лужайке под деревом, она всегда отвечала:

— А зачем? Мне и здесь хорошо.

В общем, это была самая настоящая крестьянская девушка, из тех, что никому не доверяют. И я вспомнил, что видел немало крестьянских парочек, ведущих бесконечные разговоры у изгороди, вдоль проезжей дороги или хорошо проторенной тропинки. Пройди по такой дороге хоть через два часа, там все стоят те же парочки. И я, помню, еще удивлялся: о чем они говорят целыми часами? Теперь я знал: все это пустая болтовня, болтовня и еще раз болтовня.

Впрочем, надо сказать, что Ириде умела слушать, в этом нужно отдать ей справедливость. Казалось, ей никогда не бывало скучно. Она постоянно мило и приветливо улыбалась, закусив зубами травинку. А когда я приходил усталый, она умела подбодрить меня ласковым словечком. Так, проводя время в болтовне день за днем на шоссе Кассия или в лучшем случае на какой-нибудь людной тропинке, я рассказал все и о себе, и о своей работе, а за неимением другого, и о своих товарищах-малярах. Известно, как это бывает: желая позабавить Ириде, я рассказал ей об Энрико, о том, что он не настоящий маляр, как мы, что отец у него богат, что он работает с нами «с целью изучения». На это она ответила:

— Смотри-ка, кто бы мог подумать!

Только и всего.

Но через несколько дней она заметно изменилась. Я не мальчишка, женщин знаю, и такие вещи от меня не ускользают.

Сначала она стала какой-то другой, рассеянной, потом начала все реже приходить на свидания. Я чувствовал, что тут есть что-то, чего я не могу себе уяснить, но вскоре пришло и объяснение.

Однажды я в шутку спросил Энрико:

— Ну, как дела с изучением?

А он с сияющим видом ответил:

— Ты знаешь, есть на свете вещи, которые можно понять только с помощью женщин. Без женщины никакой опыт не может считаться завершенным, а я как раз и встретил женщину.

Я спросил, кто она, и тут же выяснилось, что это Ириде. Позднее, сравнив даты и выведав исподтишка кое-какие подробности, я установил также, что она закинула ему удочку в тот самый день, когда я ей рассказал, что у него богатый отец. Мне хотелось спросить, встречаются ли они только на шоссе да на людных тропинках или еще где, но не стал этого делать, потому что я человек ревнивый и не желал мучиться зря. Я только мрачно сказал:

— Учти, что все эти крестьянки себе на уме. Ты думаешь, она интересуется тобой просто так?

— А из-за чего же еще?

Тогда я не выдержал и сказал:

— Она знает, что ты богат, я ей рассказал об этом в такой-то день, в такой-то час. В этот же самый день она и закинула тебе удочку.

Случалось ли вам бывать в поле, когда надвигается гроза и тучи застилают солнце? Вот так потемнело лицо Энрико, узнавшего правду. Но он не сдавался.

— Я маляр и только! Может, завтра останусь без работы. Пусть берет меня таким, каков я есть, или отказывается...

— Она от тебя не откажется, потому что знает, что ты только изображаешь индейца, — ответил я уходя.

В тот же вечер я сказал Ириде:

— Имей в виду, что третий всегда лишний: либо я, либо Энрико.

— Что ты хочешь сказать?

— Делаешь вид, что не понимаешь? Значит, предпочитаешь Энрико. Тогда будь здорова.

Мы были, как обычно, на улице. Я ушел, и она меня не окликнула: выходит, попал в точку.

Я решил, что с этим делом покончено, и, право, меня это не так уж огорчило. Кроме всего прочего, мне ужасно надоела эта бесконечная болтовня. Я не крестьянин, и стоять часами на улице, подпирая изгородь, — такая любовь не по мне. Я начал работать с особым усердием, как настоящий маляр, только и думая, что о работе. И, как настоящий маляр, закончив покраску всех комнат виллы, я остался без работы, что нетрудно было предвидеть. Случилось так, что, ожидая в последний раз автобус у остановки «Гробница Нерона», я встретился с Энрико, который прохаживался по площадке. В шутку я сказал ему:

— Ну вот, настал момент, когда «изучения» недостаточно: я безработный по-настоящему, а ты изображаешь безработного. Как же будет с «изучением»?

Он ответил серьезно:

— Я тоже безработный.

Я едва удержался, чтобы не обругать его и не отлупить как следует, и только спросил:

— А Ириде? Как она отнеслась к твоей безработице?

— Ириде мне очень сочувствует... Она едет со мной в Рим.

— Ты на ней женишься?

— К сожалению, не могу. Я женат, хотя с женой мы давно разъехались. А с Ириде мы будем жить вместе.

Подошел автобус, и я сказал:

— Привет, Энрико! Будь здоров!

И вскочил на подножку. С тех пор я его больше никогда не встречал.

Год спустя, проработав все утро в одном доме на площади Морозини, я шел по улице Кандия и вдруг издали заметил стройную фигуру Ириде. Она шла медленной, усталой походкой с кошелкой в руке, останавливаясь около каждой витрины с недовольным видом человека, которому очень хочется что-то купить, да не на что. Я ускорил шаг, догнал ее и некоторое время следовал за ней по пятам.

Это была все та же Ириде, которая мне так нравилась, только усталая, плохо одетая, несколько опустившаяся. И тем не менее, тонкие черные завитки на ее нежном затылке с новой силой разбудили во мне прежнее чувство. Теперь она стояла перед витриной обувной лавки и задумчиво смотрела на белые туфельки. Я опустил глаза и понял, в чем дело. На ногах у Ириде были грубые туфли — да какие там туфли! — нечто совершенно бесформенное и бесцветное. Я подошел к ней вплотную и шепнул:

— Почему Энрико тебе их не покупает? Денег у него хватает...

Она обернулась с такой резкостью и злобой, будто оса ее ужалила. Но тут же меня узнала и без улыбки ответила:

— Как же! Купит мне их Энрико!.. Завтра!

— Что так? Ведь у него богатый отец.

— Да он и слышать не желает об отцовских деньгах. Хочет, чтобы мы жили на его заработки, а я была у него прислугой.

В общем, видно было, что девушка обижена всерьез. Она попросила проводить ее до дому. Я взял кошелку, и мы пошли вместе.

Она жила в квартире из двух комнат и кухни в скверном домишке одного из переулков, выходящих на улицу Кандия. Энрико привез сюда мебель, купленную еще в те времена, когда он был студентом. Мебель была из металлических трубок, голая, холодная; казалось, что находишься где-нибудь в амбулатории или в больнице.

— Это такая жадина, — сказала Ириде, вываливая на кухонный стол содержимое кошелки, — что и сказать невозможно! Я ему твержу: помирись с отцом, скажи ему, что тебе надо учиться, он тебя золотом осыплет. Куда там! Он отвечает, что для меня его отец не существует... Как бы не так! Существует, и еще как существует!

И она уселась лущить фасоль, широко расставив ноги, не произнося больше ни слова. Я подошел к ней и взял ее за подбородок, говоря:

— Уж тогда лучше бы тебе было встречаться со мной. Как ты думаешь, Ириде?

Она внимательно на меня поглядела и вновь начала рассказывать, будто я к ней и не притрагивался:

— И потом я всегда одна. Есть у него кое-какие приятели, но они с ним говорят о вещах, которые меня совсем не интересуют. За весь год мы раз или два были в кино. Я только и знаю, что плачу. Уродиной стала...

Я тем временем притянул ее лицо почти вплотную к своему.

— Разве это жизнь? — продолжала она. — Если так пойдет и дальше, я в один прекрасный день брошу его и вернусь домой... Там я тоже работала, как лошадь, но по крайней мере знала, что у моего отца никаких денег нет и ему нечего мне дать.

Теперь наши губы почти соприкасались.

— Ты же знаешь, Марио, что ты мне всегда нравился, — произнесла она едва слышно.

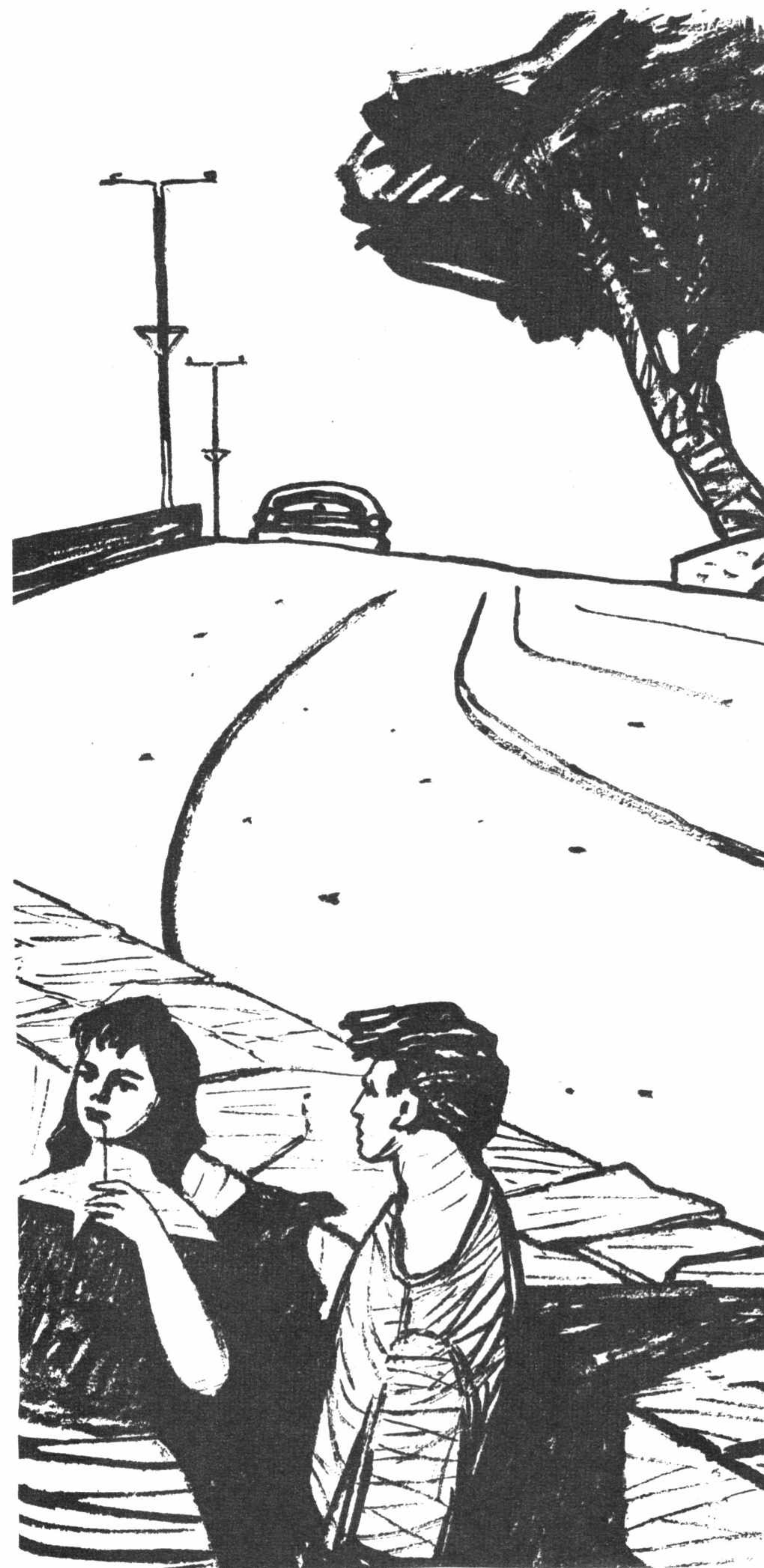
Ну, в общем, я сказал, что хочу на ней жениться, чтобы она собрала свои тряпки и отправлялась со мной. Поверите ли? Некоторое время она колебалась, опустив голову, ухватившись за изголовье кровати, как тонущий за обломок корабля. Колебалась она не из-за Энрико, а из-за его денег. Она на них рассчитывала, поставила на них свою жизнь. Ведь она была настоящей крестьянкой, и ей, конечно, трудно было отказаться от них окончательно. Наконец она решилась, но тут ее охватила злость. Она подошла к столику, на котором лежали книги и тетради Энрико, и одним движением смахнула их на пол. Потом принялась пинать эти книги и тетради, а когда обессилела, опустилась на стул и, закрыв лицо руками, разрыдалась.

Я понял, что она отказалась от всего, и этой своей искренностью она еще больше мне понравилась.

А позже она спокойно собрала свои вещи в чемодан, написала прощальную записку, разложила по местам книги и тетради, и мы ушли.

И если кто хочет нас повидать, приходите на улицу Вашеллари, где мы теперь живем. Сейчас я работаю, зарабатываю, сколько могу, и это настоящий заработок, без всяких тайных мыслей об отце, который мог бы меня содержать. Возможно, завтра я опять останусь без работы, и это будет настоящая безработица, тоже без всяких тайных мыслей. И если я покупаю Ириде туфли, то это хотя и скромные туфли, но настоящие, неподдельные, не суррогат тех, во много раз лучших туфель, которые я мог бы купить на деньги богача отца. В общем, мы с Ириде не играем в индейцев, как Энрико, мы и есть самые настоящие индейцы.

Перевел с итальянского С. Токаревич.

Хакимжан Наурзбаев работает над памятником Чокану Валиханову.

Фото Д. Ухтомского.

Садовники талантов

Н. ТОЛЧЕНОВА

1. Коробка с письмами

Хакимжан Исмаханович Наурзбаев, человек чрезвычайно вежливый и предупредительный, вдруг словно переставал быть интересным собеседником, когда речь заходила о нем самом... Не то, чтобы он вовсе умолкал или резко переводил разговор на другое, просто

не хотелось ему говорить о себе, вот и все. И вы не успевали даже заметить, как ваша беседа шла уже совсем не в том направлении, которое было бы вам наиболее желательно.

Похожий на студента-первокурсника в своей простой рубашке с короткими рукавами и сандалиях на босу ногу, казахский скульптор

целый день водил меня по раскаленной Алма-Ате, показывая то галерею, то мастерские Союза художников, то собственную строящуюся студию, то площадку, где к сорокалетию республики встанет «Абай» — тринадцатиметровая статуя работы Наурзбаева.

Небо над городом побелело от зноя. Прелестные вершины Ала-

Тау — Пестрых гор — стеной загродили горизонт, не пропуская ни малейшего дуновения ветерка. Асфальт обжигал ноги, и даже лениво журчащие арыки вопреки всем литературным традициям не несли с собою никакой прохлады... Зато дома у Наурзбаевых было прохладно и уютно, ветер шевелил белую шторку на окне... Пока я знакомилась с родными, с детишками Хакимжана, круглолицая приветливая жена скульптора Арсан уже разливала по чашкам чай — свежий, крепкий, душистый... Вероятно, невежливо было продолжать мучить хозяина и за столом всяческими расспросами, но чай вернул мне энергию. Тогда Хакимжан, колебавшись, достал папку с газетными вырезками, а потом принес из другой комнаты большую картонную аккуратно перевязанную коробку, вроде тех, куда упаковывают обувь. Коробка была битком набита письмами.

— Вот, — сказал Хакимжан. — Может быть, вам будет интересно.

Я наугад вынула первый попавшийся конверт. В нем оказался пакетик. На пакетике — надпись: «Ура! Со днем рождения!!!» Внутри пакетика — засушенный полевой цветок.

— Разве он не пахнет? — вдруг спросил Хакимжан.

Я старательно понюхала. Цветок не сохранил никакого запаха. Арсан мягко улыбнулась.

— А я чувствую: цветок душистый. Немного, конечно, — сказал сердито Хакимжан. Потом добавил: — Это все Ольги Николаевны письма. Моей учительницы...

Писем было очень-очень много. В нерешительности я взяла еще одно, написанное стремительным, размашистым, нервным почерком; оно занимало чуть не целый блокнот. Начав читать, я прочитала письмо до конца один раз, потом другой. Потом стала переписывать...

2. «Я живу твоей жизнью, Ака...»

«Ака, найди время, чтобы прочитать все, что я пишу, — только спокойно. Не злись и ни о чем другом не думай. Представь, что тебе все еще 17 лет и что ты сидишь в Харькове, в моей мастерской. Понял? Писать я тебе умею или много, или ничего. Много я не всегда могу. А сейчас я хочу с тобой по душам поговорить... Ачка, больше всего береги глаза. Как нужны глаза ученому! Глаза художнику! Я никогда не думала раньше об этом. Правда, я пыталась стать на место ослепшего человека, когда лепила по поэме Шевченко «Слепую» (она сейчас в музее, в Каневе). Мне позировала учительница, молодая совсем, — ослепла после скарлатины; я очень переживала за нее. И «Слепой kobзарь» (тоже в Каневе) принес мне такие же страдания. А теперь я все время мучаюсь за Бориса Павловича и тебе пишу, чтобы ты берег свое зрение. Знаешь ведь, как Борис Павлович терял зрение: лежа читал, наблюдал всю жизнь в телескоп звезды, вычислял, чертил... Не читай же мелкого помногу! Береги глаза, не утомляй их попусту, зря... Я знаю, когда ты волнуешься или устаешь, глаза краснеют. Акимка, поверь, родной, я тебе говорю от всего сердца: проверяй зрение у хорошего врача, носи летом очки, лежа читать ни в коем случае не смей!..

Вот я тебе сколько нотаций сразу прочитала. Зое бы надо тоже

прочитать: чертит день и ночь! Но она рассердится, а ты умница, будешь слушаться, да?

Теперь, Акимка, давай ухо! Так! Другое. Хорошо... Я бы тебя сейчас, как мальчишку, за оба уха выдрала. Почему ты редко пишешь отцу? Думаешь, что вышел из-под моего влияния? Себя забыл (в смысле здоровья), отца забыл!.. Куда это годится! Но я верю, что ты мне пообещаешь исправиться. Обещай, пожалуйста! Ты держишь обещания, я знаю.

Пообещай? Умница. Прощаю! И жду теперь еще одного: дневника творческих работ начиная с 1 марта. Я считаю. Март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь — 7 месяцев. За это время, работая в день по 3 часа, ты хорошо сможешь подготовиться к своей выставке. Успеешь? Ответь: да!

Успеешь без ущерба для большой общественной своей работы, без ущерба для педагогической работы со студентами, без ущерба для здоровья. Спокойно успеешь еще написать два письма в месяц папе и два мне.

Эскиз должен быть готов уже к 1 мая. А с мая по октябрь работа в глине. В «материале» сразу делать — это ерунда! Раньше надо в глине, в гипсе... А то, бывает, возьмут бронзу или глыбу мрамора, а скульптура никуда не годится! Вот.

Ака, ты не сердись: я ведь, как и раньше, живу твоей жизнью и не могу тебя не «попилить». Если я этого не сделаю, то кто же это сделает?.. Так что ты не обижайся, деточка.

О себе писать не хочется. Часто болею. Помнишь, в Алма-Ате начали ноги болеть? Тогда не лечила, а теперь жалею — хоть бы одну работу еще успеть сделать! Хочется Шевченко кончить... Акимка, значит, старость — это тоже не шутка, приходится беречь силы и рассчитывать их, а этого я никогда не умела. Зато сейчас требовательность к себе еще больше и строже...

Ака, пора и кончать письмо, да? А как я его кончу, когда я тебя еще «не догрызла». Надо бы еще погрызть немного насчет выставок! Но ты заруби себе на носу: будешь выставлять свою работу в Москве!.. Непременно...

Ну, хватит. Жду ответа поскорее!

...Несколько вечеров я читала письма Ольги Николаевны Кудрявцевой и слушала рассказы о ней.

Тут уж Хакимжан не скупился на слова!

3. Их первая встреча

Руки Ольги Николаевны чуть не до локтей были испачканы патиной. Кудрявцева работала над скульптурой, как всегда, в глубокой сосредоточенности; прикасалась к лицу статуи движениями легкими и такими бережными, будто статуя эта живая и все чувствует... Впрочем, кто ж ее знал, — может, и чувства уже были ей ведомы! Недаром же столь строго и вопрошающе смотрела она на замершего Хакимжана.

Присев на корточки, парнишка не шевелился, почти не дышал. Смутно догадывался он, что никак нельзя сейчас мешать этой чужой женщине с пышными, седеющими, коротко подстриженными волосами, которая молча творила на его глазах великое волшебство.

Овеянное скрытой печалью, ли-

цо Амангельды — узкое, худощавое, гневное — передавало настроение Ольги Николаевны. Даже очутившись в эвакуации, она не могла не лепить. Но все равно Кудрявцеву душила тоска, слезы подступали к горлу. Все родное, любимое, казалось, навсегда отняла война. Захвачена Украина. Пылает Сталинград...

Друзья прислали Ольге Николаевне газету с фотографией: знаменитый сталинградский фонтан разрушен, детские фигурки, резвившиеся вокруг бассейна, искорверканы немецкими бомбами. Как же любили сталинградцы свой «Хоровод»! И сама взыскательная Ольга Николаевна, вечно недовольная собою, считала эту работу удачной. Сразу видно было, до чего счастливы, беззаботны пляшущие мальчишки и десчонки...

— Да что горевать о пропавшей скульптуре, когда в горящих развалинах гибнут живые дети!

Кудрявцева устало выпрямилась, вздохнула, откинула мешающую прядь волос. И только тут оживилась, приподняла брови. Рассеянный, ушедший в себя взгляд скульптора упал на тщедушную, робкую фигурку подростка.

— Мальчишек, — ласково спросила Ольга Николаевна, — откуда ты? Зачем пришел ко мне?..

— Я тоже хочу так лепить, — ответил Хакимжан Наурзбаев.

4. Все проще и все трудней

Совсем недавно на родине Амангельды Иманова был установлен памятник работы заслуженного деятеля искусств Казахской ССР Хакимжана Наурзбаева. Кто-то из журналистов в связи с этим событием взволнованно описал, как любил Наурзбаев в раннем детстве слушать свист ветра над необозримыми тургайскими просторами. Будто бы чудилось мальчику далекое пение пуль, бряцание сабелей... Наслушавшись, бежал он скорее домой, хватал глину. Суровые аксакалы признавались потом отцу Хакимжана, что сразу могли бы узнать дорогой их сердцу облик Амангельды в глиняных фигурках, вылепленных одаренным ребенком.

Увы, все было гораздо проще в жизни казахского ваятеля! И все было гораздо труднее. И меньше всего нуждалась в домысле его биография. Ибо суровое и прекрасное уживалось в ней рядом.

Глиняные игрушки Хакимжан действительно начал делать очень рано, стараясь позабавить младших сестреноч, неутешно горевавших после смерти матери. В школе пробовал придавать комку глины сходство с головой Джамбула, Пушкина, Горького... Раскрасив акварелью свои работы, показал их учителю. Тот похвалил и сказал, что пошлет фигурки в район.

Когда началась война, Хакимжан школу бросил, пошел пасти колхозный скот, потом стал молотобойцем в кузнице. Однажды к нему примчались запыхавшиеся ребята: Наурзбаева вызывают в Алма-Ату, прислали машину!

В Алма-Ате Хакимжану показали его собственное изделие — маленького Джамбула.

— Это ты лепил?

— Я...

— Хочешь учиться? Надо учиться!

Подросток был изумлен: чему тут учиться, подумаешь! Но лепить

ему нравилось. Он согласился. А увидев, как работает Кудрявцева, задохнулся от восторга.

Ольга Николаевна предложила своему будущему ученику:

— Сделай из глины все, что захочешь. Завтра я приду взглянуть на твою работу.

Маленький домик, который и сейчас стоит на берегу каменистой, шумной Алма-Атинки, назывался интернат. Хакимжану здесь дали глину; он работал всю ночь и весь день, тесно уставил подоконники своими человечками; они бежали, прыгали, медленно поднимались в гору.

Посмотрев человечков, Ольга Николаевна сказала, что будет работать с Наурзбаевым в течение года. А через год она написала отчет. Черновик этого документа, датированный 9 июля 1944 года, тоже хранится у Хакимжана. Кудрявцева настаивала на дальнейшей учебе юноши, и осенью Наурзбаева отправили в Москву, в архитектурный институт.

Теперь Хакимжан понимал, как много нужно ему знать; он ехал с готовностью. Но его не приняли: не хватало справки об окончании 10-го класса. Приемную комиссию смутило и то, что левый глаз юноши был еще в младенчестве серьезно поврежден. Оставалось одно — смириться... И тут Хакимжан восстал: «Не поеду обратно!..» Он устроился в институт помощником кочегара, здесь же встал на учет в комсомольскую организацию; в свободные часы посещал лекции и лепил, лепил, лепил...

Хакимжана зачислили на подготовительное отделение. А еще через год Ольга Николаевна вернулась на родину, в Харьков, и вызвала к себе Наурзбаева.

В Харьковском художественном институте все были друзьями Хакимжана. Все помогали ему, видя его незаурядный талант.

Но формирование таланта происходит не только в учебные часы, а во всякое время жизни. Талант постоянно нуждается в серьезном наставнике, терпеливом и вдумчивом советнике, веселом ровеснике и друге...

Все это Хакимжан нашел в семье Кудрявцевой.

5. Доброта — это сила

Квартиру Кудрявцевой в Харькове я нашла быстро. Ольга Николаевна сама открыла мне дверь. Она работала над новой скульптурой, и руки ее, конечно, были в патине!.. Я очень обрадовалась и сказала ей об этом. Мы обе засмеялись и сразу почувствовали себя друзьями.

— Ну, что Аким? Как он выглядит? Не слишком ли переутомляется?.. Вы видели его «Абая»? А эскиз «Чокана Валиханова»?.. А как ребятки? Неужели Арсан ждет третьего? Дом свой они еще не достроили?..

Вопросы сыпались градом. Я едва успевала отвечать. Потом с работы прибежала обедать Зоя — молодой архитектор, дочь Ольги Николаевны, названная сестра Хакимжана. Мне пришлось все повторить сначала.

— Мама, был бы жив наш Мурочка, как порадовался бы теперь на Акимку! — сказала Зоя.

В ее голосе были и печаль и радость...

С детских лет, едва начав говорить, Зоя упрямо звала Мурочкой своего отца, известного астроно-

ма Бориса Павловича Остащенко-Кудрявцева, доктора физико-математических наук. Тонкое, умное лицо его с пристальным взглядом сквозь очки смотрит на меня в этой квартире со всех стен. Человек удивительно разносторонний, великолепный музыкант, знаток искусства, Борис Павлович сделал все, чтобы помочь жене стать настоящим крупным художником, скульптором. И когда Ольга Николаевна принялась воспитывать Хакимжана, словно родного сына, Борис Павлович воспринял это с глубокой сердечностью: он и сам был отцом для всех своих учеников.

По вечерам у Кудрявцевых обычно устраивались интересные домашние чтения. Борис Павлович рассказывал о своих бесчисленных путешествиях, занимался с Зоей и Акимкой иностранными языками. Сам же он старательно учился у Акимки казахскому языку, делая большие успехи.

— И я говорила по-казахски, только теперь забывать стала, — рассказывает Зоя. — Недавно приезжал к маме кто-то из учеников Хакимжана, пробовала я с ним поговорить, да не получилось.

...Ученики Хакимжана! Тягчайшим, незамолимым грехом считалось у казахов изображение человека в рисунке, живописи, ваянии. Первый скульптор-казак, коммунист Наурзбаев, едва вернувшись из Харькова в Алма-Ату, добился организации в художественном училище скульптурного отделения.

Из своих поездок по областям республики Хакимжан Исмаханович часто возвращается не один. Привозит с собою одаренных людей, будущих художников. Бывает так, что они находят в квартирке Наурзбаевых и дом и стол. И всегда встречают душевную теплоту.

А как только пооглядятся, оперятся хоть немного в искусстве, обязательно посылает их Хакимжан погостить в Харьков, к Ольге Николаевне. Чтобы и перед ними еще шире приоткрыли двери в необъятный мир творчества ее добрые и щедрые руки.

«Арсан». Портрет жены Х. Наурзбаева. Одна из последних работ скульптора О. Н. Кудрявцевой.

ВХОДИ В НАШ ДОМ, НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

Проф. А. ГОНЧАРОВ

ЗАМЕТКИ С ВЫСТАВКИ

Повесить картину так, чтоб зритель мог оценить все ее достоинства, поставить скульптуру удобно для осмотра... Только ли этим занимается художник, оформляющий выставку? Ну, конечно, нет! Каждая выставка — это своего рода фильм с последовательно разворачивающимися кадрами. Только зритель сам идет навстречу кадрам.

Если все экспонаты плоско расположить на стенах, то зритель быстро устанет от осмотра. А чтоб он не уставал, надо предоставить ему возможность «двигаться сложно». Пусть он переходит из маленьких залов в большие, встречается то к высокому помещению, то низкое, то узкую комнату, то широкую...

Художники продумывают композицию всякой выставки с таким расчетом, чтобы интерес посетителей к ней не остывал. Говорю же я об этом потому, что сейчас в любом городе нашей страны — да и не только нашей — устраивается очень много выставок. Умение подать, красиво организовать всю композицию экспонатов чрезвычайно важно!

Когда я отправился на выставку художественных промыслов РСФСР, которая была расположена в Центральном выставочном зале (бывшем здании Манежа), то уже с первого взгляда отметил отличное пространственное решение интерьеров. Я это отметил как профессионал, а зритель, не вдаваясь в такие тонкости, просто с интересом, весело и легко следовал по пути, заранее намеченному художником.

На первых стендах зрителя встречали куклы, нарядно одетые, красивые. Это его сразу заинтересовывало, развлекало. Затем экспозиция ковров. А после этих залов располагались небольшие интерьеры жилых комнат. Здесь каждая деталь убранства воспринималась как практический, наглядный совет художника. И все эти советы очень полезны: вот как красиво, оказывается, могут сочетаться в нашем доме предметы народного творчества с современной, очень простой, даже несколько сухой по форме мебелью, как органично вписываются в современный строгий интерьер настенные тарелки, заонежские вышивки, яркие череповецкие хлопчатобумажные ткани, шерстяные воронежские пледы, гжельская керамика...

В залах загорской игрушки веселились не только дети. Здоровенному кукарекающему красавцу петуху улыбались и взрослые. Все это было куда лучше, занятнее даже самых хороших витрин магазина игрушек. Здесь не было традиционных ушастых зайцев, лохматых кошек и мишек, кукол, с рождения бледных, каких-то выгоревших и старообразных. Нет, одни только новые, яркие, недавно придуманные загорскими мастерами игрушки, по-современному выразительные.

Вошли в зал керамики... Здесь на плетне развешаны глиняные, еще не обожженные кувшины и горшки. Рядом, в центре зала, — станок, а по стенам и на стендах — красивые керамические изделия артелей.

В экспозиции — большие портреты художников. Мне было очень приятно их видеть. Фамилия художника кино написана в титрах; театрального декоратора — в программке спектакля, иллюстратора — на последних, а то и первых страницах книги. Но ни на вазе, ни на кружевах или гардинах, ни на игрушках или декоративных расписных тарелках вы никогда

не увидите имени художника. Прикладники, как никакие другие художники, пребывают в неизвестности. А ведь их труд и талант, их вкус и творческая фантазия служат нам верой и правдой каждый день, не изменяя ни в будничной, ни в праздничной жизни!

Многие вещи прикладного искусства мы привыкли рассматривать лишь как возможные подарки друзьям, сувениры гостям, приезжающим из-за границы... Но именно здесь, на выставке, родится отчетливое желание использовать многие вещи утилитарно, **ввести их в нашу повседневность**, включить в постоянный уклад своей жизни.

Кстати, о том, чтобы этими произведениями не только любовались, но и брали их на обслуживание, заботятся многие работники художественных промыслов. Мастера Хохломы предлагают свои расписные изделия домашним хозяйствам. В красивых банках, которые сделают кухню нарядной, можно держать крупы. Небольшая вазочка своим веселым бликом оживит всю комнату, а яркий мебельный гарнитур для ребят украсит детский уголок. Женщины радостно приглядываются и еще к одному изделию хохломских художников — к пуговицам: они могут декорировать самые разнообразные наряды.

О нашем быте, о современном убранстве квартир, о новом стиле архитектуры и мебели думают художники митрохинской артели «Ткацкий станок». Их декоративные ткани красиво и органично располагаются в современных интерьерах. Хороши работы артели «Керамика» Свердловской области! Этот довольно молодой художественный промысел выпускает продукцию, отмеченную вкусом и выдумкой...

Но не все то, что экспонировано на выставке, я мог бы с чистым сердцем советовать приобрести. Не случайно, конечно, в интерьерах на выставке отсутствовали аляповатые ковры с двумя-тремя огромными цветами, заполняющими все двухметровое поле. Не было и расписных шкатулок. Художники почувствовали, что все это грубо, допотопно. Много было и красивых, отлично решенных декоративных ковров, с подлинно народным орнаментом. Никогда никому не надоеет любоваться творениями ковровщиков Дагестана.

Правда, кое-где — в оформлении книги, в архитектуре, например, — мы уже «отбиваемся» от орнамента; долгое время им злоупотребляли, и, если позволено будет так сказать, все им объелись. Но явствует ли из этого, что орнамент умирает? Конечно, нет! Народный орнамент можно интересно использовать в обоях, в мебельной обивке...

В свое время полагали, что жить красиво — это значит жить пышно. И в комнатах была масса резной, полированной, инкрустированной мебели, громоздкие люстры, огромные ковры и коврики, тяжелые, многоскладчатые занавеси на окнах и дверях. Стены заполнялись картинами в больших разукрашенных рамах. Все это должно было производить впечатление особого изобилия.

В наши дни понятие о красивом убранстве жилого — да и служебного — помещения совершенно иное. Мы ищем красоту и хороший вкус не в количестве вещей, расставленных в комнате, а в строгих сочетаниях их форм, материалов, цветов. Мы избегаем теперь витиеватых лепных потолков и карнизов. Для нас привлекательнее мебель совсем простая, но удобная. Отказавшись от темных, «сильно узорча-

тых» обоев, для которых время шумного успеха давным-давно прошло, новосел предпочитает им светлые, спокойные и ясные по тону и рисунку. Художники ищут самые простые сочетания в окрасках комнат и коридоров, основанные на контрастах или на совмещении цветов. По этому же принципу могут быть подобраны и обивка мебели и занавеси. Причем в комнате со светлой, спокойной окраской стен занавеси и обивка могут быть полосатыми, клетчатыми, очень яркими. Простая и со вкусом окрашенная вазочка, помещенная на небольшой полке, иной раз лучше украсит комнату, чем тяжелый, дорогой ковер.

Обо всем этом надо рассказывать людям: они хотят жить красиво!

Ясность и простота — вот эстетическое требование нашей эпохи. Ибо стилю сегодняшнего дня нашей социалистической действительности чужды пустое украшательство и старомодная пышность; в оформлении всех вещей нашего быта должны господствовать предельная гармония и целесообразность.

Хочется подчеркнуть еще раз одно из самых главных достоинств выставки — большинством художественных промыслов верно найден и выдержан этот стиль. Большинство, но не всеми. Я задаю себе вопрос: не слишком ли застыло в своей стилизации искусство палешан?

Было время, когда работы палешан являлись для нас чуть ли не единственным образцом народного творчества. Сейчас у палешан столько сотоварищей по художественным промыслам и они так искренне, темпераментно ищут и поэтому удачно находят новые формы, новое жизненное применение своим творениям, что далеко не все творчество палешан мы стали принимать как безупречное. Живые формы русского древнего живописного искусства, высоко поднятые и доведенные до совершенства гением Андрея Рублева, в дальнейшем стали превращаться в каноны. Вот эти канонические формы, взятые палешанами, видимо, и сковывают их творческие поиски. А ведь палешане искренне стремятся как-то по-своему приблизиться к сегодняшней жизни!

А если сразу после выставки да пройти в магазин, то из того, что вы только что видели, проще всего купить палехскую шкатулку. Не потому, что она дешевле, а потому что их много и они дорогие. Купить же, например, дешевую и красивую детскую мебель с росписью хохломских мастеров — задача куда труднее: таких декоративных вещей не хватает. На них большой спрос. И пока что они, увы, так и остаются лишь экспонатами выставки...

Конечно, спрос покупателей неминуемо должен подтолкнуть развитие определенных отраслей художественных промыслов. Поэтому-то хорошую, полезную выставку художественных промыслов надо показать во многих городах Советского Союза, познакомить с ней самые широкие слои населения.

Такие выставки — активные борцы с остатками мещанства, дурного вкуса, которые еще прячутся за пресловутыми семью слонами и геранями на окошках.

Интерьер двухкомнатной квартиры. Автор проекта — художник В. Г. Пейда. Оформлен изделиями артелей промысловой кооперации РСФСР.

Фото Г. КОПОСОВА.

РАЗДУМЬЯ О ЖИЗНИ

Новый роман А. Чаковского «Дороги, которые мы выбираем» никого не оставит равнодушным. Полемика, развернувшаяся вокруг недавно вышедшей книги, — бесспорное доказательство этого.

В центре повествования образ Андрея Арефьева, известного читателю по повести «Год жизни». Андрей замечает, что работа на строительстве туннеля в Тундрогорске с некоторых пор стала идти «на холостом ходу». Чувство ответственности за порученное дело, горячая вера в то, что сейчас «перед всеми нами открылось огромное поле деятельности», помогают Арефьеву найти выход из тупика.

В романе раскрыта борьба новаторов, людей вдохновенного труда, с приспособленцами, изворотливыми бюрократами и демагогами. Предложенный Арефьевым новый проект строительства туннеля встречен в штыки. Против него ополчаются те, для которых главное не работа, а собственное благополучие и спокойствие.

Но в трудную минуту на сторону Арефьева встают верные друзья. Это минералог Ирина Волошина, горячо полюбившая Андрея за его стойкость и прямоту; увлеченный до самозабвения поэзией главный инженер Григорий Орлов; секретарь обкома Баулин. Эти люди на деле стремятся претворить в жизнь решения XX съезда партии. Они протягивают Арефьеву руку, помогают ему сохранить веру в человека.

Повествование в романе ведется от первого лица. Это помогает писателю непосредственно показать жар сердца своего героя, эмоциональный накал борьбы, развернувшейся в Тундрогорске. Такая форма романа позволила А. Чаковскому вложить в уста героя важные

существенную ошибку — он подошел к роману А. Чаковского с априорным критерием, с некоей предвзятой мерной романа-исповеди...» Далее М. Кузнецов признает, что «Дороги, которые мы выбираем» — это «роман о мужестве и стойкости гвардейцев трудового фронта, о новой морали, здесь справедливым гневом исполнены страницы, направленные на тех, кто хотел нажить на партийной критике культа личности гнилой мещанско-буржуазный капиталец...». Спрашивается: если все это действительно есть в романе, то как может критик тут же, с такой же, как у Буртина, предвзятой мерной рассуждать о «сухости» и «ненастоящем успехе» романа! Лучше просто признать, что «существенную ошибку» допустил не только молодой критик Ю. Буртин, но и опытный М. Кузнецов.

«Дороги, которые мы выбираем» — произведение о наших днях, о наших современниках. Книжки, подобные роману А. Чаковского, помогают осмыслить и прочувствовать своеобразие нашего великого времени.

Е. КАРПОВ

А. Чаковский. Дороги, которые мы выбираем. Роман-газета. Гослитиздат. Москва, 1960.

Беседы с верующими

«Да, я, профессор кафедр священного писания Ветхого завета и древнееврейского языка ленинградских православных духовных академии и семинарии, бывший их инспектор, магистр богословия и протоиерей, порвал с церковью и религией», — так начиналось письмо А. Осипова в редакцию газеты «Правда», напечатанное 6 декабря 1959 года.

Автор получил много писем. Советские люди горячо приветствовали решение бывшего профессора богословия. Но были письма и другого характера: одни — с вопросами от тех, кто еще бродит в тумане религии, другие — злобные, враждебные, угрожающие.

«Мой ответ верующим» — так назвал А. Осипов свою брошюру из «Библиотечки атеиста», выпускаемой Лениздатом. Книжка является ответом на мутную клевету и кликушеские воздыхания ревнителей религии.

В брошюре три раздела. В первом А. Осипов отвечает авторам клеветнических писем и анонимок, во втором, на основе критического анализа откликов, присланных ярыми защитниками религии, показывает лживость и несостоятельность церковников. В ответе доценту Ленинградской духовной академии Г. П. Миролюбову автор ставит и такой вопрос: смеет ли понявший пустоту религии молчать об этом? И отвечает: «Заблуждался я, заблуждаетесь вы, заблуждаются многие хорошие, но верующие еще люди. Да, не прям и не прост путь к истине! И не сразу дается познание... Но тем больше ответственности ложится на плечи тех, кто что-либо познал и понял. Они должны передать свое понимание другим, кто еще в пути, кто еще ищет или не начинал искать».

Навсегда ушел из царства тьмы и ученик А. Осипова, бывший священник П. Кузин. Его брошюра «Почему я снял сан священника» тоже входит в «Библиотечку атеиста». Автор рассказывает о долгих годах идейных блужданий и ошибок, о трудном пути к истине.

Сейчас П. Кузин работает на заводе. «Каждый день, — пишет автор, — иду на работу вместе с товарищами, и дышится мне как никогда легко, свободно. Я счастлив. И очень, очень жаль мне десятилетий, зря потраченных

на религию. Сколько полезного мог бы я сделать за это время!»

Большой интерес как для верующих, так и для атеистов представляют и другие книжки библиотечки: «Советская наука против религии», «Реакционная сущность баптизма», «Происхождение религиозных праздников»... Разные авторы, разные темы... Вот брошюра кандидата исторических наук К. Воропаевой «Священные книги и кто их написал». Автор увлекательно рассказывает о так называемых «священных книгах» — Библии, талмуде, Коране.

«Библиотечка атеиста» Лениздата может служить примером атеистической пропаганды.

В. МОРЕВ

ГОРОД РУССКИЙ — МАЛОЯРОСЛАВЕЦ

В Калужском издательстве вышла книжка «Малоярославец», посвященная 550-летию города. Написали ее редактор малоярославецкой газеты В. Беспалов и местный учитель-краевед А. Дмитриев.

Это первая книжка за последние пятьдесят лет, посвященная Малоярославицу — русскому городу, славному своей историей. В книжке рассказывается и о событиях прошлого и о том, как живет и растет нынешний Малоярославец.

Такие книги очень нужны; они живое свидетельство любви советских людей к своему городу, своему краю; они ценны как справочники для туристов, интересующихся жизнью и историей маленького русского города.

Н. НИКОЛАЕВ

Юность революционера

«...Они увидели сверху только длинную серую тень, ползущую по дороге, но вскоре можно было уже рассмотреть отдельные фигуры и даже лица». С этого начинается новая повесть Ирины Гуро «Путь сибирский дальний». Серая тень, ползущая по дороге, — колонна каторжников, политических арестантов; «они», мальчишки Кеша и Миней, — будущие борцы за свободу народную. Миней — тот, кого впоследствии станут называть Емельяном Ярославским. Книга посвящена его революционной юности, деятельному участию в подпольных марксистских организациях Забайкалья.

Писательница держит в поле своего зрения все, что окружало Миней, как революционера, все, что необходимо было ей для исторически убедительного рассказа о тревожных годах, предшествовавших первой русской революции.

В повести действуют рабочие, солдаты, прогрессивная интеллигенция, жандармы, сыщики и даже «сам» чининский губернатор Федоровский. А в центре повести — аптекарский помощник Миней, один из самых энергичных работников революционного подполья Сибири.

Эпизоды тяжелой борьбы с самодержавием И. Гуро изображает жизненно, просто, без налета нарочитого приключенчества, чем нередко грешат иные авторы историко-революционного жанра.

Скучно, но точно рассказывается о нежной дружбе между Минеем и Таней, братом и сестрой, о несостоявшейся любви Миней и Сонечки Гердрик, которую увел от Миней стремление к сытой, обеспеченной жизни.

Несколько опрошенными и как-то очень уж привычными выглядят в повести владелица золотых приисков вдова Тарутина, продавший охране подленький табельщик Удавихин и жандармский ротмистр Билибин, излагающий начальству от своего имени известные идеи полковника Зубатова о передаче «защиты» рабочих интересов охранному отделению.

К недостаткам повести следует отнести и некоторую фрагментарность. Действие часто распадается на отдельные картины. Хотя книга заканчивается апрелем 1906 года, о русско-японской войне, существенно повлиявшей на развитие революционных событий в

Сибири, говорится вскользь, так же как и о начале чининского восстания зимой 1905 года. Правда, Миней и

тому времени уже выехал из Читы, но тогда следовало и повесть завершить несколько ранее.

В целом же «Путь сибирский дальний» — несомненная удача писательницы, это очень нужная книга.

С. САРТАКОВ

ЛЮДЯМ ДВАДЦАТОГО ВЕКА

Книга Петроса Антеоса «Улыбка Греции», вышедшая в Издательстве иностранной литературы, сосредоточивает наши мысли и чувства на самом главном, что необходимо людям середины двадцатого века. Энергичная поэзия Антеоса вводит в широкий мир борьбы, надежд и устремлений всего человечества. И очень важно, что эти стихи и чувства на самом главном, что необходимо людям середины двадцатого века. Энергичная поэзия Антеоса вводит в широкий мир борьбы, надежд и устремлений всего человечества. И очень важно, что эти стихи и чувства на самом главном, что необходимо людям середины двадцатого века.

В подтверждение этого можно было бы привести немало стихотворных цитат. Но хочется, чтобы читатель сам взял в руки интересную книгу Петроса Антеоса и убедился в правоте наших слов.

Г. СОЛОВЬЕВ

250 веселых книжек

На днях произошло одно весьма знаменательное для сатиры и юмора событие: увидела свет двухсотпятидесятая книжечка библиотечки «Крокодила». Это своеобразный рекорд в русской юмористике.

Издание библиотечек при сатирических журналах — давняя традиция. До революции, например, большой популярностью пользовалась библиотечка «Сатирикона», выдержавшая около ста двадцати выпусков. Существовали периодические серии в 20—30-х годах. Их выпускали журналы «Бегемот», «Смеяч», «Чудан». Несколько выпусков сделал и «Крокодил», но регулярно издаваться библиотечка стала после войны.

Коллекционеры, которым удалось собрать все 250 книжек, могут гордиться: у них в руках полная послевоенная история русской сатиры и юмора. Кроме того, «крокодилады» знакомит читателей с юмористами братских республик, с зарубежными писателями и карикатуристами. Многие ныне известные сатирики издали в этой серии свои первые книжки. На юбилеях иногда разрешается и дружеская критика юбиляра. Мне хочется воспользоваться этим правом. В отборе материала для библиотечки допускаются, на мой взгляд, один просчет: книжки состоят, как правило, на три четверти из материалов, уже опубликованных в «Крокодиле». Эта практика, несомненно, полезна для авторов, но не особенно радует любителей юмора, которые регулярно читают «Крокодил», выходящий, кстати сказать, тиражом большим, нежели библиотечка. А ведь сатириковцы на каждой книжечке печатали анонс: «Выпуск состоит из рассказов, которые в журнале «Сатирикон» не печатались».

Борис ПРИВАЛОВ

раздумья о жизни, о людях, о партии. Кое-кому роман показался суховатым, рассудочным. М. Кузнецов, например, в сентябрьской книжке «Нового мира» признает односторонность статьи Ю. Буртина в «Литературной газете» о романе Чаковского. «Действительно, — пишет Кузнецов, — молодой критик Ю. Буртин допустил суще-

На вкладки:

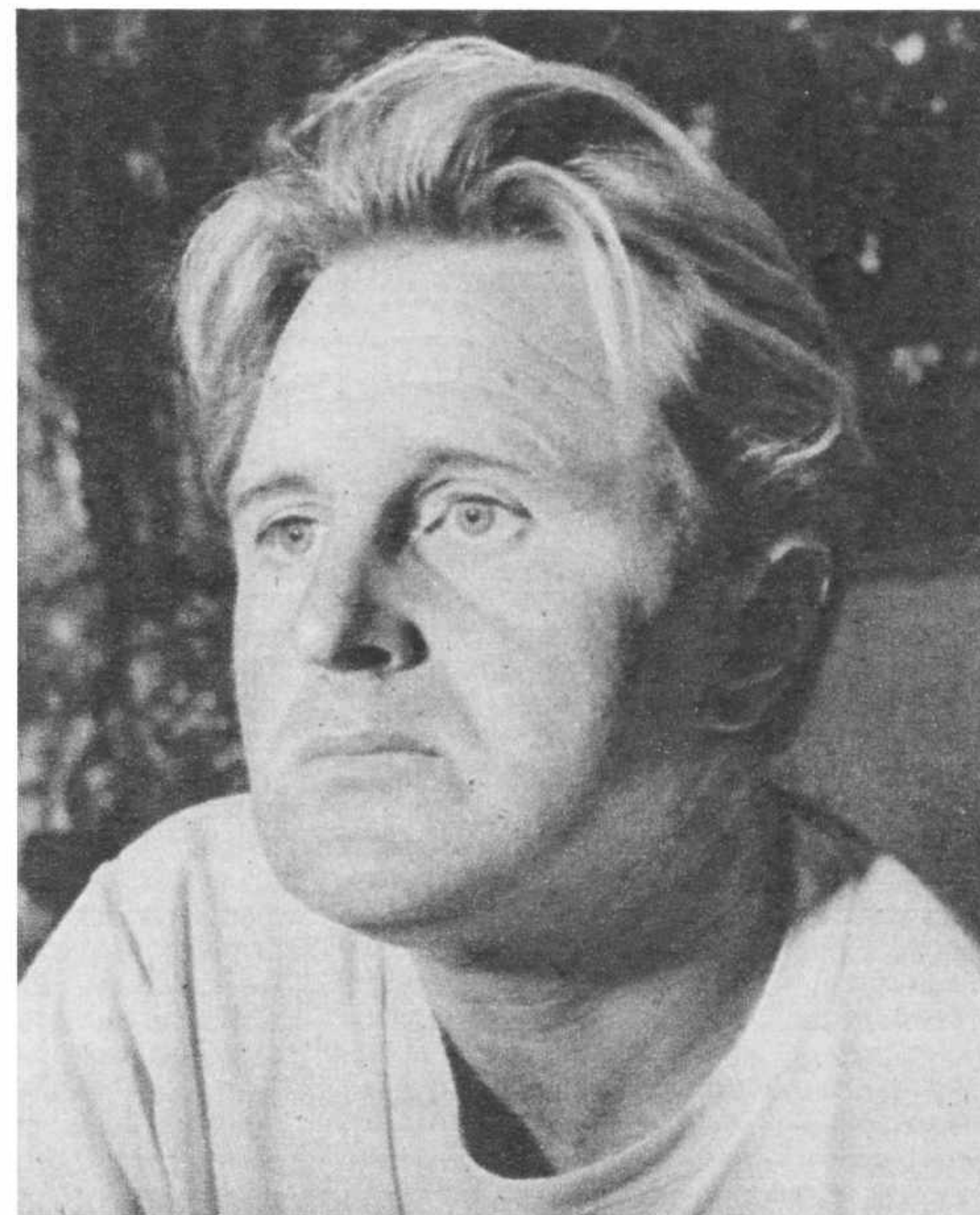
Декоративные блюда. Они изготовлены городецкой артелью «Стахановец». Художник — З. А. Архипова.

Глиняные игрушки. Работа мастера А. Г. и А. И. Карповых из деревни Филимоново, Тульской области.

Неудачник Юра

Джеймс ОЛДРИДЖ

Очерк написан для «Огонька» летом этого года, когда писатель отдыхал на Черноморском побережье.

Джеймс Олдридж.

Впервые я встретился с Юрой в жаркий день у отмели реки, в том месте, где она впадает в Черное море, в Архипо-Осиповке. Это вольное место у каменистого речного ложа я облюбовал потому, что никогда не был в восторге от так называемых медицинских пляжей, которыми славятся большие санатории. Мне всегда казалось, что на пляжах кто-то сортирует людей, как пакеты на почте: мужчин — в одну сторону, женщин — в другую. Я предпочитаю дикие местечки, где мои сыновья могут вволю пошуметь и побегать, не задумываясь над всякими условностями, свойственными взрослым, — ребятам хватало этого и в Лондоне.

Мальчики самозабвенно возились с гребной лодкой, взятой в Архипо-Осиповском санатории, а я полулежал под навесом из парусины, который сам соорудил от солнца, и что-то писал в блокноте. Вдруг я услышал чьи-то широкие, тяжелые шаги, от которых грянула речная галька. Мне даже почудилось, что земля слегка содрогалась.

Я не поднял глаз: я был занят. Я продолжал писать и тут же забыл о прохожем, но вдруг почувствовал, что шаги замерли прямо возле меня. Оглянувшись, я увидел огромного парня, метра в два ростом, вежливо остановившегося на некотором расстоянии. Сложения он был могучего — в пору морскому пирату. На голове белая войлочная шляпа. Мешковатые штаны, яркая в клетку рубашка. Все это как-то было ему под стать: вид у парня был такой, словно он только что небрежно присел на край кратера вулкана и ждет, когда начнется извержение, если только вулкан того пожелает. А ему, парню, это нипочем!

Он опустился на землю и стал разглядывать не столько меня, сколько мое ружье для подводной охоты, которое я прихватил с собой в надежде добыть парочку кефалей. Он все так же вежливо молчал, стараясь не помешать мне. Я протянул ему ружье, чтобы он смог его рассмотреть поближе. Мы стали сравнивать наше снаряжение: мое французское ружье, его русское, маски, ласты, гарпуны.

— О'кэй! — сказал он и поднял вверх большой палец.

Мы разговорились. Голос парня

и его движения напоминали маленькие вулканические толчки — видно, большой вулкан, на краю которого он сидел, еще не собрался заговорить. При этом в парне не было ничего вызывающего, все получалось у него как-то естественно, непреднамеренно.

Я плохо говорю по-русски, но смысл всех этих коротких словесных взрывов был мне понятен:

— Хорошо! Плохо! Вниз! Глубже! Есть! Промаях! Гарпун — в камень!

Подводным охотникам, собственно, и не требуется больше слов. «Есть» и «промаях» — вполне международные понятия для этого сорта людей. Когда наше взаимное любопытство было удовлетворено, он встал и сказал, старательно сокращая для меня русские фразы:

— Там. Дальше. Много рыбы. Два километра. Кефаль. Во!

— Жаль. Мне надо работать.

— О' кэй! — сказал он и тряхнул мою руку. — Я пошел!

Он надел рюкзак, взял ружье и зашагал вдоль берега речки, теперь уже похожий не на вулкан, а на первооткрывателя, которому сущие пустяки пробираться сквозь джунгли Южной Америки.

После этого я часто видел его могучую фигуру, маячившую у далеких ручьев, но все больше издалека, в какой-нибудь особенно знойный день, когда жара доводила обитателей этих мест до полного изнеможения. Иногда он пел, сдвинув на затылок широкополую шляпу и не выпуская из рук подводного ружья. Я еще не знал тогда его имени, и мы издали приветственно помахивали друг другу рукой. Во мне все росло убеждение, что его призвание — всегда быть энтузиастом того, что он делает. Глядя на него, я чувствовал себя еще более ленивым и вялым в тени, с моим пером, медленно ползущим по бумаге.

Однажды врач санатория Георгий Петрович устроил для меня и моего сына Вильяма прогулку по морю с местными рыбаками, чьи домики, сети и большие зеленые баркасы были неотъемлемой принадлежностью пейзажа в устье реки.

Нам дали в санатории две весельных лодки, мы погрузили в них продовольствие и снаряжение и спустились по реке вниз, к тому месту, где нас дожидались рыбаки со своим моторным баркасом. И вдруг среди рыбаков я

увидел моего вулканического незнакомца: он, видимо, был с рыбаками на короткой ноге. Меня познакомили с ним, вернее, он просто потряс мне руку с таким видом, будто от этого рукопожатия зависела судьба мира.

— Юра, — назвал он себя.

Имя было в самый раз, оно довершало его портрет...

Наша экспедиция двинулась вперед — две наших лодки на длинных буксирах шли за большим зеленым моторным баркасом. Юра сидел на носу баркаса, всем своим видом показывая, что готов каждую секунду нырнуть в море. Теперь на нем были красные купальные трусы, голову украшала белая в красную полоску шапочка. Он обрабатывал напильником кончик гарпуна, хотя до Белых Камней, где мы собирались охотиться, оставался еще добрый час ходу.

Юра пел, смеялся и, наверно, рассказывал рыбакам потешные истории: на баркасе все время царил веселье. Сидя на отшибе, в наших лодках, мы чувствовали себя маленьким хвостиком какой-то грандиозной рыбы. Нам явно чего-то не хватало...

Еще задолго до того, как мы пристали к берегу, Юра выпрыгнул за борт с ружьем в руках и самодельной маской на лице (изумительный агрегат, похожий на скворечник, но сделанный весьма прочно). Я подумал: теперь его поминай как звали до самого вечера. Но, к моему удивлению, когда мы стали втаскивать лодки на берег, Юра оказался на месте и несколькими мощными толчками сделал больше, чем все мы, вместе взятые.

Примерно в это время я стал задумываться: чем занимается Юра, кроме охоты за рыбой в глубинах Черного моря? В голову приходили самые разнообразные профессии: что-нибудь, связанное с морем, с авиацией или с Северным полюсом, где сама суровая природа создает людей по своему образу и подобию.

Я мог бы быстро разгадать эту загадку: просто спросить Юру, чем он занимается. В России это не считается невежливым, как у нас в Англии. Но я не задал Юре этого вопроса. Мне казалось более увлекательным предоставить «вулкану» заговорить самому.

У Белых Камней мы провели прекрасный день, хотя добыча на-

ша была совсем небогата. Единственную рыбу добыл Владимир, (мы называли его «президентом»: он был председателем краснодарского клуба рыбаков). Владимир был таким же энтузиастом подводного лова, как и Юра, и это, конечно, сблизило их...

За неимением рыбного блюда мы принялись завтракать чем бог послал: ели крутые яйца, пили водку и вино из больших фаянсовых кружек и яростно воевали с комарами, которые твердо решили сожрать нас без остатка. «Черт!» — взрывался Юра, хлопая себя по животу, на который усаживалось пищущее, злобное создание. Водки становилось все меньше, мы все громче чокались кружками, провозглашая тосты за дружбу, и только богу известно, как наши кружки не разлетались в куски.

Мы ели досыта, а Юра, надо сказать, был выдающимся любителем поесть. Когда мы прикончили все наши запасы, он вдруг достал свой армейский котелок и предложил нам разделить с ним добавочную трапезу. Это был редкий деликатес: рыба скорпена. Рыбы этой породы прячутся в подводных скалах, и их можно легко брать руками. Правда, укол их плавника ядовит, но в вареном виде они удивительно вкусны.

Хотя я понимал, что это вклад Юры в наш пикник, пришлось сказать ему, что мы сыты по горло. Но тут на сцену выступил мой десятилетний сын Вильям. Он сразу отправился с Юрой на берег варить скорпену.

Когда они ушли, Владимир сказал как бы с сожалением:

— Бедный Юра, опять у него сегодня неудача! Думал подстрелить хорошую кефаль или лобана на завтрак, но рыба не хочет с ним знаться...

Позже я понял, что Юра слишком щедр душевно, что в нем слишком бьет через край чувство жизни, чтобы он мог быть удачливым человеком; что же касается подводной охоты, то тут он действительно был безнадежным неудачником. Он вылезал на берег после нескольких часов погони за кефалью, высматривая горбыля. Под водой он долго и терпеливо целился — все это была титаническая работа, и всегда без пользы. Мы уже привыкли к тому, что с его пышущего здоровьем лица не сходит выражение разочарования. «Опять промах!» — И большие ру-

ки делают недоумевающий жест, всегда оставаясь пустыми. Но проходит короткое время, и Юра снова выглядит так, будто удача придет обязательно, и именно в следующий раз. Он был самым оптимистическим человеком в мире, этот Юра.

Впрочем, как и все неудачливые охотники, он должен был быть оптимистом: иначе нельзя продолжать охотиться. «Молодец!» — хвалил Юра других. «Ничего!» — отзывался он о себе...

Сейчас он сидел на камне и огромным ножом чистил скорпен, потом протягивал их Вильяму. Вильям мыл рыбок и укладывал в котелок. Они разложили костер из обломков досок, принесенных прибоем, и стали варить рыбу в соленой воде. Потом этот гигант и мой мышонок уселись друг против друга и принялись за дело, разрывая рыбу пальцами, высасывая вкусный сок из голов и не произнося при этом ни слова.

Потом мы снова начали подводную охоту. «Президент» Владимир подстрелил большую ставриду, а Юра после четырех часов подводных трудов опять оказался ни с чем. Всю обратную дорогу он сидел на носу баркаса, тяжело переваливавшегося на волне, и пел с рыбаками песни об украинских девушках.

Много раз после этого я видел Юру разгуливающим вдоль реки или сидящим за костром с рыбаками. У меня начало складываться впечатление, что Юра занимается подводной охотой потому, что она дает ему средства к существованию. Правда, у него всегда был в рюкзаке добрый кусок хлеба, лук и сыр, но, видно, он немало зависел от своего ружья — оно одно могло добыть ему более приличный завтрак. Он никогда не расставался и со своим закопченным котелком. Я снова и снова задавал себе вопрос: каков же род занятий Юры?

Мы продолжали ездить вместе с Юрой на охоту на рыбацком баркасе. К этому времени все мы уже стали тесной и дружеской компанией. Однажды — помнится, это было в воскресенье — рыбаки взяли с собой жен, а те захватили кастрюли для варки рыбы.

Какой это был день!

Юра, как обычно, торчал на носу баркаса, готовый к действию за несколько часов до прихода на место охоты. На этот раз мы шли морем в другую сторону. По-прежнему Юра был первым, когда надо было переносить тяжелую кладь, вытаскивать на берег лодку. И первым он исчезал под водой, когда начиналась охота.

Командор Кусто, известный французский специалист по подводной охоте, считал, что человеку, который этим занимается, надо съесть килограмм мяса, чтобы восполнить энергию, потерянную за одно утро. Юра тратил столько энергии, что ему впору было съесть быка. Однажды я следил за ним десять минут, он все не поднимался на поверхность, чтобы глотнуть свежего воздуха. Судя по тому, сколько раз Юра перезаряжал свое ружье, он стрелял часто. И мне все казалось, что счастье, наконец, улыбнется ему...

Один раз я подплыл к нему под водой почти вплотную. Он целился в большую семью кефали и... промахнулся. В нетерпении он перезарядил ружье под водой, не подымаясь на поверхность, и тут

же выстрелил по другой рыбе. И опять промахнулся. Поднявшись наверх, он выплюнул из дыхательной трубки целый фонтан воды, словно кит. Он не видел меня в эту минуту, но я заметил легкую гримасу горечи, промелькнувшую на его лице. Потом он снова погрузился в воду.

В этот день мне тоже не очень везло. Я подстрелил пару горбылей, их стрелять нетрудно, и они очень вкусны. «Президент» Владимир добыл несколько хороших зубариков и горбыля. Пришло время завтрака, и все мы уселись в кружок, готовые приняться за еду. Только тогда из воды, как морское чудо, появился Юра, весь багровый и дрожащий. Рыбы в руках у него не было.

Зато он мог утешиться обильнейшей едой: у нас было поджаренное кусками мясо, яйца, сыр, хлеб, вино, водка, помидоры, лук, маринованные огурцы — все это мы поглощали примерно в указанном порядке.

Начались тосты по русскому обычаю. В ход пошла бутылка с водкой, потом белое вино, за ним портвейн — всем этим мы орошали обильные закуски. Но тут же ны рыбаков окончили возню над костром и притащили гигантский черный чугунок с рыбным супом собственного изготовления, то есть приготовленным из рыбы, которую они захватили из дому. Они сильно сомневались, что их мужья наловят под водой столько рыбы, чтобы ее хватило на суп. Вообще они не принимали нас всерьез...

Это был замечательный суп! Юра с Вильямом надолго засиделись за своими тарелками. Они вдвоем съели добрую половину чугуна, с наслаждением пережевывая куски ставриды и кефали — увы! — все это не было добыто Юрой, а вытащено из рыбацких сетей.

До сумерек мы бездельничали. Кому пришло бы в голову охотиться под водой после такого лукуллова пиршества? Мы лежали на земле, пели, забыв про рыбу. Надо было переждать часок-другой: подводное плавание на полный желудок небезопасно.

Но Юры это не касалось.

— Чего вы там разлеглись? — крикнул он, видя, что мы и не помышляем идти в воду.

— Пока опасно! — сказал я на своем сокращенном русском языке.

— Чепуха! Нырнем разок. Большая кефаль!

— Нет! — сказал я.

Никто не двигался с места. Юра сказал что-то смешное, и рыбаки рассмеялись, должно быть, по моему адресу. Потом он бросился в море — только мы его и видели.

Мы все-таки поохотились в этот день еще раз. Но делали это как-то несерьезно и не добыли ничего. Пришло время возвращаться домой, надо было поспеть засветло. Все было готово, лодки нагружены, буксиры прицеплены, рыбаки завели мотор. Но о Юре ни слуху ни духу.

Меня вдруг охватило беспокойство. После такого обеда!.. Но никто не волновался — все спокойно рассаживались по лодкам.

Я снова и снова спрашивал себя: кто же он, собственно, такой? Может быть, в поселке его ждет и беспокоится о нем мать? Но это как-то не вязалось с Юрой. Может быть, он решил вообще по-

святив свою жизнь подводной охоте и придумывает какие-то новые приемы этого дела? Или суша настолько отвратительна ему, что он просто пользуется подводной охотой как поводом побыть в море как можно дольше?

И все-таки чем же он добывает средства к жизни?

Я твердо решил спросить его самого, как только он появится. Но опасение за него отогнало эту мысль, и я все вглядывался в нарастающую волну. Мы прошли километр-другой вдоль берега по направлению к дому. И, наконец, мы увидели Юру — он поднимался на поверхность глотнуть воздуха и опять опускался в воду. Рыбаки силой втащили его в баркас. Я крикнул ему из моей лодки:

— Удача, Юра?

— Ничего! — прорычал он и поднял вверх свои огромные кулачища.

Всю дорогу домой Юра распевал. Одинокие скалы и весь этот пустынный берег, наверно, никогда не слыхали такого могучего голоса: мне казалось, что скалы вот-вот рухнут и деревья вырвет с корнем. Однако рыбаки и их жены охотно подпевали Юре, и, когда я спросил, что он поет (было трудно уловить содержание этой вулканической оперы), они ответили:

— Он поет песню о Черном море. В ней говорится, что Черное море — самое лучшее в мире. И еще говорится...

Я теперь знаю мелодию этой песни. И каждый раз, когда начинаю ее напевать (вот даже теперь, когда печатаю на машинке эти строки), передо мной встает огромный Юра на носу рыбацкого баркаса и серые скалы, которые чуть не обрушились от его песни...

На этом, к сожалению, и кончается моя история о Юре.

Впрочем, я не забыл тогда о своем любопытстве, о мучившей меня тайне: что такое Юра в обычной жизни? Что, собственно говоря, могло занимать такого человека? Какая работа могла ему нравиться? Почему он упорно плавает на глубине восемь-девять метров под водой и чрезмерно долго экономит дыхание только для того, чтобы промахнуться при очередном выстреле? Как может он вообще жить с такими охотничьими неудачами и при этом не терять прямо-таки атомной энергии, хорошего настроения и оглушительного голоса?

Я узнал о нем все в самый последний день.

Но еще до того я услышал от «президента» Владимира, что Юра в конце концов подстрелил большую рыбу. Я не видел этой рыбы, но факт был налицо: Юра изжарил и съел ее вместе с Владимиром. Какой большой день это был для него! И как мне хотелось быть вместе с ним!

Я не рассчитывал снова увидеться с Юрой в то раннее утро, когда уезжал из Архипо-Осыповки. И вдруг Юра появился как из-под земли на дорожке к нашей даче. Он постоял с минуту у ступенек и сказал в обычном своем вежливом тоне:

— Можно зайти попрощаться?

— Заходите, Юра, — ответил я.

Но Юра был застенчив, и мне пришлось спуститься вниз и втащить его в дом.

Теперь я уже знал, что обязательно спрошу его о том, чем он

занимается в жизни, и удовлетворю наконец свое назойливое любопытство. Я спрошу его так: «Что с вами будет, когда пройдет лето, море станет холодным, опустеет, рыба уйдет от берегов?»

Как раз этим утром мне попался в иллюстрированном журнале снимок — команда ледокола «Ленин» играет в волейбол на арктическом льду. Там, по логике вещей, самое место для Юры, думал я. Или, например, если что-либо чрезвычайное будет достигнуто в области энергии сверхвысоких температур, — Юра обязательно будет там. Да, я мысленно соединял Юру со всем этим. Если надо сделать что-нибудь из ряда вон выходящее: перетащить какую-нибудь небывалую тяжесть — словом, применить вулканическое усилие, превосходящее возможности обычных людей, — это дело для Юры. И если надо ободрить человека в тяжелую минуту, помочь совладать с трудностями, что-то вытерпеть, провести морозную ночь под полярным сиянием, рядом будет добрый приятель, верный друг — Юра.

Но я сдержал мое любопытство еще на некоторое время. Я сначала спросил у Юры его адрес. Он вытащил ручку и написал адрес огромными косыми буквами — каждая буква словно выходила из-под резца скульптора, и каждое слово почти заполняло строчку. У меня и сейчас сохранился этот адрес.

— И напишите еще, чем вы занимаетесь, — сказал я.

— Чем занимаюсь? — повторил он. — В каком смысле?

— То есть какова ваша профессия? — сказал я несколько смущенно.

Адрес его был московский. Но что могло быть в Москве такого огромного, что подходило бы для Юры?

— А зачем вам моя профессия? — сказал он, видимо, думая, что я хочу подшутить над ним. — Я преподаватель литературы в техникуме. Вы хотите, чтоб я это написал? Бойтесь забыть?

— Нет, нет, Юра! — пробормотал я поспешно, окончательно сконфузившись. — Это неважно. Я и так не забуду.

Мы обнялись. У меня затрещали кости от этого русского объятия. Потом Юра зашагал по дорожке в своей мятой белой шляпе, мешковатых штанах, с рюкзаком на плечах, с ружьем и ластами в руке. Сбоку болтался закопченный котелок, так и не дождавшийся рыбы...

Странное дело! Когда он ушел, мне вдруг показалось, что его вообще не было. Во всяком случае, я знал теперь, что он уже больше не неудачник. Пусть его ученики из техникума в Москве прочитают эти строки и пусть распознают, какой «вулкан» стоит перед ними в аудитории, у черной доски. Если они это сделают и задумаются над тем, что делает этот начиненный энергией человек летом, чтобы зарядить себя на остальную часть года, я думаю, это послужит им на пользу. И это будет вторым концом моего рассказа.

Юра — я говорю это уже совсем прозаически — занимается подводной охотой и поет песни о Черном море. И это все. Разве что еще одно: он охотится неудачно, но зато он умеет делать людей своими друзьями.

На поле лидеры футбольного чемпионата торпедовцы и армейцы Ростова.

Фото А. Бочинина.

У ФИНИШНОЙ ЧЕРТЫ

М. МЕРЖАНОВ

Футбол неумолимо подчинен временам года: майский легко отличить от октябрьского. Первый полон молодого цветения, силы, неумной энергии, веселых просчетов, а второй, налитый за лето соками мастерства, показывает тактическую зрелость, коллективный разум, технику.

За спиной футболистов длинный календарный «марафон» чемпионата, встречи с грациозными итальянцами из Милана, с атлетически сложенными англичанами из «Шеффилд Уэдска», горячие схватки в Марселе, золотые медали в Париже, неудачи в Вене.

Теперь «марафон» заканчивается. В финальной пультке команды «пошли последний круг» и уже вышли на финишную прямую. Мы не знаем, чем кончится это состязание на финише, не знаем, у кого больше сил и крепче нервы. Но безошибочно можно сказать, что красивее всех «бегут» торпедовцы. Не случайно симпатии москвичей все больше и больше адресуются к ним.

Мне удалось недавно в Риме познакомиться с сильнейшими олимпийскими командами. Они демонстрировали высокую технику, физическую подготовленность, северное спокойствие или южный темперамент.

Тактика игры почти у всех была разная. Одни придерживались «академической», английской системы «дубль-вз» (которая даже в Англии в последнее время подвергается нападкам и видоизменяется), другие, приняв бразильскую вакцину, лихорадочно укрепляют оборонительные рубежи, третьи провозгласили анафему английскому футболу, но не приняли на веру южноамериканский и теперь осторожничают, словно впотьмах, ищут новые пути к чужим воротам и надежные замки к своим.

Тактический разнобой бросился мне в глаза. В какой-то степени это коснулось и нашего футбола. Мы давно распрощались с английским пониманием системы «дубль-вз» и сохранили от нее лишь систему «трех защитников». Теперь и она подвергается атакам. Но вот интересно: с чьей стороны? Кто проявляет особую заботу о новых формах оборонительной игры? Как правило, это слабые команды, которые хотя численным превосходством игроков у своей штрафной площадки сгладить неумение играть ни по старой, ни по новой системе.

А как же играет «Торпедо»? У меня сложилось впечатление, что тренер автозаводской команды Виктор Александрович Маслов отошел несколько в сторону, прищурил глаз и поглядывает: как там кончатся эксперименты, в большей своей части малообоснованные? Сам же пока команду не пускает в неизведанное плавание по бурным волнам тактического океана. Во всех матчах мы видим умные, синхронные действия трех игроков торпедовской обороны во главе с

В. Шустиковым, выросшим в первокласного позиционного защитника. Молодые футболисты Н. Мамошин и В. Воронин составляют линию полузащиты. Едва ли это не самая сыгранная пара, выступающая в этом амплуа. Оба они свободно владеют мячом, хорошо понимают игру, всегда устремлены вперед и продуктивно помогают своим форвардам. В свою очередь, в трудные минуты один из нападающих (чаще всего это бывает Б. Батанов) оттягивается назад, и тогда прочный заслон на середине поля значительно облегчает действия защитников и, как правило, гарантирует от неприятностей.

Игра торпедовских полузащитников — ключ к их победам. Именно они сумели придать стройность атакам и надежность действий в непосредственной близости от своей штрафной площадки.

Линия нападения «Торпедо» делится как бы на две части. В одной из них выступают опытные мастера, неоднократные участники международных матчей, игроки сборной команды страны. В другой — молодежь, но молодые форварды хорошо владеют мячом, быстры, инициативны и мало чем отличаются от своих учителей.

И все же главное не в этом. Когда наблюдаешь торпедовскую атаку, в которой принимает участие вся команда, даже крайние защитники, то перед взором открывается красивая картина действий хорошо слаженного «футбольного механизма», работающего почти без перебоев. И здесь дело не только в технике или тактике, но в искусстве распознавать игровые ситуации, импровизировать в ходе атаки.

Именно этой новейшей чертой современного футбола автозаводцы не раз побеждали своих соперников. Очень близки к ним по стилю, по технике, по игровому мышлению футболисты киевского «Динамо». Они уже второй год применяют тактику двух выдвинутых вперед форвардов — игру с тремя полузащитниками, из коих один, Ю. Войнов, всегда действует впереди. Команда обогатилась рядом молодых форвардов с хорошей технической подготовкой.

На дорожке, ведущей к золотым медалям, мы видим и другие команды. Столичный «Локомотив» и футболисты Центрального спортивного клуба Армии играют менее привлекательно, хотя бы потому, что в действиях игроков преобладает борьба с применением силы над игрой технической, маневренной, остроумной.

Кто-то очень метко прозвал эти две команды похитителями футбольной красоты.

Несколько неудач потерпели чемпионы страны — московские динамовцы, хотя они и пытаются восстановить свою репутацию.

До конца розыгрыша остаются считанные дни. Они-то и покажут, кто на что способен у финишной черты.

СУДЬБА ТРУБОЧИСТА

Евг. СИМОНОВ

Фото заслуженного мастера спорта М. Ануфрикова и Р. Гатовского.

— Костя, — назвал себя розовощекий альпинист.

Мы познакомимся с ним в лагере над рекой Шхельдой, в том самом лагере «Спартак», который исконные жители ущелий — сваны и балкарцы — зовут «орлиным гнездом». Отсюда, расправляя подрастающие крылья, уходят в вольный полет к вершинам те, кого влечет высота.

Одним из таких молодых альпинистов был наш знакомый. Он начал свои восхождения от вершин с высотной отметкой «3 700» и поднялся до пиков, близких к гималайским масштабам, — «7 439». Но, как я уже слышал, Костя Клецко не гнушался и таких точек, высота которых не превышала 120, а то и каких-нибудь 48 метров. Он подтвердил это! Больше того, он вовсе не склонен был считать их последними в своем послужном списке восхождения.

— Нужно ли было проходить вам всю эту трудную альпинистскую науку, чтобы подниматься потом на вершины, к которым достаточно подставить пожарную лестницу? — осведомился кто-то присутствовавший при разговоре.

— Не только нужно, — не задумываясь, подтвердил Клецко, — просто необходимо. Не случайно же ни пожарные, ни многие верхолазы не взялись за работу, ко-

торую выполняют теперь альпинисты.

— А какая ваша специальность? — осведомился тот же дошлый собеседник, покосившись на квадратик с надписью «Мастер спорта СССР» на выцветшей, выдавшей виды Костиной штурмовке.

— Трубочистный мастер первой категории.

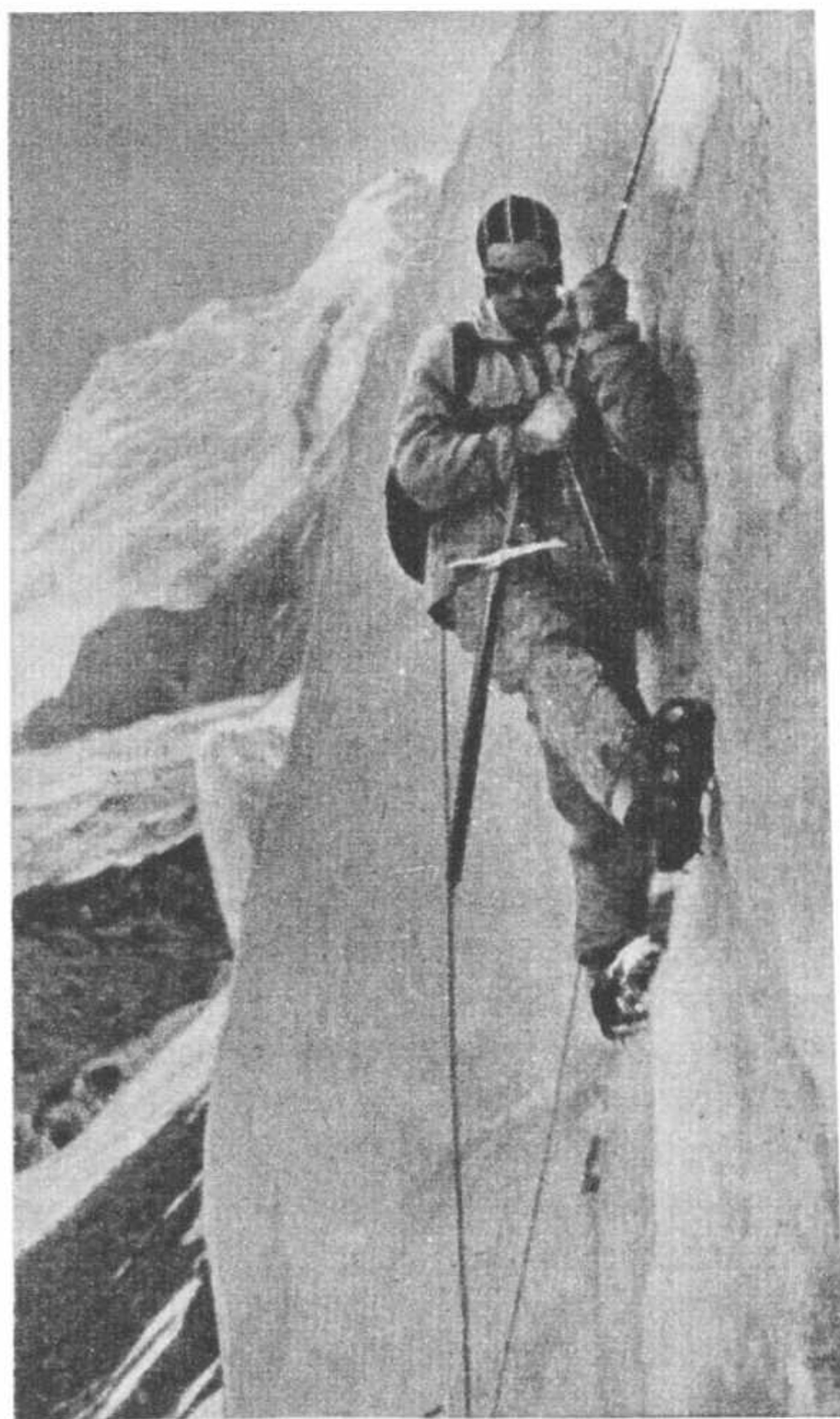
— Трубочист? — изумился любознательный собеседник. — А разве у нас еще существует такая профессия?

— А кто же, по-вашему, фабричные трубы чистит? Их ведь в Ленинграде не счесть, этих труб.

И трубочист, освобождая мне место, убрал с кровати мягко звянувшую гитару, на которой, как на лежащем рядом с ней ледорубе, стояли те же инициалы — «К. К.».

— Грехи молодости, — улыбнулся на мой немой вопрос Клецко. — А впрочем, гитара выполняла вместе со мной все нормативы значкиста, в ее послужном списке переход по Садону, парочка цейских перевалов, зачетная вершина...

Этот молодой, по-питерски подтянутый трубочист ничем не напоминал ни тех, по самые брови чумах, которых знали мы в детские годы, ни тех, в традиционных цилиндрах, с подвешенной на веревке гирей, которые встречаются и по сей день в городках Чехословакии. Наш ленинградский трубочист оказался явно сродни другому, про которого еще сказочник с острова Фюн рассказывал: «Он был чистенький и красивый, ничуть не хуже всякого другого... белолицый и румяный, как девушка». Те, кто читал эту андерсеновскую сказку, не забыли, как храбрый трубочистик звал фарфоровую пастушку из тесной комнаты в тот мир, что так обширен, а когда они лезли на крышу, с неба на них глядела самая настоящая звезда, сияя прямо над ними. Не эта ли звезда светила и Косте в блокадные ночи? Впрочем, в то время Костя Клецко и не думал, что когда-нибудь будет штурмовать горные и трубные вершины. Фашисты блокировали Ленинград, родной город Кости Клецко. Едва дымили трубы завода, на котором работал его отец. И до той поры, пока не пришел мальчик в ремесленное училище, он думал, что казеин — это продукт питания, а вовсе не клей. Но именно в те дни увидел он, как под бомбежкой и обстрелом какие-то бес-

Константин Клецко на ледяной стене пика Победы.

Бригадир альпинистов и верхолазов Олег Тихонов работает на крыле ангела, который венчает иглу Петропавловского собора.

страшные люди работали на головокругительной высоте, маскируя шпиль Адмиралтейства — отличный ориентир для фашистских артиллеристов.

С каким волнением и гордостью наблюдал Костя за их работой! Теперь, рассказывая мне о своем детстве, проведенном в блокированном Ленинграде, Клеcko вспоминал и об этом, а потом помолчал и добавил:

— Об этом вам более подробно может рассказать Ольга Александровна Фирсова, моя воспитательница и в альпинизме и в высотном деле. Это она в блокаду маскировала купола и шпили. А теперь, между прочим, она тут, в этом же лагере.

И вот Ольга Александровна рассказала мне, как по приказу Военного Совета Ленфронта собрались они, несколько альпинистов — М. Бобров, А. Пригожева, М. Шестаков, А. Земба, — и приступили к выполнению трудного задания.

Как его решить? Ведь сперва, совсем как на восхождении по трудному альпинистскому маршруту, кому-то нужно было подняться первому на вершину, в данном случае к укрепленному на острие адмиралтейской иглы кораблику и закрепить там веревку. Ослабевшие, утратившие спортивную сноровку альпинисты никак не могли этого добиться. Лишь на пятнадцатый день удалось накинуть петлю.

А там пошло... Размотан залежавшийся альпинистский репшнур. Висит на шпиле человек и вздрагивает, когда с визгом проносятся над ним снаряды. Немало прошло времени, пока Адмиралтейство, а за ним другие купола и шпили города были одеты «под цвет туч».

Что же было удивительного в том, что вскоре после того, как рабочий-модельщик стал совершать альпинистские восхождения под руководством Ольги Александровны Фирсовой, он не только в спорте, но и в работе стал подниматься в заоблачные высоты? Костя Клеcko, использовав свои альпинистские навыки, стал мастером высотного дела, чистил заводские трубы и не отказывался от других

заданий, еще более сложных. Так, в канун 250-летней годовщины Ленинграда он вместе с двумя альпинистами, Петром Будановым и Олегом Тихоновым, взял обновить позолоту иглы Петропавловской крепости. Если одному из учителей Клеcko пришлось маскировать купола и шпили Ленинграда, то ему выпала другая, более трудная и неизмеримо более приятная задача — заново одеть городские вершины в праздничный, сверкающий наряд.

Как забыть Константину Клеcko тот час, когда он впервые поднялся по выходящей внутри шпиля Петропавловского собора лесенке наверх и высунул ногу в пустоту! На дворе весенняя теплыня, а здесь еще свирепствует зверский холод, словно на вершине Эльбруса. И высота такая, словно у него под ногами вершина первой категории трудности. Где-то далеко внизу заплаткой на асфальте лежит крыша Артмузея, еле заметны скорлупки лодок на канале.

— Закрепись и устанавливай вторую ногу! — деловито крикнул ему вылезший первым Буданов. Как на любом восхождении в горах, так и здесь, на пике, так сказать, Петра и Павла с высотной отметкой «121,8», самым трудным было начало. И вот уже опоясывая три альпиниста иглу лесами, чтобы не касаться позолоты.

Так началась рабочая страда. Затянуть теплый, на козьем меху комбинезон, проверить перед выходом в изобилии нашитые карманы. В них плоскогубцы, альпинистские карабины, гаечные ключи: каждый лист позолоты крепится на болтах, а ангела, венчающего петропавловский шпиль, держит гайка размером с арбуз. Тут в пору работать великанам, а у ног ангела трудятся три не очень высоких ленинградских спортсмена.

— Придется вкалывать, парни, не считаясь со временем, — предупредил их на правах бригадира Олег Тихонов, верхолаз с таким стажем, что крыши города он знает, пожалуй, лучше, чем его улицы. Позолота шпиля под их ладонями шелушилась, как кожа после кори: ведь этой позолоты не меняли сто восемьдесят лет. Даже знаменитый кровельный питерский мастерской Петр Телушкин, 90 лет тому назад взбиравшийся на вершину, только восста-

навливал покосившийся, готовый вот-вот завалиться крест. Такой легкий, когда на него глядишь снизу, он оказался на деле величиной с трехэтажный дом.

Крыло ангела было неплохим упором, надо только привыкнуть к ветру, не утихавшему здесь никогда. Ветер время от времени разворачивал ангела, и альпинист поворачивался вместе с крылом, и вот уже ушел из-под его ног prospect Максима Горького и вдаль засверкал кронштадтский купол. Новый, чуть поскрипывающий поворот, и уже ясно, до подробностей различает Клеcko кавголовские холмы и линию трамплина с горой разгона и трассами, по которым он будет гонять зимой вместе со своими друзьями.

Костя деловито вынул из кармана гаечный ключ, но при первом же прикосновении к болту почувствовал электрический разряд. Мелькнула и погасла синяя искра. Совсем как в горах, когда не видно еще туч, но что-то будоражит и альпинист спешит укрыться от грозы.

На каждом шагу что-нибудь напоминало им троим альпинистское восхождение. Да, это было все тем же их любимым делом! Сегодня шпиль собора, завтра — поиск пропавших в горах геологов, а потом разведка олова в хребтах за Ферганой или экспедиция на Памире вместе с охотниками за космическими лучами...

Три альпиниста на петропавловском шпиле скоро стали достопримечательностью города. К подножию собора приходили друзья-

спортсмены посмотреть, как подвигается дело, все чаще собирались ленинградцы, далекие от альпинизма. И вот пришел день, когда один из их болельщиков, одернув типичный пенсионерский китель, удовлетворенно констатировал: «Сегодня, заметьте себе, исполнилось ровным счетом пятьдесят два дня, как эти молодцы вылезли на шпиль», — и поднес к глазам тяжелый морской бинокль. А молодцы в это время по-альпинистски точно, по-рабочему споро заканчивали свою работу. Шпиль уже лучился, да с такой силой, что зрители, не скрывая написанного на лицах торжества, поглядывали на интуристов, которые явно не желали расставаться с внеплановым, а потому особенно привлекательным зрелищем.

Еще сутки. Обросшие, охрипшие не столько от мускульных усилий, сколько от непрерывного нервного напряжения — каждый же знает, что усталость таит самую страшную для альпиниста угрозу — притупленность реакции, — размотали альпинисты веревку, и серая нить со свистом полетела вниз.

— Продюльферить бы? — во-просительно сказал Буданов, тщательно застегивая бесчисленные карманы.

И, к новому восхищению зрителей, где-то в поднебесье сухо щелкнул карабин, и начался особый, альпинистский спуск по веревке. Человек ринулся в дышащую нагретым асфальтом бездну. Упругий капрон неожиданно растянулся с такой резиновой легкостью, что Клеcko летел мимо шпиля с ощущением, что нет больше ни веревки, ни карабина, а только стремительно убегающее от тебя небо да ощущение наполняющего всего тебя безудержного полета.

Прямой и потому особенно строгий, сверкал шпиль в своей золотой обнове...

Очерк этот был уже написан, когда мы узнали из газет, что Клеcko приплюсовал нынешним летом к имевшимся у него вершинам и заводскую трубу под Лугой и шесть памирских высот.

Тому же, кто захочет повидать Клеcko, Тихонова и Буданова сегодня, нужно побывать в Ленинграде. Три альпиниста снова работают на одном из шпилей Ленинграда, как у них заведено, на должной высоте!

Ущелье Шхельды — Ленинград.

Константин Клеcko и его друзья не раз использовали альпинистскую технику лазанья для «восхождений» на купола и шпили Ленинграда. На этом снимке вы видите восхождение на купол Исаакиевского собора.

КОНФЛИКТ

Борис ЕГОРОВ

Рисунок Л. Смехова.

Заседал товарищеский суд дома № 8 по Средне-Ивановскому переулку.

Председатель суда встал и произнес:

— Разбирается дело гражданки Свекольниковой Лукерьи Гавриловны. Одинокая, беспартийная, работает в овощном магазине, живет на седьмом этаже. Упомянутая гражданка обвиняется в клевете на свою соседку по квартире Петухову. Вкратце сообщаю суть вопроса: Свеколькова распространяет слухи, что сын Петуховой — жулик. Товарищ Свекольников, осознаете ли вы свою вину? Отказываетесь от своих слов или нет?

Свеколькова, краснощекая женщина лет пятидесяти, вытерла

краем косынки лоб, жеманно улынулась и ответила:

— Нет, убеждена.

— Какая наглость! — возмущается Петухова. — И она еще может говорить такие вещи!

При этом, взывая к справедливости, Петухова простирает в зал пухлую руку в черной перчатке.

Председатель стучит квартирным ключом по графину.

— Товарищ Петухова, не бросайте реплики. Сейчас разберемся. Пусть Свеколькова скажет, откуда она все это взяла.

— Не с потолка, конечно, — спокойно отвечает Свеколькова. — Что слышу, то и говорю.

— А где вы слышали?

— Через стенку... Стены, они у

нас тоненькие, что там у Петуховых говорят, все доносится. Не все, конечно, но слушать можно...

В зале возникает оживление, председатель снова прибегает к помощи ключа от квартиры.

— Неприлично подслушивать, — говорит один из членов суда. — Уже за одно это вам порицание нужно вынести.

— С порицанием успеете, — отвечает Свеколькова. — А что у Петуховых делается — это прилично? Вы дайте мне слово, я все враз расскажу.

— Пусть говорит! — доносятся голоса из зала.

— Значит, так, — продолжает Свеколькова. — У Петуховой есть сын Васька...

— Не Васька, а Василий, — поправляет председатель.

— Хорошо, Василий. Так этот Васька-Василий вдруг пропал. Он десятилетку в позапрошлом году кончил. Хотел в институт устроиться, но туда его не пустили. По знаниям слаб оказался. Ну и вот два года так ходил, руки в брюки. Каждый день у него друзья. Пьют, курят. А из этого ясно, что получается. Тут все понимающие сидят. Я Петуховой говорю: «Что он, твой сын, делом не занимается? Давай я его в магазин или на базу определю». А она в ответ: «Мой Васенька не для этого науки осиливал».

— Ближе к делу, товарищ Свеколькова.

— Спасибо. Теперь я уже близко. И вот пропал петуховский сыночек. Только смотрю, Петухова плачет часто. Как почтальон — она к двери. Меня обгоняет. Ну, она, конечно, моложе. Мне за ней не угнаться. Спрашиваю: «Где твой Васенька, что пишет, не скучает?» А она молчит. Вот так и Дарья у нас на базе молчала-молчала, а потом мы узнали: посадили ее родимого. Стала посылки ему посылать.

— Не отклоняйтесь, товарищ Свеколькова, — снова напоминает председатель суда. — И короче.

— Короче нельзя. Смысл пропадет. А клонюсь я вот к чему: Петухова тоже начала посылки этому Василию на почту таскать. Говорит: «Трудно там ему: он же, наверное, холодный и голодный».

КОСМИЧЕСКАЯ

ФИЛАТЕЛИЯ

Первая марка с портретом К. Э. Циолковского, великого теоретика завоевания космоса, появилась в 1951 году. В 1957 году в связи со столетием со дня рождения ученого вновь вышла марка с его портретом. Позднее на этой марке была сделана надпечатка: «4/X—57 г. Первый в мире искусственный спутник Земли». С тех пор коллекции филателистов обогащались все новыми и новыми «космическими» марками.

Первый спутник открыл эру космических полетов. На марке — Земля, залитая лучами Солнца. А вокруг Земли совершает стремительный бег первый ее искусственный спутник. Третий советский разведчик тайн вселенной изображен на фоне темно-синего небосвода, усеянного мириадами звезд. Эта марка примечательна еще тем, что она тоже имеет своего «спутника» — специальный купон, на котором сообщается дата запуска, вес и высота третьего спутника Земли. Величайшее событие XX столетия — запуск 2 января 1959 года космической ракеты — отмечено в советской филателии двумя почтовыми марками. Затем появилась серия, посвященная полету ракеты на Луну. Третья космическая ракета с автоматической межпланетной станцией на борту, сфотографировавшей невидимую с Земли обратную сторону Луны, также нашла отражение в советской почтовой марке. «Фотографию века» — обратную сторону Луны с наименованиями материков, гор и «морей» — мы видим на одной из марок, посвященных этому величайшему подвигу советской науки. Летом нынешнего года филателистические коллекции пополнились еще одной маркой, увековечившей новый подвиг советского народа — запуск 15 мая 1960 года первого в мире космического корабля. Запуск и возвращение на Землю второго советского космического корабля с подопытными животными отмечен выпуском двух новых марок, на которых мы видим четвероногих космонавтов — Белку и Стрелку.

М. МИЛЬКИН,

заместитель директора Главной филателистической конторы

ЗАПОЗДАВШЕЕ ПИСЬМО КОЛУМБА

«В наше время можно говорить по телефону и радио с любой точкой земного шара, — пишет И. Лавров из города Сызрани. — А как посылал свои донесения Христофор Колумб?»

В 1856 году экипажу четырехмачтового брига «Грифтен» посчастливилось сделать необычайную находку. Бриг сильно потрепало в «мешке бурь» (так называют моряки Бискайский залив). Чтобы отремонтировать корабль, пришлось встать на якорь у подножия

горы Джебель-Муса (Гибралтар). Капитан съехал на берег поохотиться. При возвращении задул свежий ветер. Для шлюпки потребовался балласт. Матросы

бросили на ее дно несколько камней, среди которых оказался бочонок, обросший ракушками. Внутри бочонка был найден кокосовый орех, залитый смолистым веществом, в орехе — пергамент. Это было сообщение Христофора Колумба королю и королеве Кастилии о гибели каравеллы «Санта Мария» и об отказе в повиновении кормчих. Послание скиталось в океане и пролежало на берегу более 350 лет.

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ВОЛКАХ

«Мы знаем, что на севере применяются не только олени, но и собаки упряжки. А пробовал ли кто-либо ездить на волках?» — спрашивает М. Ключков из Тулы.

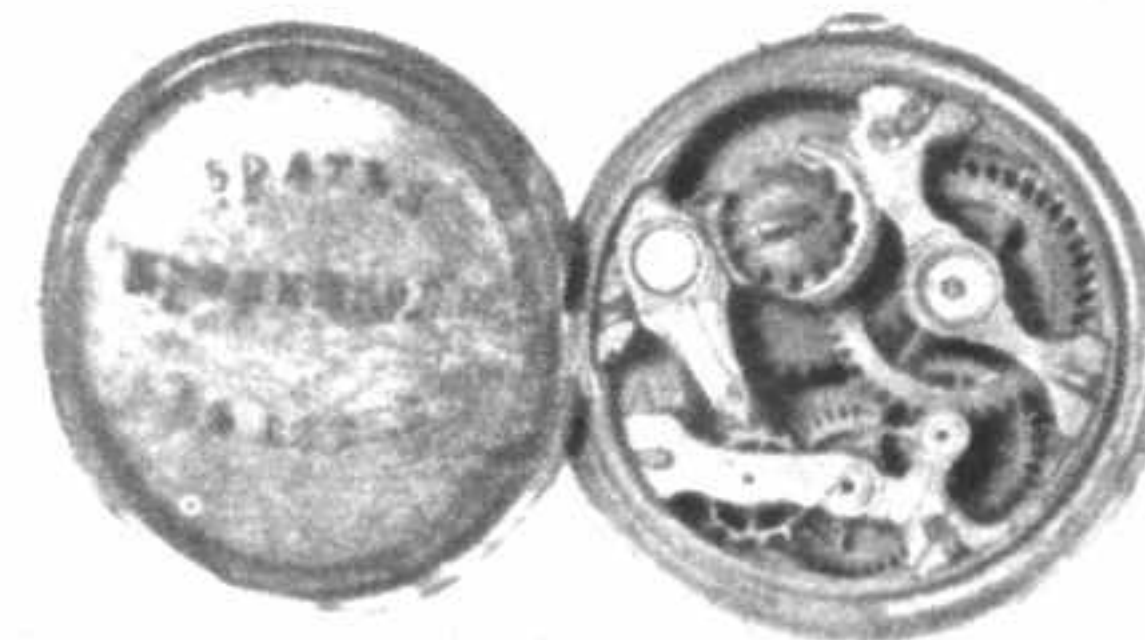
Да, такой случай был. В 1910 году из Читы в Тюмень прибыл, направляясь в Петербург, путешественник Иосиф Репечек, совершивший путешествие на двух дрессированных волках в легкой упряжке.

ЧАСЫ ИЗ ДЕРЕВА

«Обычно делают часы из металла. Но приходилось ли когда-нибудь прибегать к

производству часов из дерева?» — спрашивает П. Яшин из Волоколамска.

Часы из дерева сохранил Л. Бункин, проживающий в городе Братске, Иркутской области. Сделал их умелец-часовщик лет семьдесят тому назад в городе Вятке. Интересно, что все детали этих часов сделаны из дерева и служили долгое время.

ПУДОВЫЕ ГРИБЫ

«Верно ли, что в нашей стране растут грибы

весом с пуд?» — спрашивает В. Крыльцова из Мурманска.

Удивительный гриб нашел В. Кузьмин, живущий в деревне Петровка, Бакалинского района, Башкирской АССР. «Лето у нас было дождливое и грибное, — пишет он нам. — И вот однажды в лесу я нашел гриб-дождевик, огромный-преогромный. Погрузил его в телегу и привез в колхоз. Положили его на весы — тринадцать килограммов триста двадцать граммов оказалось в нем, почти пуд!»

В АДРЕС

Москва, "Огонек"

А потом, глядишь, получит телеграмму и опять плачет... Я слышала, как она мужу эти телеграммы зачитывала. Память у меня слабая, но кое-что припомню... Вот из Свердловска, к примеру: «Крепко засыпался. Шансы выкрутиться слабые. Жду, что решат. Выручай, иначе пропаду. Позвони, кому надо». Потом из Новосибирска: «Ввязался в дело, которое снова грозит годом». А дальше еще телеграммы, то ли из Хохломы, то ли с Колымы, не расслышала я: Петуховы радио включили... А теперь Васенька их вообще сигналов не подает. И Петухова мужу своему говорит: «Раньше чем через три года мы его не увидим. И меры принимать бесполезно... Ну, не правильно я сказала, что за овощ этот Васенька? Поделилась я своими впечатлениями с Анфисой — лифтершей, а та возьми да и передай Петуховой. И вот теперь меня на суд. И еще спрашивают, не отказываюсь ли я от своих слов. А чего мне отказываться?

Зал слушает Свекольникову с явным интересом. Петухова плачет, и слезы, растворившие краску на ресницах, серыми ручейками стекают по щекам.

— Жалкие сплетни, — заявляет она. — Думаю, что суду и слушать их нечего. Я даже опровергать всего этого не собираюсь. Ниже моего достоинства. Я просто хотела, чтобы Свекольникову пристыдили и она извинилась...

— Если надо, извинюсь, — спокойно говорит Свекольникова, доставая из кармана жакета горсть семечек. — Только доказать надо.

Наступает пауза. Из зала кто-то бросает реплику:

— Верно тетка говорит. Что она извиняться будет, когда ей самой неясно...

— Сейчас все проясним, — произносит председатель. — Товарищ Петухова, хоть вы и не собирались опровергать, но без этого нельзя. Здесь суд. Так что скажите...

Лицо Петуховой вспыхивает злым румянцем, слезы моментально просыхают.

— Хорошо, — с подчеркнутой готовностью говорит она. — Если мне не верить... Если меня вынуждают... Хорошо! То, что мой сын после школы сидел два года дома, это верно. Но это — мое дело. Кормлю его я, а не Свекольников. Не перебивайте! Надо же ему в институт поступить! А если вечером к нему товарищ придти, не вижу ничего плохого. Пусть развлечется. Разрядка нужна. Он целыми днями и так готовился!

— И не приняли в институт?

— Нет. Не повезло.

— А откуда он телеграммы присылал?

— Вас, товарищ председатель, телеграммы смущают? Вернее, их форма? Ничего тут особенного нет. Надо сказать, эта баба хоть и говорит, что память у ней слабая, но запомнила все точно...

— Я не баба, — вставляет Свекольникова. — Я женщина. И притом советская...

Петухова презрительно смотрит на Свекольникову и продолжает:

— Да, телеграммы были такие. И из Свердловска и из Новосибирска. Это мой Вася в институт по-

ступал... И сообщал родителям, как идут дела... Но его постигла неудача. Что же касается разных там двусмысленных слов, которые Свекольников приводела, так это у Васи такая манера выражаться...

— А почему он вдруг отправился в путешествие? Не захотел жить вместе с родителями?

— Нет. Идея была моя, — говорит Петухова. — Просто я узнала, когда в какие институты есть прием, когда бывают доборы. Ну, и где конкурс поменьше. Пусть Вася поступит, а потом можно и в Москву перевести...

— Выходит, командировка от мамы, — замечает один из членов суда. — Двадцать шесть рублей суточных плюс гостиничные и проезд. Или даже пролет, чтобы успеть...

— Ну, уж это — мое дело. Мать ничего не должна жалеть...

Картина постепенно проясняется. Сын Петуховой сдавал экзамены в технологический и в рыбный, в медицинский и педагогический. Но всюду его преследовали неудачи, даже там, где «конкурс поменьше». Не помогли и новейшие средства передвижения — самолеты. Не возымели действия спасательные звонки из столицы. Молодой Петухов, как по велению судьбы, снова и снова «засыпался».

— А где же он сейчас? — спрашивает председатель суда.

Петухова кусает губы, на глазах опять появляются слезы:

— Мой мальчик поступил так, как я не ожидала. Взял и подписал договор о найме на работу. Уехал на Колыму, в Магаданскую об-

ласть. Самовольно. На три года. Рабочим. В какую-то геологическую партию. У отца чуть ли не инфаркт!

Председатель тихо переговаривается с членами суда. Надо подводить итог, выносить решение. Потом он встает и говорит:

— Гражданке Свекольниковой Лукерье Гавриловне, одинокой, беспартийной, работает в овощном магазине, живет на седьмом этаже, суд объявляет общественное порицание и предупреждает ее: пусть не сплетничает, не подслушивает.

— Не буду, — решительно обещает Свекольникова. — Ковер на стену повешу. Радио заведу, чтоб разговоры эти петуховские меня с толку не сбивали...

— А Петуховой укажем, что сыну она подсказывала путь неправильный. Зачем же из человека ту-неядца делать? Хорошо, что он одумался. Такой «самовольный» поступок только приветствовать можно. Если бы здесь был не суд, мы бы от имени собравшихся телеграмму ему послали!

— Молодец парень! — подтверждают из зала. — Решил расстаться с дружным коллективом своей квартиры...

Последними из зала суда выходили Свекольников и дворничиха.

— Я, конечно, Васю зря обидела, — самокритично призналась Свекольникова. — Но дело-то, видишь, как обернулось! Все-таки не чисто у этих, у Петуховых...

— Да, мусора еще много, — неопределенно заключила дворничиха.

ЖУРАВЛИ И САМОЛЕТЫ

«Почему журавли и самолеты летают косым строем?» — хочет знать В. Любимов из Воронежа.

От плывущего по воде предмета волны расходятся углом. То же самое происходит в воздухе. Птице, падающей в струю воздуха, рассеяемого вожаном стая, лететь легче. Потому же летят журавлиным строем и самолеты.

ТРУСЛИВЫ ЛИ ЗАЙЦЫ?

«Много говорят о трусости зайцев. Мне же пришлось наблюдать, как заяц храбро отбил от двух напавших на него огромных воронов, причем у одного из них было распорото брюхо. Значит, по ошибке считают зайцев трусливыми?» — недоумевает Г. Игнатенко из деревни Поплавки, Березинского района, Минской области.

Не один охотник испытал на себе силу заячьих лап, неосторожно взяв раненого зайца за уши. Нередко острыми когтями задних лап заяц наносит охотникам серьезные рваные раны. Немало хищных птиц становится жертвами зайцев, защищающих свою жизнь. Некоторые охотники наблюдали, как заяц, отбиваясь от орла-беркута, падал на спину и, брыкаясь, когтями сильных задних лап наносил смертельные раны пернатому хищнику.

ЯПОНСКИЕ ПЕТУХИ

«Я слышал, что в Японии есть порода длиннохвостых кур и что у петухов этой породы хвосты в несколько метров. Верно ли это?» — интересуется читатель М. Бавев из Куйбышева.

В незапамятные времена в Японии выведена, очевидно в ритуальных целях, порода длиннохвостых кур. Хвост у петухов нередко достигал длины до пяти метров. Для длиннохвостой птицы устраивали соответствующий насест, а когда выводили на прогулку, то хвост бережно наматывали на катушку.

Мебель декабристов Бестужевых

Старый забайкальский журналист, ныне пенсионер Сергей Таежный занимается историей родного края.

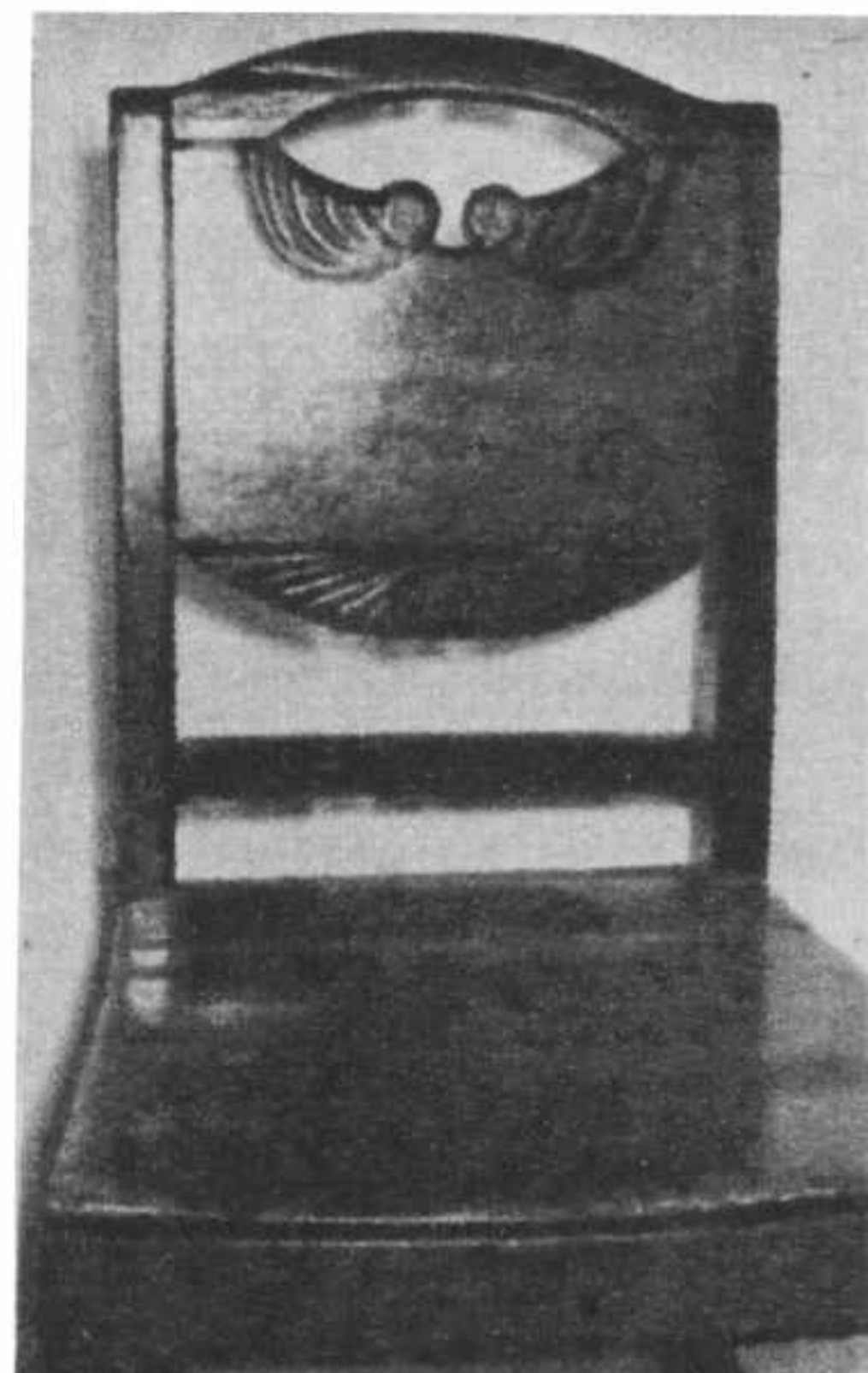
В прошлом году ему удалось установить, в каком из домов Селенгинска жили ссыльные декабристы, морские офицеры братья Николай и Михаил Бестужевы. Николай Александрович Бестужев собственноручно смастерил придуманную младшим братом двухколесную повозку на березовых рессорах-баласинах. Под названием «бестужевки» такие повозки до сих пор известны в местных деревнях. Сам же Николай Александрович сложил печь, замечательную тем, что при сравнительно небольшой затрате дров она дает много тепла.

Местные жители и это изобретение окрестили «бестужевкой».

Разыскать бестужевский дом было не так-то просто. За сотню лет он не раз перестраивался, переходил от одного владельца к другому и даже ночевал с места на место. Изучая историю бестужевского дома, Таежный познакомился с 85-летней М. П. Данжуровой, которой по наследству достались покрытые черным лаком диван и два стула братьев Бестужевых. Бестужевы сами изготовили их без единого гвоздя и долго ими пользовались. Мебель ни разу не ремонтировалась и отлично сохранилась.

Улан-Удэ.

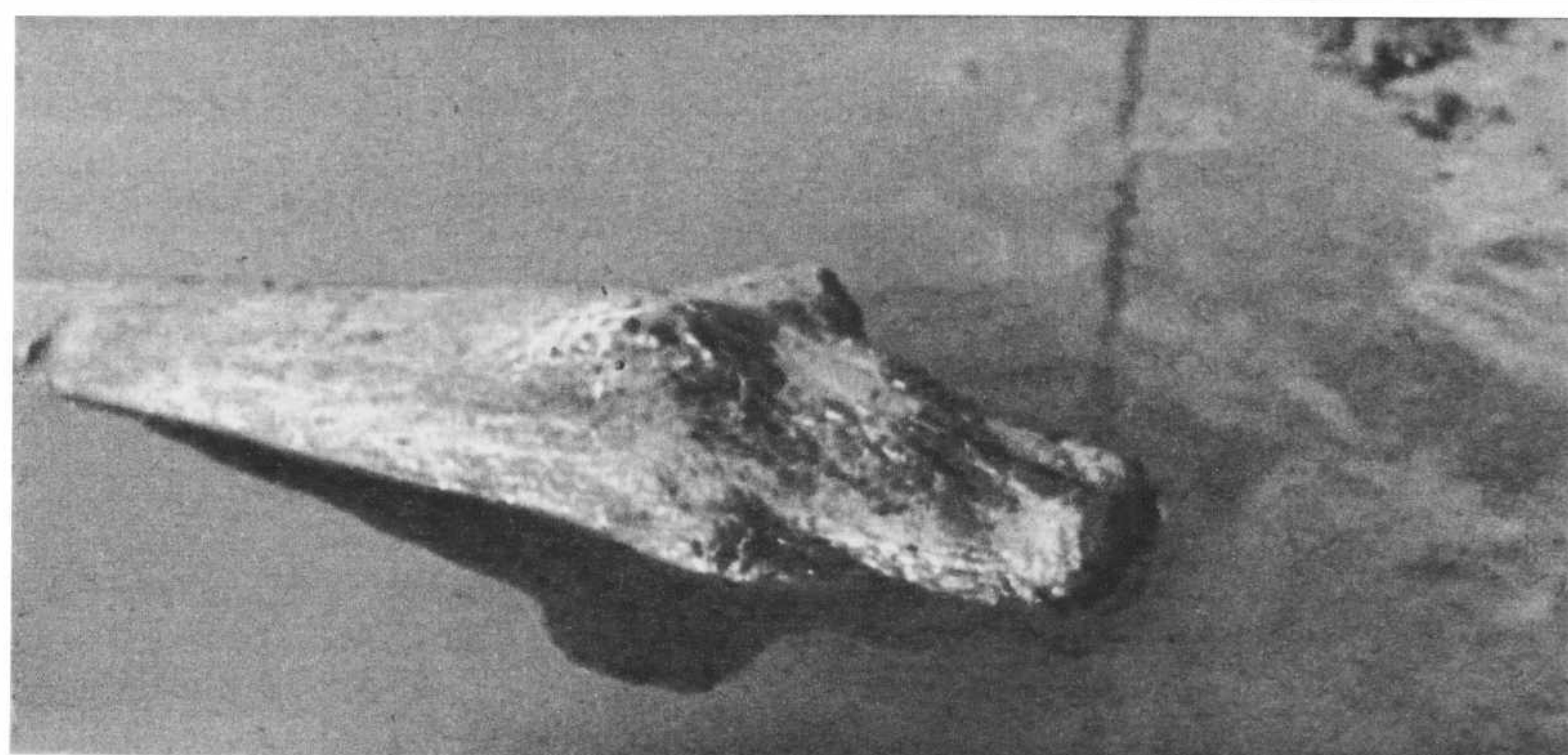
И. ЧЕРНЕВ
Фото С. Таежного.

«КРОКОДИЛ» В СУРЕ

Это полузатонувшее бревно, похожее на крокодила, я сфотографировал на реке Суре.

В. СКВОРЦОВ
Саратов.

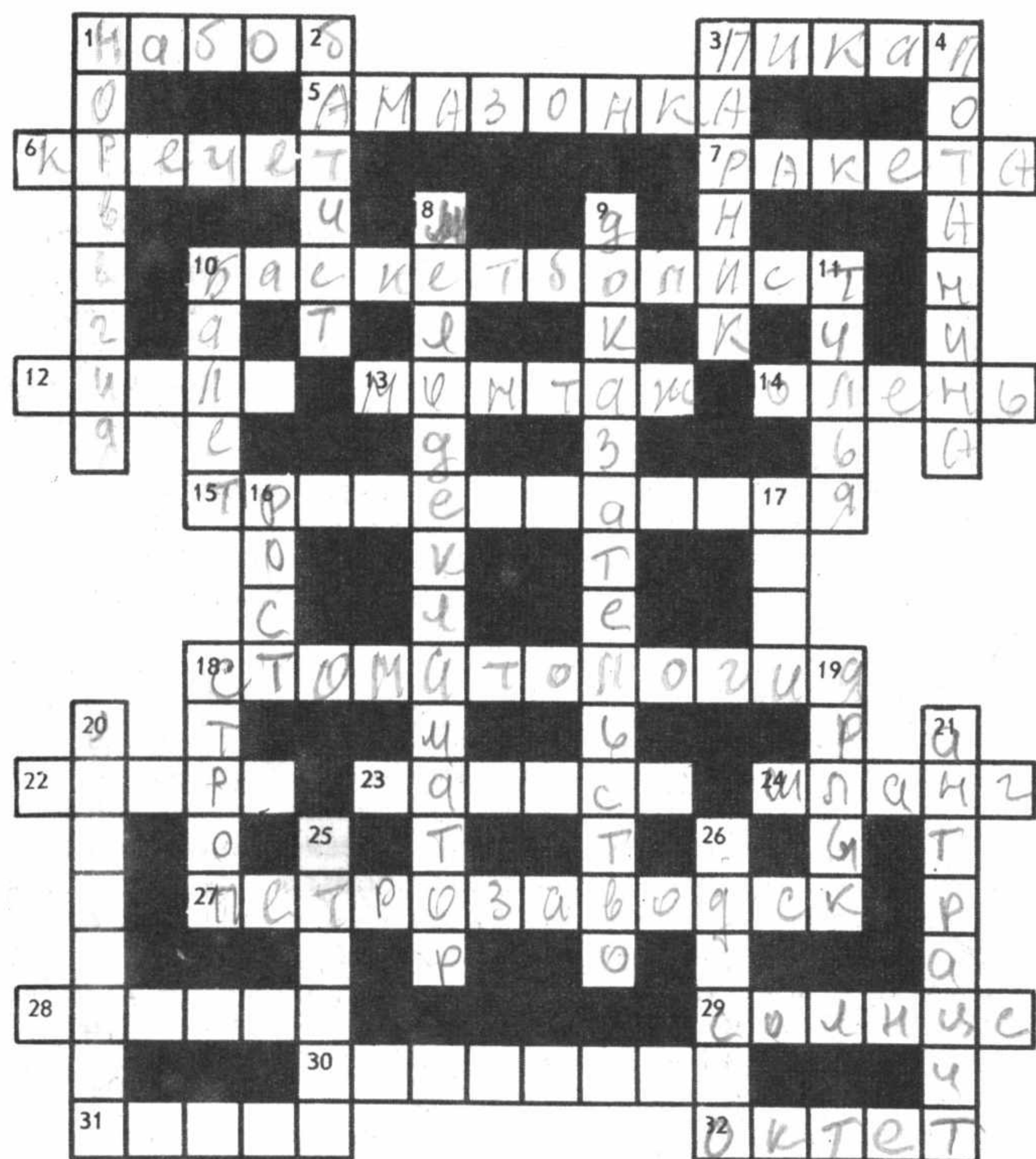
Ласка

В небольшом степном поселке дети увидели юркого желтовато-бурого зверька — ласку. Пытаясь поймать, они загнали ее под сарай. Я заметил это и попросил детей отпустить ласку. На прощание я ее сфотографировал.

А. ТИМОФЕЕВ
Кременчуг.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Роман А. Додэ. 3. Грузо-пассажирский автомобиль. 5. Самая многоводная в мире река. 6. Герой пьесы А. Корнейчука. 7. Летательный аппарат. 10. Игрок спортивной команды. 12. Старинный музыкальный инструмент. 13. Сборка и установка машин, конструкций, сооружений. 14. Парнокопытное животное. 15. Растение, побывавшее в космосе. 18. Раздел медицины. 22. Племена, населявшие в глубокой древности часть Крыма. 23. Народный поэт Дагестана. 24. Гибкая труба. 27. Столица автономной республики. 28. Гора на Северном Кавказе. 29. Небесное тело. 30. Основная часть прядильной машины. 31. Французский писатель эпохи Возрождения. 32. Ансамбль из девяти музыкантов.

По вертикали:

1. Государство на Скандинавском полуострове. 2. Тонкая полупрозрачная ткань. 3. Сооружение для выращивания рассады и ранних овощей. 4. Исследовательница Центральной Азии. 8. Чтец. 9. Довод, подтверждение. 10. Вид театрального искусства. 11. Часть шляпы. 16. Развитие, увеличение в числе. 17. Бельгийский скрипач-виртуоз и композитор. 18. Трос парашюта. 19. Этикетка. 20. Прибор для измерения мощности электрического тока. 21. Плотный каменный уголь. 25. Создатель Пулковской обсерватории. 26. Изобретатель фонографа.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали:

5. Лавсан. 7. Вихрь. 8. Виктория. 9. Бидструп. 11. Планирист. 14. Конраст. 17. Колорадо. 19. Коридор. 20. Радуга. 21. «Тысяча». 22. Заметка. 24. Цирконий. 26. Арфистка. 28. Вахтангов. 31. Барельеф. 32. Спаниель. 33. «Синица». 34. «Тройка».

По вертикали:

1. Павильон. 2. Осетр. 3. Охота. 4. Голубика. 6. Норильск. 7. Водосбор. 10. «Героическая». 12. Прогноз. 13. Лодыгин. 15. Окапи. 16. Толай. 17. Кошка. 18. Дичок. 22. Зигальга. 23. Аргонавт. 25. Розмарин. 27. Туфелька. 29. Тефия. 30. Витол.

На первой странице обложки: Они подружись в Артеке, пионера из Азербайджана Сурия Дадашева и норвежка Лойла Ларсен.

Фото И. Тункеля.

На последней странице обложки: Встреча дружбы немецких пионеров и французских «вайянов» (пионерская организация Франции «Союз отважных»).

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), В. Б. КАССИС, Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Оформление В. Епанешникова.

Рукописи не возвращаются.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформление — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 07174. Подписано к печати 12/Х 1960 г.
Формат бум. 70×108%. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 720 000. Изд. № 1563. Заказ 2762.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Тема выступления «ОГОНЬКА»

«Автобус мне, автобус!»

Уфимский горком КПСС сообщает, что в корреспонденции «Автобус мне, автобус!», напечатанной в № 32 журнала «Огонек», совершенно правильно указывается на серьезные недостатки в работе городского транспорта и на нарушение порядка использования специальных автомобилей. Бюро горкома КПСС обсудило эту корреспонденцию на специальном заседании. Для равномерной загрузки городского транспорта пересмотрены графики начала работы промышленных и строительных организаций. Будут открыты новые маршруты, сокращены интервалы движения трамвайных поездов и автобусов, благоустроен ряд автобусных и трамвайных остановок и отремонтированы дороги, а также усилен общественный контроль на остановках в часы «пик». На наиболее загруженных маршрутах в часы «пик» увеличено число рейсовых автобусов и трамвайных поездов. Ускорено строительство трамвайного и троллейбусного депо, которое начнет действовать в этом году.

Усилен контроль со стороны райкомов КПСС, исполкомов райсоветов и госавтоинспекции за использованием по назначению специальных и служебных автомашин на предприятиях и в организациях города.

Бюро горкома КПСС указало начальнику управления коммунальных предприятий исполкома горсовета тов. Петровскому, начальнику управления трамвая тов. Калинин и автобусных хозяйств №№ 1, 2 тов. Волкову и Демину на серьезные недостатки в работе городского транспорта и предупредило их о персональной ответственности за обеспечение нормального обслуживания трудящихся пассажирским транспортом.

Секретарь Уфимского горкома КПСС
С. ВОРОНИНСКИЙ

«Ширмы и фирмы»

Прочитав в № 11 «Огонька» фельетон «Ширмы и фирмы», группа магнитогорских художников — товарищи Разин, Суворов, Усов, Рябов, заслуженный деятель искусств РСФСР Г. Соловьев и другие прислали в редакцию письмо. Они критиковали работу художественной мастерской при... Магнитогорском хоровом обществе. Заведующий отделом пропаганды и агитации Челябинского обкома КПСС В. Синицын, которого редакция проинформировала о сигнале читателей, сообщил нам, что по этому вопросу состоялось совещание в Магнитогорском горкоме КПСС. Решено передать мастерскую в ведение Художественного фонда РСФСР.

«ПРИНЯТЬ ЗАКОН О ТУНЕЯДЦАХ»,—ПРЕДЛАГАЮТ ЧИТАТЕЛИ «ОГОНЬКА»

У нас, в Грузии, уже издан указ «Об усилении борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами». Их будут выселять из городов и городских поселков на срок от шести месяцев до двух лет.

Думаю, что издание таких же указов в других республиках положило бы конец всем «наследным принципам», очистило бы атмосферу городов и поселков, а также приобщило бы тунеядцев к трудовой деятельности.

Тбилиси.

В. НИЖАРАДЗЕ

Считаю, что с такими типами, которые описаны в последних фельетонах «Огонька», следует вести борьбу. Необходимо установить законом, что лица, которые достигли 18 лет и нигде не учатся, должны работать. Заставить их трудиться в обязательном порядке!

Владивосток.

Ф. КОЗАК

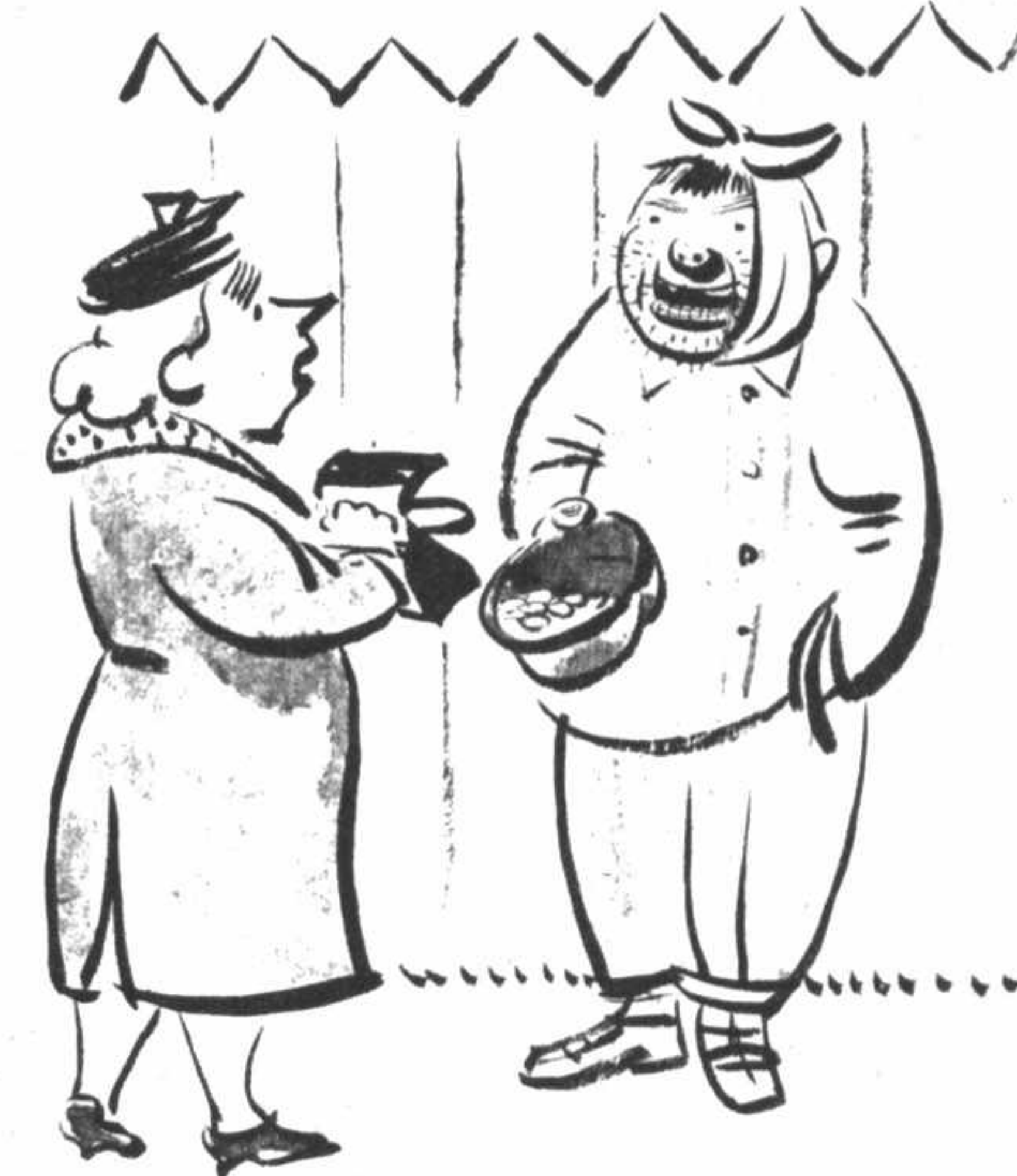
ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБКИ

В № 40 журнала «Огонек» на странице 14-ой подпись к репродукции картины Диего Ривера «Блестящая победа» следует читать так: «На картине изображен Джон Фостер Даллес, пожилой рукой наемнику США Кастильо Армасу, палачу народа Гватемалы».

Как и двадцать пять лет назад.

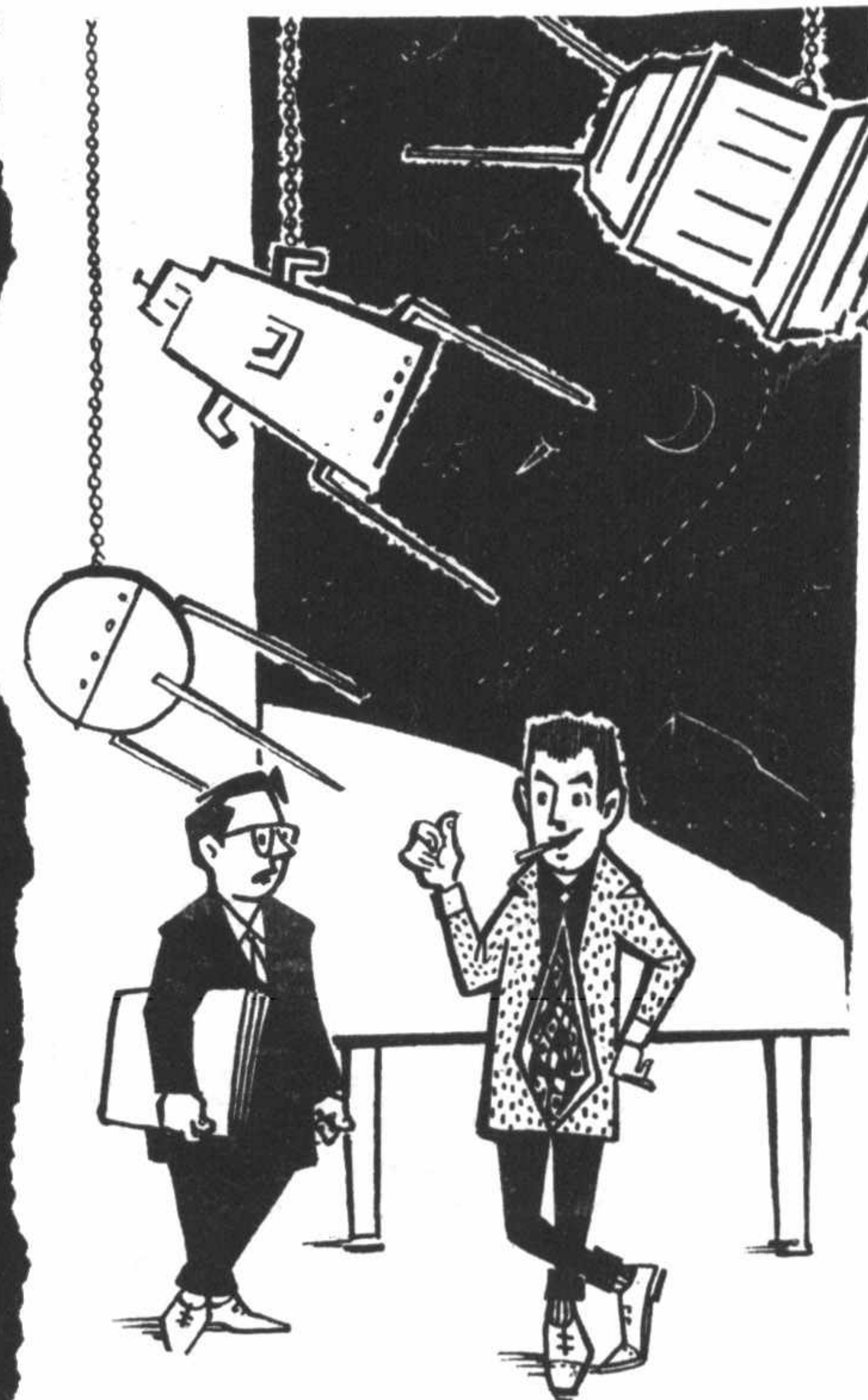
Рисунок В. Воеводина.

— У меня сто рублей.

— Ничего, давай, разменяю.

Рисунок В. Воеводина.

«ЦЕНИТЕЛЬ» НА ВЫСТАВКЕ

— Это все пустяки. А ты знаешь, какие за границей носят галстуки?

Рисунок Ю. Манаренко.

С нашего поля вон!

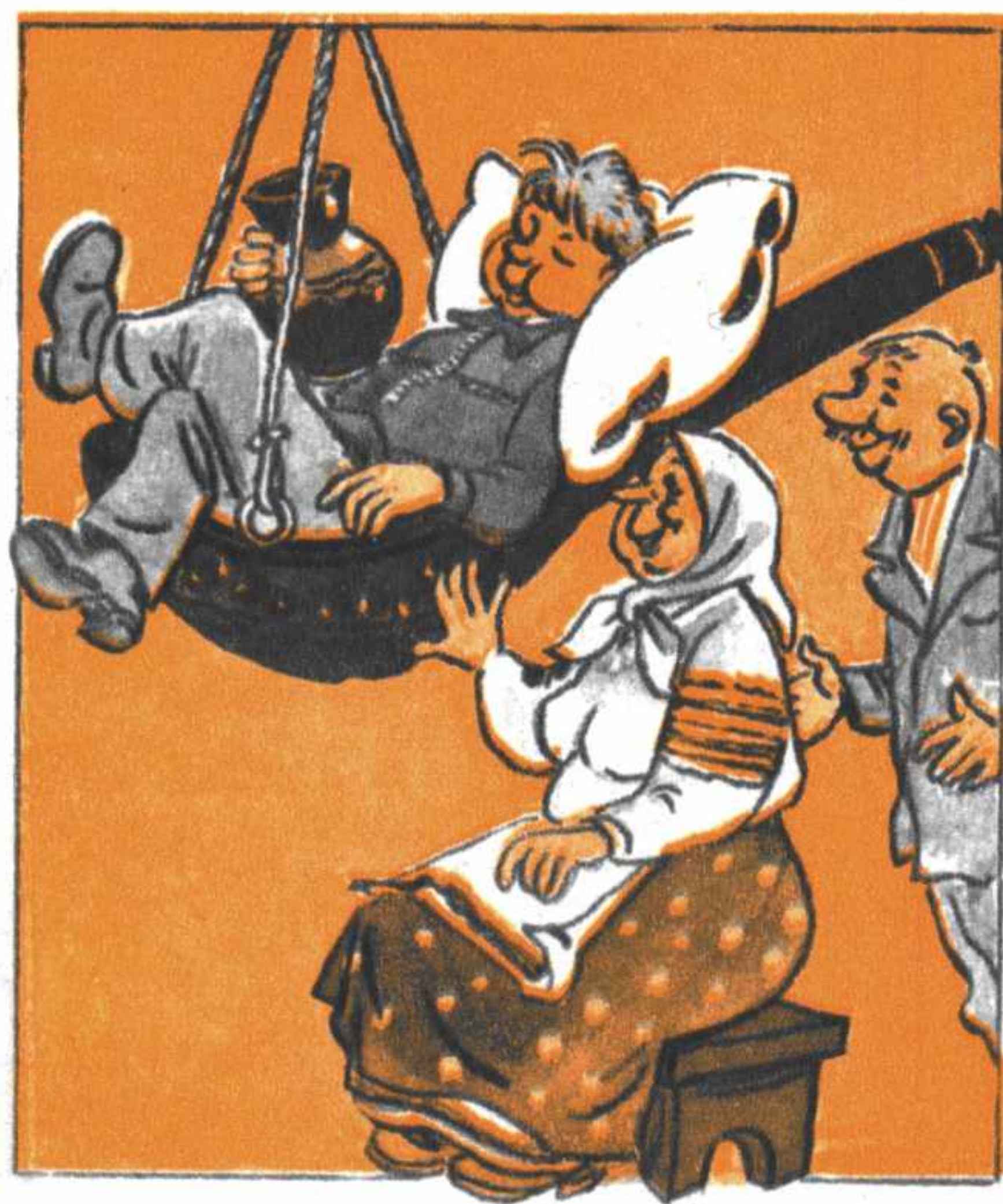

Рисунок Е. Ведерникова.

— Мама, сильно не топите: печет ноги.

Рисунок А. Арутюнянца.
Из журнала «Перец».

Младенец.

Рисунок Бе-Ша.
Из журнала «Перец».

Подонки.
Рисунок
Л. Самойлова.

— Билетики, говорите
втридорога? Высоко ценю
искусство!
Рисунок В. Воеводина.

— Хелло, господа тури-
сты, за нейлоновые носки
я буду гидом в этих ме-
стах.
Рисунок Л. Самойлова.

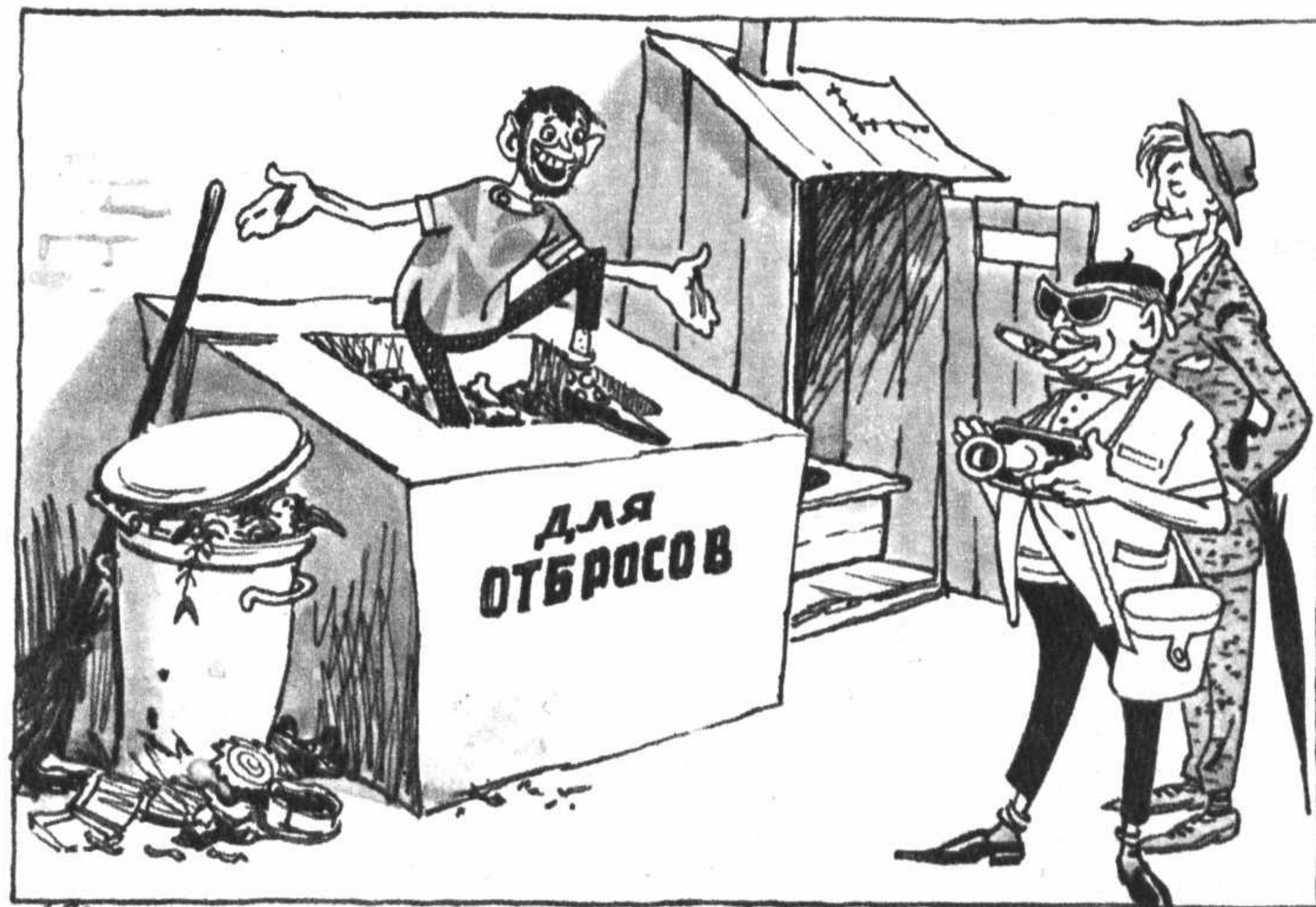

Рисунок Бе-Ша.

Цена 1 руб.

